

The illustration depicts two characters standing on a rocky ledge in a deep canyon. The character on the left is a man with dark hair, wearing a green hooded cloak with intricate gold embroidery and a brown satchel. The character on the right has spiky blonde hair and wears a similar green hooded cloak. They both look upwards with serious expressions. The background shows a vast canyon with steep, rocky walls and a sky filled with dramatic, swirling clouds. Bright, ethereal light rays stream down from the sky, illuminating the scene. The overall style is a detailed, painterly illustration with a focus on texture and atmosphere.

ЧЕРТОГ
ЗАБВЕНИЯ

ХРАНИТЕЛЬ
ГЛУБИН

Владислав Лапшин
Хранитель Глубин
Серия «Чертог Забвения», книга 1

<https://litres.ru/74089934>

SelfPub; 2026

Аннотация

Орин Оренис — живое напоминание о том, что магия однажды вышла из-под контроля. На него смотрят как на угрозу, ставят ставки, сколько он продержится, и строят козни за его спиной, вместо того, чтобы просто поговорить. Но Орин уже слишком дорого заплатил за свою жизнь, чтобы снова отступить.

Ему предстоит делить комнату с человеком, который боится собственной силы, выбирать между законом и совестью, правдой и лояльностью, прошлым и теми, кто впервые называет его другом.

Чем глубже Орин погружается в тайны Академии и историю своей семьи, тем яснее становится: прошлое переплетено с настоящим гораздо теснее, чем кто-либо готов признать...

Содержание

Часть 1. Шёпот за спиной	4
Глава 1. Пролог	5
Глава 2. Семейные узы	48
Глава 3. Обречённый на покой	60
Глава 4. Совет Высших	118
Глава 5. Там, где рушатся стены	137
Глава 6. Новые горизонты	151
Глава 7. Слова, что не тают под дождём	175
Глава 8. Цена решений	194
Конец ознакомительного фрагмента.	214

Владислав Лапшин

Хранитель Глубин

Часть 1. Шёпот за спиной

Вина — не в магии, а в гордыне тех, кто решил, что может и достоин дотронуться до запретного.

Глава 1. Пролог

451 год.

Сильва́риус.

— Тарволд, я так больше не могу. — выдавила из себя Лиа, смотря в след рослому парню, шаги которого только наращивали темп.

— Послушай, сестрёнка... — Тарволд с улыбкой обернулся к белокурой, румяной девице, — это наш шанс! Не часто выпадает такая выгодная подработка. Зримые Вне хорошо заплатят за Целебную Пудру. Это довольно редкий материал, и не только в наших краях.

— Да, но мы ведь тоже... Зримые Вне. — с долей сожаления пробормотала Лиа.

— Не каждый, кто владеет Переплетениями, способен себя обеспечить. Но я не собираюсь сдаваться. И среди таких, как мы, есть те, кто имеет чуть больше денег. Мой долг — немного сравнять объём наших кошельков. Тарволд резко остановился. Да так, что миниатюрная Лиа, не поспевавшая за мыслями и ногами брата, врезалась со всей силы в спину юноши.

— Ай! Ты чего? — потирая нос от боли, выкрикнула сестрёнка слегка обиженным голосом.

— Посмотри! Вот о чём я тебе говорил! Те самые шахты с

Целебной Пудрой. — Указал парень уверенным движением руки.

На краю Таудера, в глухих землях Зримых Вне, где скалистые уступы нависают над крошечными террасами мха и осыпавшегося камня, двое — Тарволд и Лиа — остановились перед тёмным провалом заброшенной шахматы с Целительной Пудрой. Узкий вход, когда-то обрамлённый ровными каменными стойками, теперь зарос тяжёлыми, свисающими клочками паутины, спутанной с серо-жёлтой пылью, так что проём казался затянутым тусклой пеленой сна. Поздняя весна почти не чувствовалась здесь: редкие, упрямые стебли травы пробивались между камнями, но уступали место грибнице и мох-грибам: странной, живой шубе из магической смеси растений и спор, что покрывала стены, своды и даже старые рельсы добытчиков. Стоило порывам ветра шевельнуть глубинную пыль, как мельчайшие частицы Целительной Пудры просачивались наружу и оседали на эту пористую плоть, и тогда мох-грибы, чуткие к её дыханию, вспыхивали мягким синеватым сиянием. Свет не резал глаза, а разливался по камню ровным, спокойным мерцанием, будто шахта лениво вспоминала давно угасшее Переплетение. Вокруг не слышно было ни голосов, ни шагов, только далёкий стук камешков, сорвавшихся с карниза, да приглушённое эхо их падения где-то внизу, под обрывом. Безлюдные скалы стояли вокруг немymi стражами, и в этом пустом, забытом всеми месте двое у входа казались почти случайными

гостями, которым предстояло разбудить то, что мир решил оставить в покое.

Довольная ухмылка не сходила с лица юноши:

— Как твой нос? Всё в порядке?

— Всё в порядке! — ответила Лиа, ткнув в плечо брата своим маленьким кулачком. Её взгляд упал на единственный, еле заметный, путь к каменистым недрам.

Воспоминания не заставили себя долго ждать. Однажды папа, когда Лиа была ещё ребёнком, во время одного семейного ужина достал из шкафа пыльную книгу.

Он тогда так удивлённо воскликнул:

— И почему на ней так много пыли?! Я ведь пользуюсь ею довольно часто. Как минимум пару раз в год! — и улыбнулся, глядя на нас в ожидании реакции.

Он знал, что это нас рассмешит, и кусочки не дожёванного мамино ягодного пирога разлетелись по всей комнате. После того как мама отчитала каждого из присутствующих, папа открыл энциклопедию магической флоры и показал на страницу, где были изображены те самые мох-грибы.

— Смотри, какие красивые, Лиа. Ты знаешь, в чём их особенность?

Тогда девочка так нахмурила лоб, что казалось, будто каждая мышца на её голове активно участвовала в мыслительной деятельности.

— Пап, прекращай это! — недовольно пробурчал Тарволд. — Ты же прекрасно знаешь, что мы даже представления не имеем, что это может быть. Это ведь ты у нас работаешь научным исследователем в Главном Магическом Ботаническом Саду. Выкладывай.

Тогда папа и рассказал, что эти мох-грибы очень чувствительны к Целебной Пудре: она заставляет их подсвечивать вокруг себя небольшую территорию мягким синим светом. В сумерках это выглядит особенно красиво.

— Так это же Санавиён! — Лиа кивнула в сторону сгнившей, оградительной ленты. — Тот свет!

— Ты даже запомнила их название! Удивительно! Братнеуч в тени своей любимой сестрёнки. Санавиён. Как же я долго пытался это вспомнить. — С умилением произнёс Тарволд, смотря, как его младшая сестра сильно выросла за последнее время.

Синий свет от мох-грибов буквально кричал о том, что внутри скрываются огромные залежи заветной руды. Тарволд слегка приобнял Лию, его пальцы уверенно легли ей на плечо, очерчивая знакомый рельеф худой ладони. От этого простого жеста будто исходили тепло и спокойствие: чувствовались добро, любовь и забота, которые буквально камнем стояли в прелом воздухе. Спокойный, но твёрдый голос

брата нарушил вечернюю тишину:

— Я ради вас готов на всё. — Он на мгновение замолчал, подбирая слова. — Я, может быть, и не чистых кровей, сирота... Вы приняли меня, воспитали как родного. Никогда не давали почувствовать, что я чужой.

Он сжал плечо Лии чуть сильнее, будто клялся не только словами, но и прикосновением:

— Я не смогу вернуть вам всего, что вы сделали для меня. Но я сделаю всё, что в моих силах. Если понадобится — спущусь в эту шахту, пройду через любые земли. Лишь бы всё у вас было хорошо. Лишь бы этот дом и всё, что у нас есть, не исчезли.

Тарволд не смотрел на Лию ни разу за весь этот монолог. Его взгляд был устремлён только вперёд, в тёмный провал заброшенной шахты, а в глазах читалась решимость, не по возрасту взрослая. Голос отдавался в спине Лии приятным, вибрирующим эхом, и с каждым его словом она чувствовала: брат не просто утешает её — он даёт клятву, которую намерен исполнить любой ценой.

— Не зря же наш старик изучал ботанику, ты только посмотри! Вживую это ещё более прекрасно! — усмехнувшись, воскликнул Таврольд.

— Он не старик! — В ответ послышался возмущённый голос Лии. Россыпь смеха окатила всю прилегающую окрестность. Лишь птицы не оценили этого эмоционального порыва двух молодых людей, разлетевшись по разные стороны.

Вечер выдался особенно прекрасным. Каждый новый вздох ощущался, как глоток Имбирного отвара: вызывал невероятный прилив энергии, способный в кратчайший срок поднять на ноги не только завсегдатого пустых таверн, но и шайку непослушных Фраксов. Эти твари хоть и не отличаются силой, проворства у них не занимать. Дариан Хербариус уже который год как пытается отбить у этих дурных существ свой прекрасный сад. Сад, который Иссаэлия — жена Дариана — к тому времени готова была сжечь.

— Дариан, мне кажется, это уже слишком, — с вдохом сказала Иссаэлия, роняя грязную тряпку на кромку кухонной раковины. Та, в свою очередь, потеряв баланс, покачалась в ответ на это простое действие, издав следом очень неприятный металлический скрип. Взгляд Дариана упал на раковину. С неспешностью, присущей любому научному деятелю, он поставил кружку с похожим на кофейный напиток варевом на стол.

— Я почию это, как только мне вернут Корешок Тарийского Дуба. — Ответил Дариан, вернув свой взгляд на выпуск свежих газет.

— Дорогой, это спокойно можно починить и без Сакрального Предмета. Тут не нужны Переплетения, достаточно молотка и пары гвоздей. Свободные руки, уверена, у тебя тоже найдутся. И я не про это. — Исса села рядом за стол, сложив и откинув газету в сторону. Её невообразимо тёплая ру-

ка коснулась его запястья.

У женщины было светлое и ровное лицо с короткими льняными волосами до подбородка и тихим, чуть настороженным взглядом. На ней была светлая, тонкая регалия, почти невесомая в полумраке, отчего она казалась не то благородной леди, не то видением из старой легенды.

— Вчера вечером, перед твоим приходом к нам постучался мужчина. Солидный, серьёзный, уверенный. Таких обычно Зримые Вне выбирают на должность как минимум Градодержца. Мне показалось странным, что такому человеку понадобилось от простой семьи. После вопроса в лоб мужчина сказал, что у него есть для нас хорошее предложение. Обычно я не верю первым встречным и никогда бы не поверила, на что мужчина в регалии предъявил мне целый мешочек манитов. На первый взгляд, там не меньше десяти тысяч. Тогда я всё же решила выслушать этого человека. — Исса замолчала, губы сомкнулись. Тяжесть нависала с каждым словом.

Дариан был худощав, с вытянутым бледным лицом, мягкими чертами и внимательным, чуть настороженным взглядом за тонкими очками. Светло-каштановые волосы, аккуратно зачёсанные набок, придавали ему вид прилежного ученика, а простая пижама делала его ещё скромнее.

Откинув назад стул, он подстроился под его новое положение. Закрыв глаза. После небольшой паузы, собравшись с мыслями, заговорил:

— Исса, сколько раз я тебе говорил не открывать и не разговаривать с незнакомцами. Ты же уже не маленькая девочка. Мы не потянем, если вдруг к нам залезут воры и вынесут последнее. У нас есть дети. Да и в конце концов...

Тут его речь прервала Исса:

— Дариан!

— Но ведь кто-то мог погибнуть!

Лицо Иссаэлии покраснело.

— Дариан Хербариус, ты можешь хоть раз выслушать и дослушать то, что я тебе говорю?! — не справившись с эмоциями, крикнула женщина. Осознав в моменте и остыв, Исса выпрямила спину, присела поудобнее. Вдох-выдох помог снова собраться с мыслями.

— Дорогой, послушай меня. Этот джентльмен проезжал мимо и увидел наш сад. Он был удивлён разнообразием магической флоры и отдал должное человеку, кто смог всё это вырастить и сохранить. Тебе, Дариан! Как я поняла, он не последний человек в этих ваших ботанических делах и тоже хорошо в этом разбирается.

Кулак Дариана с силой сжался до предела, опустившись на столешницу.

— Маниты, Джентльмен, наш сад. Можешь не продолжать, Исса. Я не продам этот сад. Он — моё детище. И это всё, что у нас есть.

— Дариан, ну какой же ты...

— Какой?

Слеза проскользнула по лицу женщины. Кот, который проходил мимо раковины, задел основание своим пушистым хвостом и снова запустил этот своеобразный маятник и симфонию из скрипучего визга. Исса остановила это одним движением руки, рухнув на стул от бессилия, словно всё накопленное внутри с болью вышло на свободу.

Кухня выглядела так, словно время здесь не просто шло, а спотыкалось и падало. Потолок местами был в тонких, как паутина, трещинах. Старые потемневшие балки держались скорее на упрямстве Дариана, чем на гвоздях. Здесь и там виднелись следы неудачного ремонта.

Узкий стол, с вздувшейся и потрескавшейся столешницей, был когда-то добротным, но теперь выглядел так, словно пережил и потоп, и пожар, и два-три неудачных эксперимента.

Одиноко висела над кухонным столом огромная ложка, которая то и дело медленно поворачивалась сама по себе: старое, наполовину сломанное Переплетение уборки всё ещё пыталось работать, но уже не понимало, что делать. Обеденный стол был почти полностью завален записями. Листы разного размера: от аккуратных пергаментных страниц до оборванных клочков покрывали поверхность, словно странный снег. Почерк Дариана — быстрый, порывистый. На полках, где по идее должны были стоять горшки и банки с крупой, лежали стопки тетрадей, скрепленные бечёвкой, и научные исследования, перевязанные старыми, выцветшими ленточ-

ками.

Повсюду встречались схематичные рисунки растений зачарованного мира: тонкие стебли, пышные шапки мхов, цветы с невероятным количеством лепестков, корни, сплетающиеся в причудливые узоры.

К полке над столом были приколоты десятки маленьких записок: обрывки мыслей Дариана, не дождавшиеся черновиков. «Проверить реакцию на лунный свет», «Исса, не трогай третий горшок!», «Запах менять структуру пыльцы?», «Сравнить образцы из болота». Несколько листков были наполовину сожжены: очевидно, в какой-то момент эксперимент прошёл не так, как планировалось, и только быстрая реакция любимой жены спасла дом от пожара.

На подоконнике, рядом с потрескавшейся рамой окна, стояли несколько глиняных горшков. Форма была чуть-чуть неправильной, а оконная рама под разными углами казалась то ровной, то перекошенной. В горшках росли редкие магические растения: жадные к свету, тянущиеся стеблями к мутному окну и упирающиеся в стеклянную гладь. Где-то среди них виднелись бирочки с небрежно выведенными названиями и краткими формулами ухода.

Несмотря на всю ветхость, кухню нельзя было назвать мёртвой или заброшенной. В каждом искорёженном предмете, в каждой неровной надписи чувствовалась жизнь. Это была полновесная жизнь, не безнадёжная, упрямая, уставшая, но живая. Дом, который держался не на прочных сте-

нах, а упрямстве Дариана как учёного и тихой заботе Иссаэлии.

— Посмотри вокруг, Дари! Десять тысяч манитов! Они бы намгодились! — Сказала женщина, поглаживая кота, который к тому моменту уже всюю тёрся у ног хозяйки, выпрашивая лакомство.

Тогда Дариан неуклюже пошаркал по карманам пижамы и нашёл небольшой кусочек засохшей говяжьей кишки. Кот сразу почуял запах еды, прошмыгнув через руки хозяйки напрямиком к заветной пище.

— Да чтобы тебя, Дари. Зачем ты носишь это в кармане?

Дариан погладил кота, отдав ему кишку. На измученном лице в моменте проскользнула улыбка.

— Эмм, не важно. Иссаэлия, любовь моя, мы справимся. Просто верь. Дом Хербариусов ещё увидит лучшие времена. К тому же Тарволд нашёл шахту с Целительной Пудрой. Они мне с Лией все уши прожужжали вчера, описывая место и дорогу туда.

— Только не говори мне, что всерьёз над этим раздумываешь. Это опасно. Эти шахты ведь не просто так закрыли. Никакая там пудра не стоит человеческой жизни. — ответила Исса.

— Дорогая, я так же, как и ты, осознаю всю опасность данной затеи. Но и, как исследователь, не могу просто упустить этот шанс. — сказал Дари, ища в куче бумаг очередную «важную» запись.

— Не можешь, значит. — прозвучал голос за спиной уставшего исследователя, сопровождая звуком, очень напоминавшим ту самую зачарованную Переплетением горе-ложку. Поворот тела не заставил себя долго ждать. Страх перед тем, что тебя могут приложить крепкой, металлической утварью работает намного быстрее мысли. Мгновение — и тело уже смотрит в самую суть надвигающейся угрозе.

— Я всё обдумал. На самом деле я уже нашёл и покупателя — Одна из Зримых Вне на соседней улице. Может, не так состоятельна, как твой «Джентльмен», но готова неплохо заплатить даже за пару килограмм Пудры.

— Ах ты уже всё обдумал. — Ложка поднялась над головой Дариана, так высоко, что тот на мгновение забыл, о чём говорил. — Наверняка у тебя есть и название для этой «пыльцы»! — фыркнула Исса, пытаясь совладать с эмоциями.

— Конечно. «Vena Caelestis Stellarum». Ну, или просто Целёбцис. — машинально ответил Дариан.

— Избавь меня от этого. — женщина обмякла, приняв непростое для себя решение. — Хорошо, Дариан Хербариус, будь по-твоему. В конце концов, нам ничего не остаётся. И, пожалуйста, приberi весь этот хлам.

— Спасибо, Исса. На днях мне подвезут остатки следований по структуре Хищных Астерок из ГМБС, и после мы сможем выдвинуться навстречу новому будущему семьи Хербариус. — пробормотал Дариан, собирая записи со стола

в общую кучу. В этот момент на подоконнике из горшка слышалось клацанье мелких зубок, которые будто говорили: «Да-да, только дай мне ещё пару личинок».

— А ты не думала использовать свою Брошь для починки этой раковины? — Спросил Дариан.

— Не всегда есть необходимость в Переплетениях. Свой Сакральный Предмет я предпочитаю использовать в куда более нужных ситуациях. Извини, Дорогой. Мне нужно отдохнуть.

Оставив супругу, Дариан отправился к себе в кабинет, который находился в глубине Магического Сада. Он не стал рассказывать о том, что рюкзаки и всё нужное оборудование уже было готово к походу за Целёбцисом. А также, что Таврольд уговорил взять его с собой. Сейчас этот факт ещё больше усугубил бы и так непростую ситуацию, а его, и без того беспокойная голова, обзавелась бы парой шишек.

Сад раскинулся во дворе, укрытый от посторонних глаз высокими стенами старого дома. В глубине ночи он сиял мягким, разноцветным светом: одни цветы мерцали бледно-голубым, другие отбрасывали тёплые золотистые блики, третьи испускали едва заметное пурпурное свечение, как отблеск далёких звёзд. Воздух был насыщен ароматами: пряными, сладкими, терпкими — все они переплетались в один общий, завораживающий запах живой магической флоры.

Здесь росли растения, о которых большинство Зримых Вне читало и позабыло ещё со времён обучения в Академии «Завесы Элианориса». Хрупкие стеклянные лилии, лепестки которых звенели тихим колокольчиком при малейшем дуновении ветра. Довольно опасны, если случайно задеть и разбить. Осколки этих лепестков острее самого искусного клинка. Тяжёлые, увенчанные шипами плоды, внутри которых тлел тёплый огонёк, освещая траву вокруг мягким янтарным сиянием. Вьющиеся лозы, медленно перетекающие с одной опоры на другую, словнодвигающиеся в замедленном танце, меняли рисунок сада каждую ночь. Листья некоторых кустарников едва заметно шептались, переговариваясь между собой на своём растительном, шуршащем языке.

За этим зелёным царством ухаживали тщательно и с любовью. Почва была мягкой и чёрной, недавно взрыхлённой; нигде не было видно сорняков, каждый побег был подвязан, каждая ветка аккуратно подрезана. Маленькие кристаллические колышки с выжженными Переплетениями для питания и защиты были воткнуты у корней самых капризных экземпляров, обеспечивая им стабильный приток магической энергии. По невидимым дорожкам неторопливо текла еле заметная в лунном свете вода: тонкие ручейки, поддерживающие идеальную влажность.

В самом сердце этого сада, почти полностью скрытый густыми кронами и высокими стеблями, стоял импровизированный кабинет Дариана. Небольшой деревянный навес,

оплетённый лианами, превратился в рабочее пространство: стол, заваленный записями, гербариями, баночками с образцами почв и пыльцы. На перилах и стеллажах висели связки засушенных стеблей и цветков, некоторые слегка светились, другие, наоборот, казались поглощающими свет и звук. Перед ним мерцали несколько Люминариев, освещая испитые листы мягким светом. Чернила на последних строках едва подсохли: Дариан снова и снова вносил поправки в свои наблюдения, проводил параллели, выстраивал гипотезы. Периодически он поднимал голову, всматривался в сад, прислушивался к ночному дыханию растений, а затем возвращался к записям, делая пометки торопливым, но уверенным почерком.

Дариан сидел в глубине этого зелёного убежища, наблюдая за садом через приоткрытую арку листвы. На нём был поношенный, местами прожжённый халат, который был накинут поверх пижамы. Рукава закатаны до локтей, кисти перепачканы землёй и следами высохших зелий. Его уставший взгляд скользил от одного растения к другому: он отмечал, как раскрываются ночные бутоны, как изменяется оттенок листьев под влиянием луны, как медленно переливаются жилки на лепестках тех, кто питался звёздным светом. На губах учёного играла тихая, довольная улыбка.

Он любил этот сад всем сердцем. Каждое растение здесь имело историю: найдено в забытом ущелье, выкуплено у контрабандиста артефактов, выращено из едва живого черенка,

добытого во время рискованной экспедиции. Между строк его записей, между листами гербария и стеклянными пробирками чувствовалась одна и та же мысль: безграничное восхищение уникальными свойствами этого мира.

Усталость давно поселилась в его движениях. Под глазами пролегли тёмные круги, плечи чуть опустились, а голова иногда кивала в такт незаметной дремоте. Но в каждом взгляде, брошенном на сад, всё ещё было столько тихой радости, что, казалось, он готов не спать ещё несколько ночей ради ещё одной новой детали, ещё одного открытия.

Ночь становилась глубже. Магические цветы расцветали во всей своей силе, некоторые вспыхивали особенно ярко, словно отвечая на его внимание. Тёплый, почти убаюкивающий аромат цветущей флоры медленно заполнял кабинет. Где-то над садом протянулась тихая, мягкая трель ночной птицы, а в ответ один из кустов выпустил облачко светящейся дымки, которая плавно опустилась на тропинку. Дариан в последний раз пробежался взглядом по строкам своих заметок, откинулся на кушетку и позволил себе чуть более долгий вдох. Улыбка на его лице стала мягче, почти детской.

Тёплый свет кристаллов-люминариев мерно колыхнулся, словно кто-то приглушил яркость. Перо выскользнуло из пальцев и тихо покатилося по столу. Поддавшись накопившейся усталости, Дариан незаметно для себя закрыл глаза и уснул, окружённый шёпотом ночного сада, который продолжал цвести и сиять, оберегая покой своего хозяина.

Двумя днями позже. Мнёмора.

Обычная, на первый взгляд совершенно неприметная улица Зримых Вне тянулась ровной ниткой между двух рядов домов на окраине Мнёморы. Небольшие, аккуратные строения из камня и кирпича, ухоженные палисадники, редкие деревья вдоль дороги, кое-где — покосившиеся скамейки у ворот. Мостовая была старая, но не разбитая, с привычными следами повседневной жизни: Дорога, на которой остались следы чуть заметной колеи, отполированные каблучками плитки у крылец, сухие листья в стыках камней. Ничего, что выдало бы Переплетения с первого взгляда: никакого странного сияния, летающих предметов или причудливых вывесок: просто тихая улица в обычный вечер.

Но стоило Зримому Вне ступить на эту мостовую, как за его спиной едва слышно щёлкал камень, и на ближайшем фонарном столбе мягко вспыхивал Люминарий: вытянутый кристалл в медной оправе. Он загорался приглушённым, тёплым светом, будто узнавая проходящего, и этот свет передавался дальше, от столба к столбу, пока вся улица не прокладывала перед Зримым Вне сияющий путь. Кристаллы не тревожили обычных людей, оставались для них лишь необычно красивыми фонарями, но Зримые Вне знали: Люминарий откликается только на их присутствие.

Одновременно с этим на фасадах домов, рядом с аккурат-

ными дверями, одна за другой загорались небольшие таблички с фамилиями семей. Старое дерево, латунные рамки, а иногда — каменная плита с выцветшей вязью букв на неизвестном языке. Свет проступал изнутри, подчёркивая вырезанные буквы: имена древних родов, молодых семей, тех, кто только недавно получил право жить на улице Шепчущих Камней.

Свет табличек дышал неровно, едва заметно мерцая, словно повторял биение сердец тех, кто жил за стенами.

Чем дальше по улице, тем реже становились огни в окнах, тише голоса.

В самом конце, чуть в стороне от ровной линии построек, стоял дом. Обычное двухэтажное каменное строение с простой, двускатной крышей, узкими окнами и невысоким крыльцом. Камень потемнел от времени и дождей. Никаких резных ставен, никаких особых украшений: дом выглядел так, будто пытался не привлекать к себе внимания.

Вокруг него стояла почти неестественная тишина. Люминарий на ближайших фонарях не зажигался, словно их кто-то нарочно отключил или вывернул из цепи общего света улицы. Таблички на домах по соседству уже погасли, не откликаясь ни на кого. Лишь из приоткрытого окна второго этажа доносились приглушённые голоса: обрывки фраз, напряжённые, резкие, порой переходящие в спор. Иногда по улице пробегали дворовые собаки, оглядывались на этот дом, но ни одна не задерживалась рядом, быстро уносясь

прочь, шумно перебирая лапами по мостовой.

На каменной тумбе возле ворот этого отдалённого дома висела такая же, как у остальных, табличка: прямоугольная, тяжёлая, с тонко выбитой фамилией. Долгое время она оставалась тёмной, ничем не отличаясь от мёртвого камня вокруг. Но в тот момент по резьбе пробежала едва заметная искра. На какие-то несколько мгновений фамилия на табличке мягко подсветилась изнутри, обозначая буквы чётче, чем должно было быть в ночной тени: «*Оренис*».

Свет дрогнул, будто передумал, и погас, оставив дом вновь таким же неприметным и тихим, как прежде. Лишь голоса на втором этаже дома не умолкали, отражаясь лёгкой рябью на поверхности воды, что стояла на подоконнике, ожидая своего часа.

— Фэйн, я ни за что не дам умереть нашему ребёнку! Это наш сын — Орин — твой брат! — из последних сил выдавила из себя Ариен Оренис.

Женщина была бледна, с усталым лицом и светлыми глазами, в которых застыло напряжённое молчание. Растрёпанные золотисто-рыжие волосы спадали на плечи, а тёмная простая одежда делала её похожей на путницу, слишком долго шедшую через беды и ненастье.

— Сциссаура ещё никого не оставила в живых! Ни один из новорожденных не дожил и до полугода! Это невероятные

муки: поток магии буквально расщепляет и разъедает изнутри, постепенно поражая органы один за другим! — сорвался Фэйн.

— Вот поэтому мы и не можем это оставить на произвол судьбы, мой мальчик. — ответил Тал, отец и глава семьи, пытаясь сохранить спокойный тон разговора. Ариен, любимая жена, с болью прильнула к груди Тала. Обняв женщину, глаза отца покрылись влажной пеленой, что мешала ясно смотреть на вещи.

— Вы не можете... Нельзя вот так просто взять и использовать Запретное Переплетение! Тут нет никаких гарантий! Всё может... Нет! Все наверняка пойдёт не по плану! Вы же знаете, что за это будет высокая плата! Скверна не даёт поблажек. Это сила, которую обходят стороной и избегают все Зримые Вне от простого продавца рыбой до Совета Зримых Вне. Нам это не под силу. Мама, папа, прошу вас. Мы что-нибудь придумаем. Я, как и вы, безмерно люблю Орина, но не хочу терять вас! — в попытке достучаться до самой души и сердца вымолил Фэйн. — Почему ты молчишь, Нейл?

Всё это время сестра Фэйна, которая была чуть младше него, стояла у стены и наблюдала со стороны. Нейл была светлицей девушкой шестнадцати лет, с мягкими чертами и ясными светлыми глазами, в которых таились и робость, и упрямство. Тёмные волосы, гладко убранные назад, открывали тонкую шею. Слезы градом неслись по милостивому личику юной девушки.

— Прости, Эф... — сквозь зубы пробормотала сестра — Я пыталась.

— Не злись на Нейл, дорогой мой. Мы всё берем на себя. Она тут ни при чём. — Взяв себя в руки, ответила Ариан. — Послушай меня. — мать подошла к старшему сыну, и её теплые руки протянулись к лицу Фэйна, не дав возможность опустить взгляд. — Мы с первого дня рождения Орина искали возможность помочь ему и себе нести эту ношу. Ты наш старший, любимый сын. Посмотри на себя, каким мужчиной ты стал. Ты взрослый, и сам можешь принимать решения. Вот и мы тоже приняли его. Цена Запретного Переплетения, может быть, и велика, мы не знаем, но любовь к вам ещё больше. У тебя всегда останутся близкие люди рядом.

Юноша семнадцати лет был бледен и тонколиц, с острыми скулами, прямым носом и серыми глазами, в которых сквозили задумчивость и холодная настороженность. Тёмные волосы мягкими прядями спадали до шеи. Фэйн посмотрел на Нейл и Тала сквозь прекрасные рыжеватые локоны своей матери. Раздался истошный крик из детской кровати с последующим детским кашлем, в котором кровь вперемешку со слезью отыгрывали свою партию.

— Будь мужчиной, сынок. Ты гордость семьи Оренис. Полгода подготовки к этому дню не должны сгинуть в небытие. И мы без тебя не справимся. Нам нужна твоя помощь. — Спокойным, уверенным голосом произнес Тал.

— Вы хотите, чтобы я своими силами помог вам остаться

калеками? В лучшем случае... — Фэйн накрыл тёплые руки матери своими и медленно опустил их вниз, не выпуская из рук.

— Тогда Орин сможет узнать и прожить свою лучшую жизнь. И мы ему поможем в этом. При всём этом я тебя понимаю, я тоже не хочу оставлять наших родителей на произвол судьбы с последствиями запретных действий. — Вмешалась в разговор Нейл. Её руки были скрещены на груди. Тень девушки скользнула к кроватке младенца. — Но каждый раз, когда я смотрю на него, мне становится больно от того, что мальчик так и не сможет познать родительской любви. Не сможет узнать, что такое дружба, не увидит красивый закат с внуками. Я не знаю, смогу ли я вам как-то в этом помочь, но я постараюсь, — обратилась девочка к родителям. — Из меня, может, и не выйдет выдающаяся Зримая Вне, но я не оставлю вас с этим одних. Я люблю вас.

Лунный свет мягко проливался в детскую комнату, проникая через приоткрытое высокое окно с аккуратными деревянными рамами и гладкой, холодной на вид латунной фурнитурой. Створка была открыта ровно настолько, чтобы в комнату просачивался прохладный ночной воздух, принося с собой еле уловимый запах влажной мостовой и далёких садов. На широком подоконнике, отполированном до матового блеска, стояла простая керамическая кружка с водой. В тихой глади её поверхности дрожали блики лунного света, будто свет пытался пробиться куда-то вглубь, дальше, чем

позволяла обычная посуда. На боковой стенке кружки тонкой, чёткой линией шла гравировка на латыни: старая надпись, означающая «*Семейные узы*». Она казалась особенно уместной этой ночью.

Комната сама по себе была обычной: низкий шкафчик у стены с аккуратно разложенными по ячейкам игрушками и книгами, пара полок с детскими сказками и простейшими чарами в мягких переплётках, маленький стол. На полу — тёплый ковёр с потёртым узором стилизованных созвездий и странных зверей, которых в обычном мире не существовало. При свете дня всё это выглядело бы уютно и буднично, но сейчас, в полутьме, каждый предмет будто замер в ожидании.

В воздухе стояла тяжёлая, вязкая тишина: не мёртвая, а наполненная решением, к которому все уже давно подошли, но всё ещё страшатся сделать шаг. Ожидание почти звенело, и даже лёгкое шуршание ночного ветра у окна казалось вторжением во что-то слишком личное.

У окна, в полосе лунного света, стоял Тал Оренис. Он был с чётко очерченным лицом, прямым носом и голубыми глазами, взгляд, который лишь казался спокойным, пристальным, а тёмные волосы спадали к вискам. Весь этот образ в лунном свете придавал Талу сдержанный и благородный вид. В руках уставшего мужчины была скрижаль с выведенным на ней Запретным Переплетением: свиток с чуть заметными светящимися рунами по краям. Его лицо резкими теня-

ми перерезала луна: в глазах промелькнула тревога, упрямо скрываемый страх и безграничная любовь к семье. Правое плечо ныло и пульсировало острой, жгучей болью: следы подготовки к Переплетению, оставившие в мышцах и костях обжигающий отголосок Переплетений. Каждый вдох отзывался в плече толчком, но он не проронил ни слова: боль казалась слишком незначительной ценой.

Ариен стояла возле кроватки младенца Орина. Ещё мгновение назад её руки держал старший сын, но теперь она мягко высвободила пальцы из его ладоней, улыбнулась ему усталой, нежной улыбкой и медленно двинулась к кроватке, словно её ноги были налиты свинцом. На ней была аккуратная регалия Зримых Вне. Удобная и плотная ткань ложилась ровными складками. В небольшом кармане угадывался угловатый силуэт: там лежала вторая половина того самого свитка Запретного Переплетения.

Мать положила ладонь на кромку кроватки, провела пальцами по гладкому дереву, как будто пыталась запомнить это ощущение, и на мгновение закрыла глаза. В её лице отразились и страх, и надежда, и тихая мольба. Она не была уверена, что они поступают правильно, но единственное, в чём точно не сомневалась, — в готовности идти до конца ради своих детей.

Рядом стояла Нейл. Она, заметив, как прядь мамы почти полностью скрыла половину лица, аккуратно, почти нежно, убрала её за ухо. Нейл кивнула матери: коротко, решительно

и по-взрослому, не по годам серьёзно. На ней была удобная подростковая пижама: мягкие шорты и футболка с забавным принтом магической лягушки: твари, способной хранить в себе до пятидесяти килограммов всякого хлама и при этом не становиться тяжелее ни на грамм. Такой рисунок выглядел бы смешно в любой другой вечер, напоминая о походах и шалостях, но сейчас, при холодном лунном свете, казался символом детства, которое эта ночь может сломать. Нейл, не отводя глаз от лица младенца, положила руку на кромку кровати рядом с маминой — молчаливый жест поддержки.

Следом подошёл Фэйн. Он двигался уверенно, но в его шагах всё же чувствовалась скованность и внутренняя встряска. В руках он сжимал кольцо с цельным изумрудом в центре, по ободу которого шла тонкая линия узоров. Фэйн сам сковал это кольцо во время практики в кузне Академии — его первая попытка создать что-то значимое. Магической силы у кольца не было: тогда он ещё был слишком неопытен. Но теперь кольцо стало его личным талисманом, предметом, который он бессознательно перебирал пальцами, когда нужно было успокоиться и собраться с мыслями.

На нём была строгая регалия Зримых Вне, которая хорошо сидела по фигуре. По спине, почти незаметно, силуэт Фэйна обвивала тонкая мантия: пережиток старых времён. От подобных вещей давно отказались в бою, считая их ненужной помехой, но он упрямо оставил эту деталь. В этом было что-то от его характера: приверженность традициям,

желание помнить, откуда они родом. Под мантией пряталась простая регалия и кобура: узкий чехол, сейчас пустой, будто чего-то важного в этом вечере всё ещё не хватало.

Фэйн подошёл к кровати со стороны головы Орина. Младенец, бледный, с натянутой кожей на крохотных щеках, поднял на него взгляд. В этих глазах — детская беспомощность, усталость и странная, непонятная взрослым глубина, как будто он чувствовал больше, чем мог выразить. На кромке его губ мутно поблёскивала вязкая слизь, в которой виднелась тонкая прожилка крови.

Он уткнулся руками в кромку кровати, сжал её так, что, казалось, ещё мгновение, и пальцы с силой войдут в глубины дерева. После чего долго смотрел в глаза брату, не отводя взгляда, не позволяя себе моргнуть. Кольцо в его пальцах замерло.

К ним подошёл Тал. Лёгкое движение плечом отозвалось в нём болью, и он едва заметно поморщился, но всё так же не сказал об этом ни слова. Остановившись рядом с Фэйном, он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, чтобы облегчить дыхание, и положил одну руку поверх рук старшего сына, сжимающих кровать: крепко, твёрдо, будто передавая ему часть своей решимости. Другой рукой Тал протянул Фэйну его Сакральный Предмет: Магическая палочка из чистого серебра, идеально отполированная, с едва уловимыми изящными линиями старинной работы.

Фэйн взял палочку и медленно убрал её в кобуру под ре-

галией. Кольцо последовало во внутренний карман. Вся семья замерла вокруг кровати, словно сомкнув живой круг. В их молчании не было пустоты: оно было наполнено взглядами, воспоминаниями, общей болью и верой. На краткий миг в комнате повисло ощущение единения: каждый из них по-своему боялся, но ни один не отступал.

Момент оборвался внезапно. Орин захрипел и закашлялся: коротко, с надрывом, так, что хриплый звук пронзил всех до дрожи. Слизь на его губах потемнела: стала густым, почти чёрным сгустком, который медленно вытек изо рта и лёг липким пятном на ткань. Воздух словно сжался.

Все поняли без слов: времени больше нет.

Пора браться за Запретное Переплетение.

В ту же самую ночь.

Сильварис.

Дом семьи Хербариусов.

— Пап, ты точно готов взять меня с собой? Я слышал, как вы с мамой долго ругались по этому вопросу. Если нет, я всё пойму. Я понимаю, может, шахта и слишком опасна для такого, как я. Но я хочу Вам отплатить добром. Помочь. — сказал Тарволд, разбирая свою кровать и готовясь ко сну.

— Такого, как ты? Ну-ка попробуй объяснить старику. — Дариан откинул уголок покрывала и присел на кровать.

— Ну, я же. Я же полукровка. А, как известно, стабиль-

ности в этом слове мало, — Тарволд взбил подушку и присел рядом.

— Ты ещё совсем молод и мало что можешь понять. У тебя всё впереди. Знаешь Хищных Астерок? — задумчиво спросил отчим.

— О, нет! Пожалуйста, не начинай! — усмехнулся юноша.

— Мне вчера привезли исследования по ним. В них, как оказалось, тоже есть процент чужеродного ДНК птицы, что вымерла около полусотни лет назад. И когда из земли появляется только росток Хищной Астерки, она тоже не стабильна, у неё нет зубок, и она крайне уязвима, поэтому в этот момент ей нужна забота, для того, чтобы окрепнуть. Ну и чтобы у неё отрасли зубки: наследие хищной птицы. — Дари задумался. — Как они скрестились до сих пор, не понятно. Наверняка было какое-то стороннее влияние. Удивительная живность.

— Я — Астерка, я понял. Спасибо тебе, пап.

— Хищная Астерка. — Рука отчима приняла форму пасти и укусила мальчика за ногу. В эту ночь смех пропитался внутрь шатких стен семьи Хербариусов.

— Лиа уже давно спит, и тебе пора, сынок. Завтра будет важный день. — укрыв одеялом Тарволда, отчим выключил свет.

Сон пришёл быстро. Тарволд погрузился в мир Морфея с мыслями о Астерках, семье и будущем.

Тем же часом. Мнёмора. Дом Оренисов.

— Все готовы? — Голос Ариен был наполнен уверенностью. Ни одного лишнего действия. Вокруг были обрывки свитков, черновики и чары, покрывающие комнату зеленоватой дымкой. Вокруг кровати на полу, под тёмным ковром были вырезаны древние символы и слова, которые обрамляли по контуру эти загадочные знаки.

— Нет! Я до сих не до конца понимаю, что нужно делать мне, — ответила Нейл, сидя на кресле в полумраке.

— Хорошо, попробую немного иначе. Нейл, ты разожги свечи и расставь их по комнате. Ровно девять штук, рисуя равносторонний десятиугольник. По всей площади комнаты. Ариен и я начнём читать Запретное Переплетение по свиткам. Через наши Сакральные Предметы должен пройти слившийся магический поток из Чертога Забвения и нашего внутреннего потока, образуя единый контур чистой энергии. Тут понадобится «Барьер Девяти свечей». Для этого ты и нужна, Нейл. Ты должна сдерживать волну от Запретного Переплетения. Когда появится контур из объединённого потока меня и Ариен, то он будет не стабильный. Это мы поручаем тебе, Фэйн. Ты должен стабилизировать луч своим Сакральным Предметом и перенаправить его в сторону Ориана. Дождаться окончания Запретного Переплетения, — Ровно, чётко, как на уроке, продиктовал Тал, закатывая рукава.

— Что дальше? — Спросил Фэйн. Серебряная палочка

проскрипела в его кулаке.

— А дальше всё. Мы сами не знаем. По тому, что мы изучили и подготовили, в этот момент должно всё закончиться. Но вот, что я точно знаю — у нас всё получится. — Ответила Ариен, доставая свой свиток со второй частью Запретного Переплетения.

— А зачем тут этот зелёный дым? — Спросила Нейл. Шея девушки затекла, поэтому ей то и дело приходилось её разминать.

— Это «Туман Концентрации». Он помогает сосредоточиться на чём-либо, стимулирует умственную деятельность. — прозвучал голос Фэйна. — Я слышал о нём, но никогда не видел это Переплетение вживую. Родители хорошо подготовились.

В детской комнате уже не осталось ни одного тёмного угла: всё было подготовлено к Запретному Переплетению.

Нейл медленно, почти ритуально расставила девять свечей по периметру комнаты, выверяя расстояние между ними так, словно от этого зависела судьба всего мира. Свечи были сделаны из тёмно-бордового воска с вкраплениями серебристых круп. Мгновение спустя свечи вспыхнули от спички в руках девочки не привычным жёлтым, а густым красным огнём. Из каждого пламени стали вылетать искры: не просто огненные точки, а крошечные магические символы, слова и знаки, которые на мгновение зависали в воздухе, мерцали алым и таяли, оставляя шлейф из рубиновых линий.

Когда все свечи зажглись, воздух между ними содрогнулся, словно вдохнул. По полу, стенам и воздуху пробежала волна едва слышного звона, похожего на перезвон тонких стеклянных колокольчиков. Из этого звона начал вырастать барьер. Сначала он выглядел, как лёгкая дрожь воздуха, как марево над раскалённым камнем. Потом стал сгущаться, очерчивая невидимую стену по периметру девятиугольника с вершинами из свечей. Прозрачный, почти невесомый, он тем не менее ощущался каждой клеточкой кожи. Магический щит мерцал перламутровыми переливами. Если подойти ближе, можно было заметить, как по его поверхности медленно скользят узоры: круги, спирали, трещинки-молнии, возникающие и исчезающие.

Войти внутрь девятиугольного щита можно было без сопротивления, словно проходя через лёгкую дымку, но при попытке выйти стены щита тут же наливались тяжестью, словно стекло сгущалось и хватало за кости. Эта магическая конструкция не имела своего запаса сил: она не умела накапливать энергию. Она жадно, непрерывно тянулась к источнику: внутреннему потоку магии того, кто её сотворил. Невидимая нить тянулась от Барьера прямо к Нейл. Пока в ней было достаточно сил, Барьер жил, переливался, звенел. Стоило ей ослабеть или отвлечься — он бы погас, рассыпавшись в воздухе, как стеклянная пыль.

Нейл стояла чуть поодаль, близко к стене, чтобы не задеть свечи. Её губы беззвучно шевелились, пальцы сжаты, взгляд

упрямо прикован к сияющему эннеагону. В правой руке она удерживала свой Сакральный Предмет: тонкую серебряную закладку от её дневника. Закладка была больше, чем просто полоска металла: узкая, вытянутая, с заостренным кончиком. Вдоль всей её длины шли вырезанные микроскопические символы. На верхнем краю закладки был маленький декоративный элемент: стилизованное око, обрамлённое листьями плюща. Внутри этого глаза был вставлен крошечный камень.

Когда Нейл сосредотачивалась, символы на закладке вспыхивали бледно-серебряным светом, по их линиям словно текла живая магия. Закладка чуть вибрировала в пальцах, откликаясь на её мысли, помогая удерживать структуру сдерживающего Переплетения. Иногда по серебру пробежали тонкие волны света, летящие от кончика к камушку — и обратно.

«Туман Концентрации» был не плотный, а лёгкий, невесомый, словно разбавленный изумрудный туман. Дымка висела на уровне груди и головы, покрывая всё пространство комнаты тонким слоем. Каждый вдох делал сознание яснее, лишние мысли будто вжимались куда-то на задний план, оставаясь за пределами круга внимания. Туман мягко касался кожи и не оседал, непрерывно вращаясь в комнате в едва заметных спиралях.

Фэйн стоял за пределами стен щита, в исходной стойке Зримого Вне, как его учили в Академии: ноги на ширине

плеч, корпус слегка подан вперёд, плечи напряжены, руки опущены, но готовые в любой момент подняться. Он ловил каждую вибрацию воздуха, каждое изменение в свете. Ничто не могло ускользнуть и пройти мимо.

Родители, Ариен и Тал, находились внутри перламутрового щита. Их шаги по скрипучему полу звучали глухо. Они подняли вверх свои Сакральные Предметы.

У Тала в руке была серебряная курительная трубка: тяжёлая, искусно выкованная вещь. Ее мундштук был гладким и чуть изогнутым, словно подстраивающимся под ладонь хозяина. Чаша трубки была покрыта гравировкой: переплетённые тропы, дорожки, расходящиеся и сходящиеся, уходящие ввысь и вниз, местами стилизованные под корни и ветви. По краю чаши тянулся ободок с мелкими символами, едва заметными при обычном свете. Внутри чаши лежал тёмный, незагораемый табак: на деле особые травы, не нуждающиеся в огне, а откликающиеся только на магический импульс владельца. На стыке мундштука и чаши было крохотное углубление, в котором поблескивала вкрапленная капелька чёрного серебра.

У Ариен в руке была серебряная вязальная спица: тонкая, идеально выровненная, с острым, как игла, кончиком. Вдоль всей спицы шёл переплёт выгравированных нитей, словно кто-то изобразил прямо на металле узор будущего вязания. На тупом конце спицы был небольшой утолщённый шарик в виде капли, в которой застыл крохотный синий камень, по-

хожий на застывшую слезу. При малейшем движении руки Ариен казалось, что этот камень дрожит и мерцает, реагируя на её эмоции и мысли.

Тал и Ариен переглянулись. Их лица были напряжены, в глазах — страх, решимость и отчаянная любовь. Они одновременно сделали глубокий вдох. Зеленоватая дымка медленно втянулась к их ртам и носам.

И они заговорили вместе, голоса слились в один, узнаваемый для старых языков ритм:

— *Per tropa ascensionis nos iter carpimus,*

Per vias occultas ad sanationem redimus.

Regressus sit sine ruina,

Recursus sine perditione,

Sed luctu signetur pretium amoris.

С первыми словами Запретного Переплетения воздух сжался. Из ниоткуда, прямо над кроватью Орина, разорвалось пространство: сверху рухнул оглушительный столб света. Он не просто упал, а вонзился в комнату, пробивая туман и тьму. Рёв от потока света был похож на грохот шторма и пение ветра одновременно.

Из этого могучего потока света отделились два луча. Один — чуть более густой, с лёгким дымчатым оттенком, потянулся к трубке Тала. Свет прошёл сквозь чашу трубки, зацепился за резной орнамент и стёк по мундштуку к его ладони. Поток протиснулся в руку Тала, дрожа под кожей, как живой раскалённый металл, прошёл по предплечью, локтю, плечу, упершись в сердце, а потом словно прорезал его насквозь, уходя дальше, в самую душу.

Второй луч, тонкий и с синим отливом, потянулся к вязальной спице Ариен. Он вошёл в спицу через каплю-камень на конце, заставив её вспыхнуть ослепительным синим. Поток побежал по выгравированным нитям-узорам, стёк к руке Ариен, прошедший по коже тонкой обжигающей линией. Он прошёл в её сердце мягче, чем в Тала, но глубже, вырывая изнутри тончайшие нити чувств.

Два луча, пройдя через них, прорезали их тела, их поток, их души и соединились снова над кроватью Орина, сомкнувшись в треугольник. Вершины треугольника были там, где находились трубка, спица и поток чистой энергии прямо из Чертога Забвения. Внутри светового треугольника, в самом центре, стояла кровать Орина, залитая ярким сиянием.

Плач младенца резко усилился. Энергия треугольника, становясь всё плотнее, начала буквально рвать реальность комнаты. Стены пошли трещинами. Предметы: игрушки, книги, одеяла, подушки, стулья — оторвались от пола и взлетели, завертелись в хаотическом вихре. Они ударялись о по-

толок, стены, пол, отскакивали, крутились, описывая сложные траектории.

Одна из тяжёлых книг сорвалась с полки особенно резко. Её закрученный вихрем корешок сверкнул золотым тиснением, прежде чем книжный угол с силой врезался Нейл в висок. Удар был глухой. Голова Нейл дернулась в сторону, глаза на миг потемнели. По коже у виска потекла тонкая, но яркая струйка крови, сразу окрасив прохладную кожу. Она пошатнулась, колени дрогнули, и Переплетение «Барьер Девяти Свечей» на миг дёрнулось, Переплетение ослабло, исказив чуть заметный барьер.

Однако «Туман Концентрации» обволакивал её голову и грудь плотнее, чем других. Зелёные вихри тумана сжались вокруг неё, словно руки, не давая сознанию провалиться в темноту. Мысли, на миг рассыпавшиеся, снова собрались в точку. Боль, стук в виске, вкус крови во рту — всё ушло на задний план. Символ на серебряной закладке вспыхнул ярче, и магический щит дрогнул, укрепив своё положение.

Комната гудела, как огромный колокол. Пол под ногами вибрировал, стены дышали, будто дом был живым существом, которое задыхалось под напором магии. Свет от потока был настолько ярким, что у Фэйна заслезились глаза. Из-за слёз и слепящего сияния мир превратился в светлое месиво, где предметы были лишь смутными тенями. Он почти ничего не видел, только силуэты и вспышки.

Сквозь этот грохот и слепящий свет до него прорезался

крик родителей, словно вырванный из-под толщ воды:

— Ну же! Чего ты ждёшь?! Возьми палочку и стабилизируй этот поток! После мы закончим со второй частью Запретного Переплетения, направь поток на Орина. Скорее!

Слова ударили по нему, как по нерву. Фэйн стиснул зубы, моргнул, пытаясь хоть немного прочистить взгляд. В расплывающемся свете он увидел, как Нейл шатнулась, опираясь на невидимую тяжесть, но не падая. Вихрь предметов с рёвом мчался вокруг. Он дважды еле увернулся от пролетающего в дюймах от головы стула и от крутящейся коробки с игрушками.

Рука машинально нашла кобуру за спиной, схватила свой Сакральный Предмет в виде палочки. Серебро было знакомым и родным, прохладным в ладони. Фэйн поднял палочку, напрягая все мышцы, и выкрикнул заветное сочетание слов:

— *Pacatio Chaos!*

Переплетение сорвалось с его губ и впилось в поток. Сакральный Предмет в его руке дрогнул и словно тяжело потянул вниз, как будто через него хлынул поток воды. То, что прежде было вскипевшей, разрывающей всё энергией, начало медленно меняться.

Свет перестал быть рвущимся во все стороны шипящим взрывом. Он стал текучим. Вихрь превратился в стремительный, но упорядоченный поток. Энергия потока начала выглядеть, как гигантский водопад, ниспадающий сверху на

кроватьку Орина, но пока ещё удерживаемый в треугольнике. Поверхность света стала гладкой, как стекло, но под этим стеклом бушевало невиданной силы течение. Внутри светового водопада можно было различить слои: более светлые и более тёмные — они мягко перетекали друг в друга, как медленные волны в глубоком море. Вся эта масса света дышала плавно, ритмично, словно её подогнали под единый сердечный ритм.

Левитирующие предметы замедлили свои хаотические прыжки. Они всё ещё кружились и били по стенам, но уже не с тем разрушительным безумием. Удары стали реже, траектории предсказуемыми.

Родители, Ариен и Тал, через которых проходил этот упорядоченный поток, начали стремительно выдыхаться. Их плечи дрожали, губы побледнели, кожа стала почти прозрачной, как тонкий фарфор. Свет, проходя через них, вытягивал не только магию, но и силу тела. На местах, где поток входил в их груди и выходил из спины, кожа раскалялась всё сильнее.

Но, сжав зубы, они начали говорить вторую часть Запретного Переплетения. Голоса были уже хриплыми, но всё ещё едиными:

— *Ascensio completa, via retro solvitur,*
Redeat sanatio per dolores,
Revertatur morbus in vacuum suum.

*O luctuosa redemptio,
Pretio amoris optimum in nobis damus,*

Ut unum parvulum iterum fiat totus.

Цвет потока поменялся. Светлое сияние постепенно ушло в глубину, а к поверхности поднялся голубой оттенок: чистый, сияющий, как полуденное небо над зимним снегом. Свет стал холоднее, но острее. В голубых слоях можно было увидеть, как отрываются крохотные нити: светлые, светящиеся — и уплывают вверх по потоку, растворяясь в высоте. Это уходили магия и жизненная сила Ариен и Тала, вплетаясь в треугольник, который обрамлял кровать юного Ориена.

Пол под их ногами задрожал сильнее, чем прежде. От ковра остались лишь лоскуты. Деревянные доски, на которые были нанесены магические символы, едва заметные знаки, впитанные в волокна дерева, начали вдруг выступать наружу. В линиях древесных прожилок стали проступать тёмные буквы, словно проявлялись старые чернила. Эти слова вспучивались, ломали поверхность доски изнутри, как корни, выталкивающие камень. Доски под действием потока начали трескаться. Сначала это были тонкие трещины, потом показались рваные линии, и одна из них, особенно сильная, прошла прямо под ногами Нейл. С громким треском доска лопнула, как перегруженная балка. Её передний край резко под-

нялся вверх, выстрелив, как гигантский деревянный шип. Острые доски взмыло вверх с такой силой, что, пробив воздух с чудовищным треском, прошло через потолочные доски, разбросало щепки и пыль. Из образовавшейся дыры в потолке обрушилась смесь древесной крошки и старой штукатурки.

Фэйн в последний момент сорвался с места, бросился к Нейл и толкнул её в сторону, не дав половице пробить дыру в его сестре. Она, почти падая, повисла на его руке. Он удержал её, прижимая к себе, при этом не сбившись с Переплетения. «Усмирения Хаоса» всё ещё кипело в нём, требуя внимания, и если бы он отвлёкся хоть на мгновение, поток мог сорваться обратно в безумие. Нейл была почти без сил: ноги дрожали, глаза мутнели, рука с серебряной закладкой тряслась. «Барьер Девяти Свечей» отозвался на это мгновенно: перламутровый блеск померк, линии переливов исказились, по нему с хрустом побежали мелкие трещины, как по льду на весенней реке. Пламя свечей стало колебаться, красный огонь немного погас, стал тоньше и неувереннее, а магические символы, вылетающие из пламени, обрывались на полпути, рассыпаясь.

Родители закончили произносить вторую часть сложнейшего Переплетения. Их голоса сорвались на шёпот и затихли. Они стояли, едва держась на ногах, пальцы судорожно сжимали свои артефакты. В тех местах, где поток входил и выходил из их тел, кожа покраснела до багрового цвета и по-

темнела, покрываясь ожогами в виде сложных узоров, уходящих вглубь. На груди и спине заныло, словно их пронзили насквозь раскалёнными копьями, и эти копья всё ещё оставались внутри.

Фэйн, тяжело дыша, собрался с мыслями. Левой рукой он крепче прижал к себе Нейл, накрыл её своей мантией, защищая от летящих обломков, щепок и вспышек света. Правую руку с палочкой он вытянул вперед, чувствуя, как поток подчиняется его воле:

— Я не дам вам погибнуть... — выдохнул он, не зная, услышат ли родители, но эти слова придали вес его решению.

Словно отвечая на это, поток послушно дрогнул. Голубой водопад света, до того стекавший через их сердца в общий треугольник, начал смещаться. Линии света, будто река, которой изменили русло, повернули своё течение. Треугольник начал складываться, выстраиваясь так, чтобы его вершины больше не вонзались в тела Ариен и Тала, а сходились в одной точке: над маленьким телом Орина.

Палочка в руке Фэйна загудела. Поток подчинялся. Энергия хлынула к младенцу.

Мгновение — и мир разорвался.

Вспышка.

Бело-голубой свет взорвался ослепительной сферой, девять свечей вспыхнули, как маленькие звезды, и погасли. Грохот. Ощущение, будто в череп ударили гигантским коло-

колом. Взрыв магии, в котором смешалось всё: вознесение, откат, скорбь и цена любви, вырвался наружу.

Нейл без сознания.

Барьер разлетелся в щепки.

Из детской комнаты вылетела магическая волна невероятной силы. Она прошла стену, не оставив привычного разрушения: кирпич, камень, дерево — это всё осталось на месте, но на месте стены мгновенно появилась дыра, словно часть материи просто перестала существовать на один вдох, пропустила волну и тут же вернулась. Из этой дыры, как из пасти исполина, ударила невидимая, но осязаемая волна.

Она понеслась по улице, растекаясь не в одну сторону, а сразу во все, как круги на воде, но не по поверхности, а по самой ткани пространства. Волна была не ветром, не огнём и не водой, скорее комбинация чистой магической вибрации. Там, где она проходила, воздух на долю секунды сгущался и дрожал. Фонари на улице вспыхивали ярче и гасли, стёкла дрожали, но не трескались. Двери, ставни, крыши оставались целыми. Даже хрупкая посуда на полках не падала. При этом всё живое падало, теряя сознание.

Дворовые собаки, которые бежали по улице, вдруг одновременно заскулили и, поджав хвосты и съёжившись, рухнули на бок. Птицы, летевшие над домами, вдруг сложили крылья и, не успев удариться о крыши, зависли и упали, поте-

ряв связь с миром. Люди, находившиеся в домах, за столами, в кроватях, на лестницах — все, к кому докатилась волна, ощутили, как мир на миг ушёл из-под ног. Они падали, где стояли: кто-то оседал на стул, кто-то сползал по стене, кто-то заваливался прямо на пол.

Волна не ломала кости, не разбивала стены, не сжигала деревья. Она была настроена на всё, что имело собственную жизненную силу. Она проходила сквозь тела, выключая сознание, словно мощнейший импульс, обнуляющий мысли. Внутри неё был тихий, почти неслышимый звон, похожий на смычок по стеклу, растянутый по всей Мнэморре.

Она мчалась дальше, за пределы улицы, к окраинам города, переливаясь невидимым куполом, который рос и расползался над крышами, уходя в поля, перелески, к реке, а затем и к окрестностям. На своём пути она не разбросала ни одного камня, не повалила ни одного дерева, но оставляла после себя странную, тяжёлую тишину спящего мира: людей, Зримых Вне, животных, всех, кто оказался под её невидимым небом.

На пути волны показался силуэт соседнего города.

Глава 2. Семейные узы

Ночь стояла такая тихая, что, казалось, сам мир задержал дыхание.

По окраинам ещё безмянного города тянулись низкие домики, кривые, как будто выросшие из земли, обвитые вьюнками-светлячками, с крышами, покрытыми мхом, что мягко переливался под лунным светом. Всё вокруг погружалось в вязкую, тёплую дрему.

Высоко над полями что-то мчалось, кромсая воздух острыми крыльями.

Магическая птица, вся сотканная из света и тёмных перьев, неслась сквозь ночной ветер. Её крылья с каждым взмахом вырывали у темноты клочья тишины. В глазах птицы будто отражалось небо.

Сзади, со стороны города Мнемора что-то надвигалось.

Волна.

Её нельзя было увидеть глазами простого человека, но птица видела. В воздухе расползлась тугая, вязкая рябь, словно кто-то бросил в само пространство огромный камень. Тишина сжималась в комок, свет становился тусклым, а сама ночь — тяжёлой, как мокрое покрывало.

Птица набирала скорость, грудь её ходила ходуном. Она пролетела мимо покосившегося столба, на котором висела вывеска с выцветшей надписью:

«Добро пожаловать в Сильвариус».

Птица размахнула крыльями шире, прорываясь вперёд. Под ней промелькнули пашни и тёмные квадраты полей. Виднелись колодцы, лениво блеснувшие зеркальной водой, спящие деревни: крыши, как прижавшиеся друг к другу звери, редкие огоньки Люминарий в окнах.

Птица издала резкий, дрожащий крик, который обычно разносился над долинами эхом. Она вслушалась, вытягивая шею, надеясь услышать в ответ хотя бы один отклик. Хоть чей-то знакомый голос.

Тишина. Только шорох ветра в собственных перьях. Слишком чистый, слишком ровный, как будто из мира вырезали все звуки, оставив один её полёт.

Волна догнала.

Поначалу лёгкое прикосновение к кончику хвоста. Как холодный, чужой палец, скользнувший по позвоночнику. Птица вздрогнула, крылья сбились с ритма. Ветви дерева внезапно выросли на пути, или ей так показалось. Она задела одну из них, больно полоснув боком.

Мир качнулся.

Волна, уже почти настигшая её, двинулась вперёд, накрывая птицу. Ни вспышки, ни грома: только густой, тягучий мрак, который проникал не в перья и кожу, а глубже, туда, где рождались мысли и страх.

Сознание птицы оборвалось, словно перерезанная нить.

Её тело, ещё недавно устремлённое вперёд, обмякло, потеряло форму полёта и, подчиняясь только тяжести, рухнуло вниз. Ветер, что секунду назад обволакивал её перья, превратился в гулкий, пустой вой. Чёрное окно второго этажа одного из домов вспыхнуло отражённым светом луны, и в следующее мгновение хрупкое стекло разлетелось водопадом осколков.

Птица влетела в комнату, как выпущенный из рук камень. Её крылья безвольно хлестнули по косяку, острые перья полоснули по стене, оставив тонкие царапины. Осколки стекла, искрясь отблеском лунного света, разлетелись по комнате, впиваясь в простыни и деревянный пол. Дом, ещё секунду назад дышавший сонной теплотой, словно вздрогнул.

По полу разметались перья, не обычные, а шуршащие тихим, едва слышным шорохом. Некоторые шевелились сами по себе, медленно угасая.

На широкой кровати мирно спал Тарволд. У изножья, развалившись на спине, сопела, слегка похрюкивая, Пузолапая Заначница: синяя, лениво-пузатая лягушка, привычная зверюшка в каждом доме, тайный мешок для чужих мелочей. Её брюшко тихо подрагивало, храня внутри ремешки, монетки, какие-то тряпицы — все те вещи, которые она терпеливо носила для мальчика.

Звук разбивающегося стекла и падающих перьев, глухой удар птицы об пол — всё это сплелось в один короткий,

ужасный миг.

Заначница вздрогнула, глаза её распахнулись, и в ту же секунду она, вытянув лапы, с диким, писклявым кваканьем метнулась вперёд и выстрелила собой в разбитое окно. Синее тельце мелькнуло в лунном свете и исчезло во тьме сада. Всё это заняло долю секунды.

Следом волна.

Она не выбила дверь, не разорвала стены. Она просочилась сквозь них. Доски не треснули, штукатурка не осыпалась; только воздух в комнате стал вязким и тяжёлым, как тёплый дым. На мгновение всё застыло. Стрелка настенных часов замерла между ударами.

Тишина. Половина вдоха. Полутишина.

А затем крик.

Голос Тарволда разрезал ночную тишину, словно нож. Волна врезалась в его разум, нырнула в глубину, где уже дрожал, шатаясь, его уникальный, нестабильный магический поток полукровки. Она не просто обрушилась: она впилась, пустила корни, словно чёрное растение в слишком мягкую почву. Внутри его сознания что-то скрежетнуло, треснуло, распахнулось.

В нём, в самом центре его кривого потока, родилась дыра: чёрный, ненасытный круг, ведущий в чужое, холодное измерение. Оттуда хлынул шёпот, рык, неразличимые звуки жутких существ. Эти твари, лишённые формы, рвались наружу, упираясь в хрупкие кости мальчишеского тела.

Воздух в комнате стал густым, как смола. Каждый вдох давался Тарволду с треском, будто лёгкие были набиты битым стеклом. Магическая волна, что врезалась в его разум, не просто прошла сквозь него, она зацепилась, заякорилась, разодрала его Внутренний поток на лоскуты, и в этих разрывах пустила корни неведомая тьма.

Он чувствовал, как она шевелится внутри: не абстрактная «сущность», а стая шепчущих пастей, когтей, глаз, которые видят мир изнутри его груди. Там, в глубине, словно раскрылось чёрное, обгоревшее солнце: его оборотни-мысли, его страхи, обиды, всё переплавилось в единую зияющую дыру.

Тело выгнуло, приподняло от кровати и швырнуло вверх, к потолку. Позвонки хрустнули, но не сломались. По коже побежали бурлящие волдыри, распухая, как гнойные пузыри, и лопались с влажным треском, источая тусклые искры и дымную магию. Жилы на руках вспухли, узлами проступили на шее, в висках колотило так, словно кто-то бил молотком изнутри черепа.

Сознание дёргалось, как лодка в шторме.

Мгновение.

Он снова Тарволд: мальчик-полукровка, который помнит, как Лиа смеётся, когда он приподнимает её в воздух. Он слышит приёмного отца через стену, видит перед внутренним взором грубые, но тёплые руки Иссаэлии.

Следующее мгновение.

Он больше не Тарволд. Внутри вспыхивает чужое зрение: комната кажется ему гниющим коконом, а стены — тонкими перегородками, за которыми ходит тёплая пища, шевелится дрожащая добыча. Голос сущности поднимается из того самого провала в груди, обволакивая мысли холодной слизью.

«Открой... Пусти... Мы сильнее... Они — мясо...»

Голос Тарволда больше похож на рычание, сменяющееся криком. Гортань рвёт, гулкий, неровный звук выходит наружу. В этот миг его разум как будто отступает вглубь, оставляя тело на растерзание. Руки выкручивает, пальцы сами собой выгибаются в неестественные углы, по ногам пробегает судорога, мышцы судорожно сжимаются, будто чьи-то невидимые пальцы ломают их, перекручивая.

На миг он увидел себя в отражении запылённого зеркала приюта, когда ему было девять.

Низкое, тусклое помещение, запах старого мыла и промокшей одежды. Маленький Тарволд стоит босиком на скрипучем полу, слегка сутулясь, как будто уже тогда пытался сделать себя меньше, незаметнее. Зеркало — с трещиной по краю, мутное, искажает, но не настолько, чтобы скрыть правду.

В отражении: коренастый мальчишка с широкими плеча-

ми, которые будто чужие на его рост. Светлые, чуть взъерошенные волосы падают на лоб неровной челкой, неумело подстриженной кем-то из воспитателей.

Карие глаза, слегка с прищуром — слишком серьёзные для девятилетнего ребёнка, без привычного детского блеска. В них стояла упрямая тишина. На руках следы старых побоев, мутные полосы и пятна, слегка потемневшие, как старые чернила: кто-то из старших детей в приюте давно нашёл в нём удобную мишень для злости.

Но воспитатели, которые смотрели на него иначе. Говорили мягко, клали ладони ему на плечи с осторожностью, будто боялись сломать то, что ещё держалось. Они знали его родителей — героев Бури Рассудка — и в каждом движении мальчика видели отголоски тех, кого уже не было.

Он тогда, девятилетний, смотрел в зеркало и тихо ненавидел собственный вид: особенно чужую, тяжёлую серьёзность во взгляде. И всё равно, глубоко, под слоем отвращения к себе, жила хрупкая и упрямая вера: когда-нибудь найдётся семья. Кто-то, кто скажет: «Теперь ты дома» и не отведёт глаза.

Это воспоминание вспыхнуло в его голове и осело якорем.

У стопки походных вещей, аккуратно сложенных ещё вечером, валяется без сознания магическая птица. Её перья светятся тусклым, чуть заметным блеском в мутном лунном свете, пробившемся сквозь разбитое окно. В тот миг, когда сущность на мгновение берёт верх, в воздухе перед Тарволдом раскрывается нечто, похожее на пасть, собранную из те-

ни и чёрного ветра. Она не имеет чёткой формы: только рваные, дрожащие контуры, в которых угадываются то хищные клювы, то голодные глазницы, то выгнутые, как крюки, зубы. Из дыры внутри Тарволда тянется вязкая нить тьмы, как пуговина, соединяющая ребёнка и мать. Пасть наклоняется к полу, туда, где лежит птица.

Тарволд чувствует это так, будто его собственный желудок собирается проглотить самого себя. Его живот сжимается, рвота подступает к горлу, но вместо рвоты поднимается волна черноты. По позвоночнику пробегает жуткий холод. Тарволд вдруг видит глазами сущности: пульсирующее тёплое пятно на полу, хрупкий хребет, наполненный ещё горячей жизнью, лёгкую добычу, которая не может сопротивляться.

Пасть, шипя, опускается ниже. Тарволд, цепляясь за остатки себя, в отчаянии шепчет.

Губы едва складываются в дрожащие звуки:
— Не трогай...

Каждое слово, как попытка прорваться через смоляную толщу, что сдавливают рот изнутри. Существа смеются в его голове, смех напоминает шуршание сухих костей:

«Трогай... Ешь... Ты — наш проход...»

Пасть резко смыкается. Птица даже не успевает вздрогнуть.

Беззвучный хлопок.

Её тело исчезает в бездне тени, словно кто-то вырвал страницу из книги мира. Тарволду кажется, что вместе с ней у него выдирают кусок сердца. В груди боль взрывается белым светом, он кричит, но крик больше похож на рёв раненого зверя, который не понимает, где кончается его плоть и начинается чья-то чужая.

На долю секунды тварь получает полную власть.

Рёбра изнутри будто кто-то отгибает наружу, пытаюсь выбраться через них, как через клетку. По коже пробегают морщащиеся волны, словно под ней копошатся десятки рук. Тень сущности уже наползает на стены, бросая нелепо вытянутые, шевелящиеся силуэты по углам комнаты.

Но в этот момент, на самом дне боли, в мироздании Тарволда вспыхивает крошечная, упрямая точка света. Образ заспанной Лии в смешной пижаме с вышитыми лунами вырывается на поверхность сознания. Это была маленькая девочка с тонкими чертами, зелёными глазами и длинными медно-рыжими волосами, ровно спадавшими на плечи.

Всплывает память, как она когда-то дрожащими руками накладывала ему простой детский браслетик-оберег и серьёзно сказала:

«Теперь ты только наш. Даже если магия будет злиться».

Эти слова, забытые, вдруг тянутся через хаос, как спаса-

тельный канат. Тарволд вцепляется в них, как утопающий.

Он сжимает кулаки.

Его пальцы трещат, ногти впиваются в ладони до крови. Живот сводит, грудную клетку будто стягивает стальным обручем, в глазах темнеет, но он, хрипя, выталкивает из себя всё, что ещё может назвать собой:

— Я... Не... Ваш...

— Это... Мой... Дом...

— Они — моя семья...

Каждое слово обжигает сущность, как раскалённое железо. Тьма внутри шипит, сворачиваясь, и тут же норовит разорвать его изнутри. Из рта Тарволда вырывается низкий, неровный рык, перескакивающий в визг, по губам стекает чёрная, мерцающая слюна. Глаза на миг закатываются, показывая только белки. Зрачки сужаются в звериные щели, багровый свет пляшет в глубине.

Разум то погружается в глухой подвал, где слышен только шёпот тварей и бульканье растущей дыры, то с яростным усилием прорывается к поверхности.

Сущность, что только что сожрала птицу, пытается прорваться дальше, наружу, воспользоваться инерцией. Тень её пасти разрастается, тянется к стене, где за дверью спят те, кого он называет родными. В этот миг Тарволд, весь дрожа, собирает остатки воли: свои обрывки мыслей, образы семьи, стыд, страх и странную, яростную любовь. Он как будто обхватывает эту чёрную дыру изнутри голыми, ободранными

руками и пытается затянуть её обратно в себя, сжать, задушить, не дать ей расползтись. Вся магия в его теле, и без того шаткая, идёт наперекор, искрит, разрывается на струйки, но послушно подчиняется одному немому приказу:

«Только не их! Со мной — что угодно! Но не их!»

Тело снова бьёт о потолок, потом бросает вниз, к полу. Он ударяется так, что в ушах звенит.

На мгновение, совсем крошечное, как вдох между рыданиями, пасть сущности, уже наполовину выбравшаяся в мир, захлёбывается искажённым шипением и начинает втягиваться назад. Зубы тени расплзаются чёрным дымом, щели-глаза тухнут, как задуваемые свечи. Всё это время Тарволд корчится на полу, выгибаясь дугой, будто его держат на невидимых крюках.

Он чувствует, как тварей, рвущихся наружу, снова затягивает обратно в ту самую дыру. С каждой секундой, с каждым внутренним рывком у него будто отрывают куски души, ломая, пересобирая, вплавляя туда чужую тьму.

И всё же он держит.

Потому что за стеной — вся его жизнь.

Потому что где-то там родители... Лиа.

Потому что в этом доме впервые за долгое время он познал заботу.

Когда сущность, сжавшись, почти полностью исчезает

внутри него, оставляя лишь рваный, жгучий след, Тарволд уже едва помнит, как его зовут. Мысли стонут, язык тяжелеет, зрение плывёт. Но он всё ещё, на уровне истерзанного инстинкта, держит чёрную пасть закрытой, сжимая её в себе, будто замок на проклятых воротах.

И именно в этот момент, между последним рывком боли и первой вязкой тишиной, в дверях появляется Лиа с широко распахнутыми от ужаса глазами.

Глава 3. Обречённый на покой

Ночь над Таудером была тягучей и тяжёлой, как тёмные воды Нимераля. Где-то далеко, за голыми скалами, лениво перекачивался прибой, но сюда, к сердцу Острова Элианорис, эти звуки почти не доходили. Остров терялся в густых, морокоподобных туманах, что поднимались над островом, скрывая его от всех нежданных глаз. Лишь те, кто знал точные пути, могли добраться до него безумно долгими, изломанными тропами по воде и воздуху.

Высоко над отвесными берегами, будто вырастая прямо из скал, стоял каменный, литой замок — Академия Магии Завесы Элианориса. Её башни были сплетены с камнем так, что казались частью самого острова, а по ночам стены словно растворялись, пряча Академию в чернильном небе. Внешние дороги к ней вели в никуда: случайный путник, не отмеченный в её тайных свитках, видел перед собой лишь пустынные утёсы и слепые ущелья. Переплетения сокрытия и охраны висели над землями Академии так плотно, что даже луна, казалось, гасила свой свет, чтобы не выдать её местоположение.

Внутри одной из главных башен, в глубине каменных коридоров, тяжёлой поступью поднимался по винтовой лестнице высокий мужчина в тёмно-бордовой регалии. Он был высоким, статным мужчиной с вьющимися волосами, зачё-

санными назад. Под густыми бровями горели пронзительные тёмные глаза, а аккуратная седая борода придавала лицу суровое благородство.

Его звали Вальдриан Менториус.

Шаги давались с трудом: ночной час и целый день бумаг, встреч и бесконечных докладов забирали своё. Он опирался рукой на отполированные временем перила, на мгновение задерживал дыхание, поднимая взгляд выше. По стенам вдоль лестницы тянулась череда картин: немой парад достижений Зримых Вне прошлых эпох. На одном полотнище: юная волшебница в зелёной регалии держала над ладонями крошечный лес, в котором деревья жили своей жизнью; лес, который, по легенде, она вырастила в один день, остановив старение целой долины.

Чуть выше висела картина с Триумфом Спящих Теней: небольшой отряд Зримых Вне, окружённый кольцом полупрозрачных, исполинских фигур, которые склоняли головы в знак покорности. Вальдриан задержал взгляд на этом полотне: он знал легенду о том, как эти Зримые Вне единожды сумели усмирить сущности, не пролив ни капли крови.

Следом был изображён класс обучающихся, стоящий на фоне вздымающихся волн, которые замерли в воздухе, будто стеклянные — учебная практика по удержанию стихий.

Вальдриан шёл и невольно улыбался: здесь было всё то, чем он жил. Магия, история, следы великого и невозможного. Он не был Зримым Вне, не имел собственного внутрен-

него потока, но знал о магии больше, чем многие, кто был рождён для этого. Теоретик, историк, исследователь, он посвятил этому всю жизнь. И в вопросах магического знания его совет иногда значил больше, чем мнение некоторых членов Высшего Совета Зримых Вне.

Он поправил полы своей тёмно-бордовой регалии и, переведа дух, сделал последние шаги.

Лестница закончилась, открывая небольшой прямой коридор, освещённый тёплыми светом. Каменные стены здесь были более гладкими, местами покрытыми грубыми символами защиты. По обеим сторонам коридора находились массивные двери, но в конце стояла одна — главная.

Эта дверь возвышалась на всю высоту проёма, сложенная из плотного дерева с медными вкраплениями. По её поверхности змеились древние символы: одни мягко светились, другие были почти невидимы. В полотно были аккуратно вставлены тонкие линии мерцающего металла, образующие замысловатый, но гармоничный узор: будто ветви дерева, опутанные нитями звёздного света. В центре двери был выгравированный символ Академии Завесы Элианориса: круг, рассечённый диагонально на тень и свет тонким лучом, пробивающимся сквозь тяжёлые тучи.

Вальдриан остановился, вынул из внутреннего кармана часы на цепочке и бросил быстрый взгляд на циферблат: стрелки неумолимо подбирались к часу ночи.

— Никак не могу привыкнуть, — проворчал он себе под

нос, — что самые важные разговоры всегда выпадают на то время, когда организм требует отдыха, а не откровений.

Он выдохнул с лёгким недовольством. Поздний час и осознание того, что человек за этой дверью тоже не спит, ложились на него тяжестью. Вальдриан поднял руку, собираясь постучать. Кулак уже почти коснулся дерева, когда он вдруг замер.

В его голове, без всякого предупреждения, прозвучал голос:

— Не трать сил, мой старый друг, — раздался глубокий, хриловатый, но мягкий голос. — Тебе тут всегда рады. Дверь не требует формальностей.

Дверь дрогнула, символы на ней вспыхнули чуть ярче, и тяжёлое полотно медленно, бесшумно распахнулось вовнутрь.

Перед Вальдрианом раскинулся огромный кабинет директора Академии Магии — Тармилиона Виридерума.

Комната поражала масштабом. Потолки поднимались на высоту почти в семь метров, уходя в тенистую глубину, где в деревянных балках прятались крошечные Люминарии, мягко освещающие своды. Практически вся дальняя стена была занята одним огромным окном: от самого пола до потолка. За ним простирались ночные окрестности Академии: тёмные кроны лесных биомов, острые зубцы башен и зеркальная гладь ночного неба.

У окна, чуть сбоку, стоял небольшой, но явно не простой

телескоп: тонкая изогнутая труба, оплетённая нитями магии, покоилась на трёхногой подставке из крепкого дерева. Тармилион использовал его не только для наблюдения за звёздами: телескоп позволял «видеть» следы редких магических всплесков в окрестностях, отслеживать нарушения структуры потоков.

Справа, вдоль стены, стоял глубокий, мягкий диванчик тёмного цвета. Стоило присесть, как он чуть заметно подстраивался под тело, издавая едва слышный шуршащий звук, будто кто-то разгладил складки невидимой ткани.

Стены украшало множество наград, медалей, знаков отличия, благодарности от Высшего Совета Зримых Вне и особые грамоты. Между ними теснились фотографии и картины из походов и рабочих командировок Тармилиона. На одной он моложе и стоит среди группы учеников на заснеженном перевале; а вот держит в руках странный деревянистый корень, а рядом подпись: «*Последний найденный росток “Лиссарийской Вечной Ветви”*»

На другом изображении он в простой походной одежде, вытаскивает из трещины в земле крошечное растение.

Это самое растение сейчас стояло на его столе в небольшом глиняном горшочке. Хрупкий стебелёк с тремя полупрозрачными листочками, внутри которых медленно переливался мягкий свет. Это был вымирающий вид, один из последних представителей древней флоры. Тармилион выпросил разрешение забрать его, вырвав из умирающего леса, и

теперь заботился о нём столь же трепетно, как о памяти своей семьи.

Рабочий стол директора был широким, добротным, заваленным бумагами, пергаментами, свитками, старинными чернильницами. На одном краю лежали аккуратные стопки отчётов, на другом — открытая книга с закладками и пометками по краям. Рядом с растением лежало перо.

Посреди комнаты в воздухе парил левитирующий пьедестал: диск из лёгкого камня. На нём покоился магический посох Тармилиона.

Посох был высотой примерно с человека, высотой около ста восьмидесяти сантиметров и выглядел как вытянутая, чуть изогнутая палка из чёрнёного серебра. Этот предмет было необычным: вдоль всего посоха располагались небольшие сквозные отверстия, словно в нём жили десятки аккуратно выжженных дупел. Внутри — лишь тьма, пустота, никакого движения до тех пор, пока за посох не брался его истинный владелец. Тогда в глубине начинала пробиваться тонкая светящаяся нить, пробегая по внутреннему полуму отверстию вдоль посоха. По внешней стороне, по спирали, тянулись рельефные ветви и корни, как будто дерево медленно оживало в руках хозяина.

В глубине кабинета, ближе к рабочему столу, в удобном кресле-качалке сидел директор Академии — Тармилион. Он слегка покачивался вперёд-назад, уставившись в потолок. В его руке перекатывалась небольшая монетка: то исчезая в

пальцах, то вновь появляясь, перекидываемая из ладони в ладонь с тонкой, почти бессознательной ловкостью.

Тармилион был не высоким, около ста семидесяти сантиметров. Полноват, с широкими плечами и тяжеловатой посадкой тела. Густые волосы падали беспорядочными прядями. Стрижки как таковой не было: чуть отросшие космы, живущие своей жизнью. Седина пролегала широкими полосами, придавая ему вид утомлённого, но не сломленного временем Зримого Вне.

Его борода была густой. В седой волос вплетены тонкие колечки с выгравированными символами. Каждое такое колечко за что-то отвечало: защита, память, ясность мысли, крепость духа.

На нём была безупречно сшитая регалия Зримого Вне. Одевание казалось нечто средним между строгим костюмом и традиционной регалией. Ткань плотная, тяжёлая, глубокого синеватого цвета, который при свете отливал холодным небесным блеском. Ни одной складки, ни одного беспорядочного залома: всё выглажено, аккуратно, с уважением к себе и к должности директора Академии.

Тармилион выглядел усталым, но в его глазах, томных, внимательных, с тонкой сетью морщин по краям, горела всё та же живая мысль и тёплая, упрямая человечность.

Вальдриан остановился на пороге, невольно задержав дыхание. Комната, как всегда, встречала его ощущением про-

странства, уюта и одновременно непостижимой глубины.

— Никогда не привыкну к этим штукам, — пробормотал он, входя внутрь и оглядываясь. — Голос в голове, двери, что сами готовы распахнуться пред тобой.

Он снял с себя верхнюю накидку регалии и повесил её на высокую резную стойку под одежду у двери. Ткань мягко скользнула по дереву. Вальдриан подошёл к диванчику и осторожно опустился на него. Диван издал небольшой шорох и чуть провалился, подстраиваясь под его вес.

Тармилион, всё это время не отрывавший взгляд от потолка, немного замедлил покачивание кресла и, не меняя позы, негромко сказал:

— Скажи мне... — Голос его был тихим, но ясным. — Как ты думаешь, Вальдриан... Я хороший человек?

Вальдриан замер, не ожидая такого вопроса. На миг он забыл, что хотел ответить по поводу «штучек», голоса, ночи и усталости. Вопрос друга, произнесённый с таким доверчивым тоном будто раскрыл в комнате ещё одну невидимую дверь: в те непостижимые места, куда обычно не заглядывают просто так.

Он нахмурился, не потому что был недоволен, а потому что подбирал слова с осторожностью:

— Я... — Голос замер. Тяжелый вздох. — Думаю, что всё не так просто, мой дорогой друг.

Тармилион чуть дёрнул уголком губ, но глаза всё ещё были устремлены в потолок.

— Не каждый хороший человек, — тихо продолжил Вальдриан, — может всегда поступать правильно. И не каждый плохой — только и делает, что творит зло по определению. Я не верю в простое деление. Есть поступки, есть выбор, есть стремление стать лучше самого себя вчерашнего. Вот это и есть главное. А если смотреть с этой стороны... — он немного замялся, повысив голос, — то ты один из самых правильных людей, которых я знаю. Даже если сам в этом сомневаешься.

Тармилион чуть заметно улыбнулся. Его рука перестала играть монеткой. Он медленно сел ровнее, выпрямился в кресле, оторвал взгляд от потолка и впервые за весь разговор посмотрел прямо на Вальдриана. Взгляд был мягким, теплом пронизанным.

— Ты, как всегда, собираешь слова так, что ими можно лечить усталые головы, — сказал он негромко. Монетка, ещё мгновение полежав в его ладони, мягко звякнула о поверхность стола, на которыми находилась рамка с общей фотографией: на ней дочь Тармилиона и её муж, смеющиеся, обняв друг друга где-то на лесной поляне во время пикника. — Спасибо. — Он чуть наклонился вперёд. — А теперь скажи, — продолжил Тармилион уже другим тоном, чуть более деловым, но всё равно тёплым, — что же ты тут делаешь в такой час, мой друг? Зачем пришёл?

Вальдриан с усмешкой кивнул на стоящие на шкафу часы: — Видишь? — тихо кивнул он. — Стрелки честно под-

сказывают: хватит себя изводить. Тебе бы поспать, Тармилион. Да и мне тоже не помешает.

Директор посмотрел на часы, после перевёл взгляд на фотографию, что стояла на столе. Лицо чуть изменилось: в нём отразилось что-то болезненно-тёплое. Он на мгновение замолчал, затем шепнул короткое словесное Переплетение:

— *Memoria viva,*

Anima luce.

Фотография дрогнула, цвета ожили, и изображённые на ней люди пришли в движение. Дочь Тармилиона откинула голову назад, смеясь, лист в её руках закружился в воздухе. Муж что-то сказал ей на ухо, она легонько толкнула его плечом. Мгновение живого, настоящего счастья развернулось перед глазами двух близких друзей в полумраке.

Тармилион поднялся с кресла, будто его позвали по имени с той самой картинки. Медленным, замороженным шагом он подошёл к столу, не отрывая взгляда от ожившей сцены. На лице проступили тени старой боли и светлой тоски.

— А что... — голос его стал хриплым, почти шёпотом, — что, если бы всё было иначе, Вальдриан? Если бы они остались живы? Если бы та война... — он не договорил, но и так было ясно, о какой войне речь.

Вальдриан опустил взгляд, провёл ладонью по брючине,

незаметно стирая белую пылинку штукатурки, прилипшую, когда он поднимался по лестнице.

— Была бы всё равно любовь, — спустя мгновение сказал он тихо. — Та, что между вами была, никуда бы не делась. Как и их любовь к тебе. Это... постулат, если хочешь, вечная величина, не зависящая от условий задачи.

Тармилион чуть вздрогнул, отвернулся от фотографии и сел на край стола, близко к краю, опершись рукой. Его голос стал мягким, дрожащим, с надломом, который он не мог — да и не пытался — до конца скрыть.

— Но они были бы живы, мой друг, — прошептал он. — Возможно... сидели бы сейчас в этом самом кабинете.

Вальдриан поднялся с дивана, прошёл мимо Тармилиона и остановился у большого окна. За стеклом расстилалась ночная панорама Академии. Он некоторое время молчал, всматриваясь в тёмные силуэты башен, огоньки далёких факелов, струящиеся облака.

— Скажи, — произнёс он вдруг, — что ты видишь, Тармилион?

Директор медленно поднялся, провёл рукой по лицу, стирая набежавшие слёзы, выровнял дыхание. Подошёл ближе, став рядом с другом, посмотрел в темноту за окном — сначала не совсем понимая, что тот от него хочет:

— Я... — начал он, но замолчал.

— Не отвечай, — мягко прервал его Вальдриан. — Я отвечаю за тебя. Видишь вот это всё? — Он чуть кивнул в сто-

рону раскинувшейся под ними Академии: бесшумные дворы, башни, сторожевые огни, кампусы и парки. — Это и есть то, к чему привела та самая судьба. Гибель твоей дочери и её мужа закалила и сохранила твою внутреннюю силу и стержень, а ты приумножил это и перенёс свою не реализованную заботу на Академию и студентов. — Он вывел фразу медленно, будто боялся уколоть. — Если бы не их смерть, может быть, не было сейчас у Академии такого директора. Не было бы такой Академии: спокойной, сильной, справедливой. Ты сделал её такой. Она и все эти обучающиеся там — часть наследия твоей любви, а не только личной боли.

Тармилион молчал. Потом положил тяжёлую, тёплую руку на плечо друга, слегка сжал. Развернулся и, сделав несколько шагов от окна, молча кивнул. В этом кивке было больше принятия, чем в десятках произнесённых слов. Через пару ударов сердца он спросил уже более собранным голосом:

— Травяной чай, мой дорогой друг? У меня есть один сбор. Помогает уснуть.

— Не смогу отказаться, — вздохнул Вальдриан, отходя от окна и возвращаясь в глубину кабинета.

Он проходил мимо левитирующего пьедестала, на котором покоился посох Тармилиона. Краем плеча едва задев его, он заметил, как пьедестал слегка качнулся. Посох дрогнул, будто собираясь скатиться.

— Ах! — Вальдриан инстинктивно дёрнулся, чтобы под-

хватить артефакт. Рука потянулась вперёд. За спиной послышался спокойный, почти насмешливый голос Тармилиона, который в этот момент доставал из буфета за столом два фарфоровых чайника и чашки:

— Это не та вещь, о которую стоит разбивать сердце, мой дорогой Вальдриан, — произнёс он мягко. — Поверь мне.

— Это личный Сакральный Предмет действующего директора Академии Магии, — с нажимом ответил Вальдриан, осторожно отдёргнув руку и отступив на шаг. — Я бы предпочёл не стать человеком, который его уронит, или того хуже — ломает...

Посох, едва качнувшись, снова застыл в воздушном равновесии.

Тармилион тихо усмехнулся:

— Ты поражает меня, — сказал он с доброй насмешкой. — Насколько ты умён и мудр, и насколько же наивен. Этот посох не сломать так просто. Не под силу человеку, у которого нет внутреннего потока магии. Даже если этот человек будет очень стараться.

Вальдриан отвернулся, потупив взгляд. Внутри него что-то болезненно шевельнулось. Он мог быть выдающимся исследователем, знатоком магии, блистательным теоретиком. Но в моменты, когда подобные слова падали между ними, он снова и снова ощущал себя неполноценным.

Он отошёл чуть в сторону, остановился у стены, облокотился плечом, засунул руки в карманы. Высокий, ро-

стом около ста девяноста четырёх сантиметров, коренастый, крепко сложенный, с широкими плечами. Мужчина средних лет, со сдержанной силой в каждой линии. Его волосы были тёмные, с лёгкой проседью на висках, уложенные в аккуратную стрижку средней длины, подчёркивающую черты лица. Небольшая борода обрамляла подбородок, тоже с намёком на седину, делая его вид ещё более внушающим доверие.

Его регалия сидела идеально, выгодно подчеркивая статность фигуры. Если бы не его работа, если бы не бесконечные дни в архивах, экспедициях и кабинетах, он вполне мог бы сойти за эталон для портретного художника своего времени.

Тишина в кабинете уплотнилась. Был слышен только тихий гул ночного ветра за окном да лёгкое дребезжание чашек, когда Тармилион наливал чай. Через несколько мгновений перед глазами Вальдриана появилась из темноты тонкая белая фарфоровая чашка. Её держала рука Тармилиона.

— Возьми, мой дорогой друг, — тихо произнёс Тармилион, протягивая чашку. — Магия не может всё. Есть вещи, перед которыми она бессильна. И вот там, где она бессильна, вступает в дело другая сила — ум, мудрость, решимость, знание. И всего этого в тебе более чем достаточно.

Вальдриан медленно поднял глаза, встретился взглядом с другом. Плечи его чуть опустились, как будто кто-то незаметно снял часть груза. Он взял чашку, пальцы коснулись тёплого фарфора, и от первого же глотка по телу растеклось

не только успокаивающее тепло, но и ощущение чьей-то заботы, смирение. Мысли ещё ворочались, цепляясь за старое чувство несостоятельности, но постепенно отпускали.

Тармилион вернулся к столу, взял свою чашку, сделал глоток, помолчал. Потом поставил чашку и, словно собираясь с силами, повернулся к Вальдриану:

— Я хотел... — начал он серьёзно. — Я должен кое-что рассказать тебе, Вальдриан. О месте, где я был недавно...

Фразу оборвал внезапный, резкий дребезг. Посох на левитирующем пьедестале, до этого стоявший ровно, дрогнул, будто его ударила легкая, ослабшая, невидимая волна. Внутри отверстий на миг вспыхнули короткие искры.

Одновременно с этим где-то глубоко под кожей Тармилиона что-то кольнуло: инстинктивное, звериное предчувствие беды. Весь его многолетний опыт Зримого Вне выстрелил тревогой.

Он резко поставил чашку на стол, от звука тонкий фарфор задрожал. Тармилион вскинул руку, направил её в сторону одной из стен, где висела большая, пропитанная магией карта. На ней были очерчены границы земель, континентов и морей, а поверх линии магических потоков, узлы силы и города:

— *Lux nexus revelare,*

F luctus ostende!

Символы по краям карты вспыхнули. Поверх линий силы заструились светящиеся точки и пульсирующие отметины. Карта отозвалась, как живое существо, тут же реагируя на усилившиеся всплески магии.

Из-за стола к карте быстро подошёл Тармилион. Вальдриан, напрягшись, тоже отставил чашку и шагнул ближе, вставая рядом.

Где-то в районе города Сильвариус, в сердце центрального материка, одна точка вспыхнула особенно ярко. Свет там не был ровным: он дёргался, пульсировал, растекался, словно раскалённый металл. И вдруг некое место, в виде точки на пергаменте, тонко задымилось. Бумага начала темнеть, края обуглились, словно что-то пыталось прожечь себе путь наружу.

— Сильвариус... — прошептал Тармилион, и тревога в его голосе стала почти осязаемой. Он знал это место. Знал слишком хорошо.

Мгновение.

Взгляд скользил по карте. Потом резким движением развернулся, почти побежал к посоху. По пути локтем задел свою только что поставленную чашку с чаем. Она упала на пол, разбилась, разлив горячий отвар по каменным плитам. Вальдриан вздрогнул, но уже понимал, что сейчас не время подбирать осколки.

— Вот об этом... — поспешно выдохнул Тармилион, про-

тягивая руку к посоху. — Об этом я и хотел с тобой поговорить, мой друг. Я был там. В Сильвариусе. Совсем недавно.

Его пальцы обхватили чёрное дерево. Внутри посоха разом вспыхнула светящаяся, яркая нить; она побежала вдоль полой сердцевины, оживляя древнее дерево неземным сиянием. Свет по посоху переливался мягко, но в нём ощущалась скрытая, огромная сила.

Вальдриан, все ещё не понимая, но уже ни на миг не колеблясь в решении, хрипло спросил:

— Чем я могу помочь, Тармилион?

Директор Академии развернулся к нему. В этот миг в нём не было растерянного отца, скорбящего старика; перед Вальдрианом стоял Зримый Вне, глава Академии «Завесы Элианориса», один из сильнейших этих земель: прямой, собранный, чрезвычайно серьёзный.

— Сейчас тот самый момент, — твёрдо произнёс он, — когда мне нужна не магия, а твоя решительность и умение стоять рядом, Вальдриан. То, в чём ты так силён.

— Тогда я с тобой, — выдохнул Вальдриан, уже отступая к вешалке, чтобы схватить свою накидку. Пока он накидывал её на плечи, поправляя ворот, он спросил:

— Но что конкретно происходит? Что это за всплеск? Кто там?

Тармилион одной рукой держал посох, другой вытянулся к низкой полке у стены, где под стеклом хранился небольшой, но явно могущественный артефакт — тонкая кинети-

ческая пружина из редкого металла, с едва заметным внутренним сиянием. Поверхность его была покрыта мелкими, почти незаметными глазу символами и замысловатыми кругами.

Эта пружина был одним из тех редчайших артефактов, которые выдавались только высшим чинам магического сообщества. И даже среди них не каждый имел право пользоваться подобной вещью. Считалось, что этот артефакт сопряжён не только с силой, но и с огромной ответственностью: по воле владельца он мог открывать порталы в нужное место мира, но требовал от Зримого Вне ясности намерений и чистоты причин.

Тармилион открыл стеклянный колпак, бережно, но без колебаний взял пружину в руку, глубоко вдохнул, сконцентрировался, направляя волю и образ нужного места — Сильвариуса — и того конкретного узла силы. Посох в его руке отозвался, внутренний свет усилился.

— *Porta mentis, spatium frange,*

Ad locum vocatum me duc!

Воздух перед ними дрогнул.

Пространство посередине комнаты словно наморщилося, завернулось в себя, и в несколько ударов сердца на его месте возник овал портала. Его края переливались синим светом, в

глубине виднелись смутные очертания другой ночи: с иным небом, иными тенями.

В кабинете воцарилась напряжённая тишина. Лишь слабый ветер тянулся из портала, принося с собой едва уловимый запах сырой земли и далёкой магии.

Тармилион стиснул посох, лицо его стало суровым, сосредоточенным. Никаких сомнений, лишь решение.

Он шагнул к portalу, уже наполовину находясь в пляшущем свете прохода, и обернулся к Вальдриану.

— Беги за мной, мой дорогой друг! — сказал он быстро, но чётко. — Портал закроется очень скоро! Мне нужна твоя помощь!

Он начал делать шаг внутрь, свет портала поглощал его фигуру. На миг показалось, что он всё сказал. Но уже почти исчезая в сиянии, он добавил, и последние слова прозвучали будто из глубокой трубы:

— Мне нужно спасти...

Портал сомкнулся вокруг его фигуры, почти отрезав фразу. Вальдриан рванулся вперёд, к овалу, когда до его слуха донеслись последние, вынырнувшие из дрожащего края слова:

— Внука...

Свет портала дрогнул, готовясь схлопнуться. И Вальдриан, не давая себе ни малейшей паузы, шагнул в него следом.

Ночь в Сельвариусе стояла вязкая и тревожно-тихая, будто сам город затаил дыхание. Дом семьи Хербариус, утопающий в темноте и мерцающих бликах от далёких фонарей, казался обычным, пока внутри него не открылось нечто, не имевшее отношения к этому миру.

Тарволда буквально выворачивало наизнанку. Воздух в детской комнате густел, дрожал, как горячий туман. По стенам ползли тени, меняя очертания.

Ли́а стояла у самого входа в детскую. Ноги не слушались, пальцы затекли, дыхание застряло где-то в груди. В руках девочки дрожала газовая лампа. Огонёк в стеклянной колбе то вытягивался в тонкую, как игла, линию, то резко вспухал, будто кто-то невидимый дунул на него изнутри. При каждом пульсе тьмы, что шевелилась в теле её брата, пламя вздрагивало, отбрасывая по комнате рваные отблески: жёлтый, оранжевый, красный.

Ли́а не могла сдвинуться с места. Страх стянул её мышцы так, будто их заморозили изнутри. Она чувствовала, как по телу ползёт холод, как челюсть сама собой сжимается до боли. В голове гулко стучала одна мысль:

«Это не он... Это не Тарволд...»

Тарволд уже почти не напоминал мальчика. Его тело искривилось, сломалось, как ветка. Каждое движение сопровождалось хрустом костей, перестраивающихся под чужую

волю.

Внутренний поток магии Тарволда, шаткий и нестабильный, ломался, как река во время паводка. Существа из иного измерения просачивались через эти трещины, через него самого и, наконец, прорвались.

Они вырвались на свободу в образе чудовищно искажённого тела Тарволда. Теперь это сутулое нечто, выросшее вдвое, с вытянутыми руками, превратившимися в лапы. Пальцы вытянулись в костяные когти, шея выгнулась, в нечеловеческой челюсти появилось слишком много зубов: неправильных, кривых, словно нарисованных ребёнком во сне.

И это чудовище рвануло к Лие.

Комната взорвалась движением. Сущность-Тарволд, не касаясь пола, словно проваливаясь в каждом шаге и выныривая дальше, пронеслась через комнату с хриплым шипением. Газовая лампа в руках Лии яростно взревела пламенем, вспыхнув до белого цвета. Девочка машинально зажмурилась, невольно отшатнувшись, но всё равно осталась на месте, парализованная ужасом.

Она успела лишь вдохнуть, сжать зубы и зажмуриться так сильно, что заслезились глаза.

Тишина.

Перед её лицом, совсем близко, что-то остановилось. Она почувствовала холодное, затхлое дыхание, будто на неё дышала открытая могила. В нос ударил запах гнили, сырости и серы, как если бы кто-то сжёг сырое, гнилое дерево.

Лиа боялась открыть глаза, но веки всё равно дрогнули. Тарволд в облике зверя замер.

Огромная морда, исковерканное лицо брата, теперь лишь отдалённо напоминающее человеческое, зависло в каких-то нескольких сантиметрах от неё. Глаза — не глаза: в них клубилась тьма, но где-то в самой глубине, под этим беспросветным мраком, вспыхнул крошечный, знакомый свет. Тот самый, из детства, из их игр, из его смешков на кухне, из тихих ночных разговоров.

Тарволд.

Он удержал.

Он, с нечеловеческим усилием, дёрнул сущность назад. Чудовище вздрогнуло всем телом, как марионетка, одёрнутая за ниточку, и с рваным, сильным рыком отскочило в противоположный угол комнаты.

Лиа, пошатнувшись, чудом не уронила лампу. Огонёк в колбе, ещё мгновение назад бушующий, теперь дрожал тонкой, почти беззащитной ниткой.

— Лиа... — голос Тарволда прорвался сквозь гул и вой чужой силы. Он звучал так, будто кто-то говорит из глубокой ямы, через горсть земли в горле.

— Лиа... Беги...

Сущность ломала слова, и голос трескался, но всё же это был он.

— Тар... — девочка судорожно сглотнула. — Тар, это ты?

— Не... Подходи... — он с трудом выдавил из себя. Те-

ло чудовища дёрнулось, лапа врезалась в пол, оставив в досках глубокие борозды. — Я... Не... Удержу их... Долго... Лиа, слушай! Беги отсюда. Сейчас же! Забери родителей... Уведи их... Подальше... Поняла?!

Он почти выкрикнул последние слова, и в этом крике отчётливо звучал страх не за себя, а за близких.

— Я... Я не могу... — Лиа всхлипнула, ещё не веря происходящему. — Ты же... Ты же...

— Лиа! — крик Тарволда вспорол воздух. На мгновение сущности отступили, будто оттолкнутые волной его воли. Чернота на его коже дрогнула, раскрылась, и девочке показалось, что на миг она увидела настоящего брата: светловолосого мальчишку с упрямыми глазами. — Если ты не уйдёшь... Я могу убить вас всех. Понимаешь?! Всех! Я уже почти не... Я — уже не я!

Его голову пронзила новая волна боли. Что-то внутри, в том тёмном отверстии, дёрнулось, словно чудовище с той стороны тянуло за невидимые нити.

Тарволд взвыл. Одной из лап, огромной, покрытой треснувшей кожей, под которой бурлила тьма, он ударил по наружной стене комнаты. Удар выглядел почти небрежным, как лёгкое касание.

Но дом содрогнулся.

Камень и кирпич взорвались наружу крошечками. Внешняя стена распалась на тысячи обломков, которые чёрной россыпью улетели в глубину Магического Сада. Ночной, свежий

и прохладный воздух в мгновение ворвался внутрь. Шторы взвились, будто крылья каких-то призрачных птиц. Газовая лампа в руках Лии закачалась, стекло жалобно звякнуло. Шум, пыль, запах разрушенного камня смешались с удушающим смрадом сущности.

Едва стена рухнула, Лиа упала на пол и, перекатившись, успела спрятаться за тяжёлый шкаф рядом с дверью. Сердце грохотало в груди так сильно, что ей казалось, его услышит и монстр. Рывок спас девочку.

Где-то внизу, из глубины дома, донёсся топот. Сначала глухой, потом всё громче. Чьи-то ноги гремели по лестнице, перепрыгивая через ступени.

— Мама... Папа... — Лиа прижалась спиной к стене, закрывая рот ладонью, чтобы не разрыдаться. Слезы текли по лицу, но она не смела всхлипнуть вслух.

Она набрала воздух в лёгкие и закричала, почти сорвав голос:

— Не поднимайтесь! Стойте там! Не идите!

Её слова, как ей казалось, заглохли в треске разрушающегося дома. Но наверху топот не только не стих, он стал яростнее, отчаяннее.

Дариан в этот момент думал только о двух вещах: жив ли Тарволд и как хорошо, что ему вовремя вернули Корешок Тарийского Дуба.

Рука сама нашла Сакральный Предмет в кобуре под регалией, пока он, перепрыгивая по две ступеньки, нёсся вверх.

Небольшой тёмный корешок слегка вибрировал в ладони, отзываясь в руках мужчины.

— Дариан! — голос Иссаэлии, бегущей следом, дрожал, но был твёрдым. Она схватила его за запястье прямо на повороте лестницы. — Убери его! Если ты промахнёшься... Ты можешь задеть мальчика или Лию!

Он был на пределе. Нервы горели, как раскалённая проволока. В нём бушевала ярость и страх, но, встретившись взглядом с женой, он стиснул зубы и кивнул.

— Ладно... — выдохнул он, пряча корешок обратно в кобуру. — Сначала осмотримся. Но если это угроза, тогда я не буду стоять и смотреть.

— И не должен, — коротко ответила Иссаэлия. — Но и убить ребёнка мы не имеем права. Даже случайно.

Они взлетели на верхний этаж.

Иссаэлия первой кинулась к Лии, едва увидела её силуэт у шкафа. Мать, почти спотыкаясь, бросилась на колени, прижимая девочку к себе, проводя руками по её волосам, по щекам, по плечам, словно проверяя, все ли части тела на месте. Лиа дрожала, как лист, но, почувствовав объятия, наконец всхлипнула в голос.

Дариан же застыл, как вкопанный, в дверях разрушенной детской.

Перед ним, в свете дрожащего огонька газовой лампы и ночного неба, зияющего через пролом в стене, возвышалось нечто. Нечто, что когда-то было его приёмным сыном.

Тарволд, если это всё ещё был он, стоял посреди комнаты.

Голова мальчика была странно вытянута, словно её растягивали изнутри. Из рта вырывался тяжёлый, влажный пар. Глаза... В них не было зрачков. Только бездонный красноватый огонь.

Дариан медленно, подчёркнуто оглянулся на жену и дочь. Убедился, что они живы, целы, что Лиа дышит. Тогда он снова достал Корешок Тарийского Дуба, уже осторожно, чувствуя всем телом, как магия в нём отзывается на присутствие чужеродной тьмы.

— Тарволд... — его голос сорвался. — Тарволд, это ты?

Нечто повернуло голову на звук, и это движение далось ему с какой-то странной заминкой. Внутри тьмы что-то шевельнулось, и в этот миг Дариану на секунду показалось, что он видит своего мальчика: уставшего, измученного, растерянного.

Но ответ пришёл не от него.

Глубокий, рваный, чужой тембр, словно говорили сразу десятки голосов из глубокой пещеры, раздался из пасти монстра:

— Тарволда больше нет.

Сущность говорила спокойно, почти лениво, как зверь, уверенный в своей силе.

— Есть только мы... И вам всем... — челюсть исказилась в жуткой пародии на улыбку. — Пришёл конец. Не только вам, маленькое семейство. Всему вашему миру.

У Дариана что-то внутри щёлкнуло. Страх сжался в плотный узел и превратился в одну кристально ясную решимость.

Он машинально сделал шаг вперёд, вставая между чудовищем и своей семьёй. Его плечи распрямились, Корешок Тарийского Дуба лёг в руку так естественно, будто был её продолжением.

— Ты... — голос его дрогнул, но он поднял его, словно бросая вызов самой бездне. — Ты не тронешь их! Слышишь?! Кем бы ты ни был, что бы ты ни был... Ты вернёшь его. Вернёшь моего мальчика! И провалишься обратно туда, откуда приполз!

Он вскинул Сакральный Предмет, и старое, выученное до мышечной памяти Переплетение сорвалась с губ:

— *Ignis radice, revertite hostem!*

Корешок Тарийского Дуба вспыхнул тёплым, золотисто-алым светом. Из его кончика вырвалась огненная струя: не обычное пламя, а плотный, собранный, как копьё, язык магического огня. Он с рёвом устремился прямо в грудь сущности.

Чудовище лишь лениво подняло одну из своих огромных лап. Когти блеснули чёрным зеркальным отблеском, и лапа мягко, почти небрежно прикрыла собой сердце монстра, как человек прикрывает лицо от яркого света. Огненная струя ударилась в этот импровизированный щит, заплясала, заши-

пела и растворилась, словно её поглотила бездонная трещина.

Нечто усмехнулось.

— Забавно, — голос стал насмешливым. — Вы швыряетесь искрами в ночь и думаете, что она отступит. Не стойте у нас на пути, люди. Эта оболочка нам пригодилась. Мальчика больше нет. Есть только мы. И в этом измерении нам нравится гораздо больше.

У Дариана по спине пробежал холод. Но он не отступил.

— Тогда, — прохрипел он, — придётся тебе разочароваться. — Он рванулся к семье, оттолкнувшись от пола. В два широких шага оказался рядом с Иссаэлией и Лией, встал прямо перед ними, почти прижав их к стене.

— Нельзя выпускать это в мир... — выдохнул он, не сводя глаз с чудовища. — Я отвлеку его. Исса, забирай Лию и уходите. Как можно дальше. Поняла?

— Что? Нет! — Иссаэлия резко мотнула головой, в её глазах загорелся гнев, перемешанный с ужасом. — Либо мы уходим все, либо никто! Я не брошу тебя здесь одного!

Лиа, всё ещё вцепившаяся в мать, всхлипывала, но кивала, поддерживая её слова.

Иссаэлия стиснула зубы, рука дрогнула и потянулась к собственному Сакральному Предмету: небольшой, на первый взгляд неприметной броши. Металл немного поблёскивал в полумраке комнаты.

— Похоже, пришло время, — прошептала она, отцепляя

брошь. — Хоть, возможно, это и будет в последний раз...

Она закрыла глаза и выдохнула, позволяя Переплетению самостоятельно всплыть в памяти. Губы зашевелились, почти беззвучно:

— *Fovea nigra, rapias obscurum...*

Брошь в её руке вспыхнула густым фиолетовым светом. Воздух рядом с сущностью задрожал, как нагретое стекло, и в следующую секунду прямо возле монстра пространство сложилось внутрь самого себя.

Возникла импровизированная чёрная дыра.

Она была размером с человека, но ощущалась бездонной. Всё вокруг неё стало тянуться внутрь: обломки камня, пыль, клочья тьмы, тени. Даже свет от лампы Лии странно изгибался, срываясь в эту мрачную воронку. Сущность вздрогнула, её тело резко начало тянуть к ядру чёрной дыры, лапы заскребли по полу, когти вонзились в доски, оставляя глубокие борозды.

Зверя затягивало во тьму.

Он сопротивлялся, дёргался, рычал, упирался лапами в обломки стены.

Сначала казалось, что это сработало. Что Переплетение Иссаэлии, хоть и истощило её до предела, но оказалось достаточно мощным. Лицо женщины стало мраморно-бледным, дыхание прерывистым, ноги подкашивались, вся её си-

ла уходила в поддержание этой временной дыры.

Тварь рвалась, тянулась прочь, хрипя и скрежеща. Обломки мебели, даже часть ковра уже наполовину скрылись в тянущей воронке.

А потом...

Нечто выпрямилось.

Он, словно устав от игры, перестал сопротивляться. Спокойно сделал шаг вперёд, так, что один бок почти касался завихряющейся, чёрной, хищной пустоты. И, глядя прямо на Иссаэлию, медленно, намеренно, со странной грацией, сложил огромные лапы и хлопнул ими по ядру чёрной дыры.

Звук был глухим, как если хлопнуть мокрыми ладонями по плоти.

Воронка схлопнулась в одну точку — и исчезла, будто её никогда и не было.

Тишина ударила сильнее, чем любой звук. Иссаэлия рухнула на колени, едва держась в сознании. Лицо её исказилось от отчаяния и усталости. Лиа закричала, бросаясь к матери, пытаясь поддержать её.

Сущность неторопливо опустила лапы:

— Выыы меня утомили... — сказала она, растягивая слова. — Пора заканчивать эту жалкую сцену.

— Нет! — Лиа выкрикнула так, что голос сорвался. — Мама! — Исса едва шевелилась. Её глаза мутнели, дыхание было тяжёлым.

— Дариан... — прохрипела Исса. — Забери её. Прошу.

Уведи...

— Я... — у Дариана дрогнули мышцы на лице, но он стиснул зубы ещё сильнее. — Я не дам вам умереть здесь. Никому.

Он положил руку жене на плечо, проверяя её состояние, убедился, что она ещё держится, пусть и на волоске. Лиа, сжимая руку матери, подняла на отца полные слёз глаза.

— Папа... Забери маму... Уведи её. Пожалуйста! Я попробую... Поговорить с ним! Там... Внутри. Он же... Он же всё равно там, правда?

— Лиа... — голос Дариана стал грубее. — Нет. Я не оставлю тебя одну. Даже на секунду. Ни с этим... ни с кем. Если ты будешь пытаться, то я буду рядом. Поняла? Это не обсуждается.

Он кивнул.

В этом кивке было странное сочетание разрешения и категорического отказа отпускать её одну. Он не собирался уходить.

Лиа глубоко вдохнула. В груди всё сжалось до боли. Она посмотрела на чудовище, на исковерканное тело, на чёрную, клубящуюся оболочку, в глубине которой мелькало что-то... своё. Родное.

— Тарволд! — крикнула она, не зная, услышит ли. — Слышишь меня? Если хоть что-то от тебя осталось — вернись! Пожалуйста! Это я, Лиа!

Сущность фыркнула, но на долю секунды её глаза дрог-

нули.

— Нам страшно! — девочка сделала шаг вперёд, ноги её подкашивались, но она не остановилась. — Мы не хотим тебя терять! Ты мой брат! Ты наша семья! Пожалуйста... Борись!

И где-то там, в самой глубине, под слоями чёрной мерзости, что разрослась в его душе, разум Тарволда дёрнулся.

Это было похоже на луч света, пробившийся через толщу грязной воды. На вздох человека, которого долго держали под поверхностью.

— Уходите... — прошептал он, и голос его, слабый, хриплый, прозвучал изнутри чужой глотки. — Лиа... Папа... Мама... Бегите... Я уже не могу двигаться сам. Они тянут...

Лапа сущности, та самая, что ещё недавно разрушила стену, дрогнула. На кончике одного из когтей вспыхнули искры. Магия, рождённая из его же собственного тела, собралась в крохотную точку в пространстве. Искры сомкнулись, образовав мерцающий сгусток — маленькую, плотную каплю разрушительной энергии.

— Бегите! — выкрикнул Тарволд в последний, отчаянный раз. В его голосе не осталось ни просьбы, ни сомнения, только приказ, крик, вырванный из самого сердца.

И тут же его голос утонул. Сущность сомкнулась вокруг него, как челюсти вокруг крика.

— Какой противный ребёнок, — прорычала тварь с презрением. — Никак не утихнет. Но теперь... Теперь вы все

сгинете.

Сущность изящно, почти грациозно развернулась, как танцовщик, и, описав пируэт, выпустила из кончика когтя тот самый маленький сгусток энергии.

Сгусток тихо сорвался вперёд. Почти беззвучно. Он летел медленно, но в этом медленном полёте ощущалась чудовищная сила, собранная в одну жалкую крупинку. Искры вокруг него цеплялись за воздух, оставляя за собой тонкий, шипящий след.

Семья прижалась друг к другу в противоположном углу. Мгновение тянулось вечностью. Тишина стала настолько густой, что можно было услышать собственное сердцебиение.

Доля секунды — и воздух разорвался.

Открылась часть портала.

Из этой синей, переливающейся завесы, точно выстрел, вылетел магический посох из тёмного серебра, напоминающий тонкий ствол дерева.

Посох двигался с поразительной точностью. Он появился как раз между летящим сгустком тёмной энергии и семьёй Хербариус.

Тёмная серебряная палка отозвалась на атаковую магию. Внутри неё внезапно вспыхнула нить света: яркая, переливающаяся, пробежавшая по полой сердцевине посоха от основания до самого верха.

Словно играючи, как пушинку, посох отбил летящее Переплетение обратно.

Сгусток энергии отскочил, словно ударился о невидимый щит, развернулся в воздухе и, завизжав, рванул обратно.

Прямо в грудь чудовищу.

Взрыв был оглушительным.

Тьма, плотная, как дёготь, вспыхнула изнутри. Тело зверя выгнулось дугой, лапы раскинулись в стороны, челюсть раскрылась в беззвучном вопле. Ударная волна прошла по комнате, добивая и без того израненные стены, разметав по полу обломки камня, одежды, осколки стекла, светящихся перьев от упавшей ранее птицы.

Монстра швырнуло прочь, через зияющий пролом во внешней стене.

Сущность, ослепительно вспыхнув изнутри, отлетела камнем вглубь ночного магического сада. Там, среди светящихся в темноте растений, оно рухнуло с глухим, хрустящим звуком, ломая под собой ветви и древние, магические корни.

На краткое, нечеловечески тихое мгновение в доме семьи Хербариус воцарилась тишина.

Только тяжёлое дыхание, всхлипы Лии, надсадный, рваный вдох Иссаэлии. Где-то совсем рядом, в воздухе, ещё мерцала, дрожа, разорванная кромка портала.

Ночь будто проглотила дом семьи Хербариус, оставив над Сельвариусом только редкие звёзды да дыру там, где ещё недавно стояла внешняя стена комнаты Тарволда. Воздух

был густ от копоти, пыли и выжженной магии.

Магический портал распахнулся в центре комнаты, словно кто-то разорвал саму ткань пространства. Воздух засвистел, втягиваясь внутрь, и в следующее мгновение из разлома шагнули двое мужчин.

Первый — был мужчина в тёмно-синей регалии, с посохом в руке. Следом показался высокий, коренастый человек в тёмно-бордовой накидке.

Портал за их спинами начал сжиматься, втягивая в себя остатки дыма и пыль, пока не свернулся в тонкую нить света и не исчез вовсе.

Дариан, сидевший в углу комнаты, прижимая к себе жену и Лию, на миг перестал дышать. Голова гудела от пережитого удара, в ушах всё ещё звенело. Он машинально попытался закрыть собой семью ещё сильнее:

— Кто? Что? — выдох сорвался с его губ, больше похожий на шёпот, чем на вопрос.

Иссаэлия, полулёжа у стены, моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд. Пелена пыли и копоти мешала разглядеть пришельцев, от фонтана выбитых камней в комнате до сих пор стоял мутный туман. Лиа кашляла, стискивая горло ладонью, глаза слезились.

— Вальдриан... — раздался спокойный, хриплый голос из центра облака, — Соберись и помоги семье Хербариус. Побойсь о них.

Силуэт с посохом чуть сдвинулся, и в голосе этого чело-

века не было приказа, скорее твёрдая уверенность.

Мужчина в бордовой накидке коротко кивнул, даже не пытаясь отряхнуть пыль, что осела на его плечах:

— Хорошо, — ответил он. — Отведу их на безопасное расстояние. Свяжусь с патрульными Зримыми Вне, пусть перекроют район, поставят барьеры, организуют не въездную зону.

Он подошёл к семье, опускаясь на одно колено, чтобы быть с ними на одном уровне.

— Вы можете идти? — мягко, но деловым тоном спросил он. — Голова кружится? Кости, раны, что-нибудь болит? В доме есть ещё кто-то, кроме вас?

Дариан сглотнул, пытаясь привести мысли в порядок:

— Н-нет... — он оглянулся на комнату, словно надеясь увидеть Тарволда, спящего в кровати, но взгляд снова натолкнулся на огромную чёрную пробоину во внешней стене. — Только мы. Больше никого...

— Я в порядке... — сипло подала голос Лиа, с трудом поднимаясь на ноги. — Немного кружится голова, но я могу идти.

Иссаэлия попыталась приподняться, держась за плечо мужа:

— Я тоже... — прошептала она, хотя каждая мышца ныла, а бессилие от собственного Переплетения всё ещё отзывалось дрожью в пальцах.

— Хорошо, — Вальдриан помог им подняться, поддержи-

вая Иссаэлию под локоть. Медленно, но уверенно. — Нам нужно выйти из дома и отойти подальше. Здесь ещё будет шумно...

В этот момент облако пыли начало оседать, и силуэт с посохом обрёл чёткие очертания. Иссаэлия застыла, вцепившись пальцами в рукав Дариана.

Невысокий мужчина в магической регалии стоял у пролома во внешней стене, уставившись куда-то в темноту сада, в ту сторону, куда несколько минут назад унесло тело Тарволда вместе с сущностью. Его синее одеяние отливало ночным небом, волосы были спутаны, но прямую спину и ровную осанку не мог скрыть ни один порыв ветра.

В правой руке он держал посох. В его полости медленно переливались огненные нити магии.

Иссаэлия распахнула глаза:

— Дариан... — она дёрнула мужа за руку. — Посмотри!

Посмотри на него!

Дариан повернул голову, проследив за её взглядом.

— Что?

— Это он... — в голосе Иссаэлии прозвучала смесь удивления и недоверия. — Тот самый джентльмен, который приезжал к нам на днях. Предлагал купить магический сад. Десять тысяч манитов... — она нахмурилась, всматриваясь внимательнее. — Но... Но тогда у него было другое лицо...

Лиа тоже перевела взгляд с Вальдриана на Зримого Вне у пролома.

— Пожалуйста... — вмешался Вальдриан тихим, но настойчивым голосом. — Всё это мы обсудим позже. Сейчас главное — выйти отсюда. Пойдёмте!

Тармилион тем временем не двигался. Он всё так же смотрел в сторону разрушенной стены и сада.

— Да... — произнёс он наконец, не оборачиваясь. — Это был я. — Его голос прозвучал спокойно, почти устало. — А другое лицо... — усталый взгляд упал под ноги, — магия сокрытия личности. Иногда я позволяю себе использовать её. Хоть это и незаконно. — Он медленно повернул голову ровно настолько, чтобы его профиль обозначился на фоне ночи. — Буду признателен, если вы не станете это разглашать — добавил он. В этой полушутливой фразе сквозила настоящая просьба.

Дариан рефлекторно выпрямился:

— Д-да, конечно, директор... — он запнулся, не зная, как правильно его назвать.

— Прошу, без формальностей. Просто Тармилион.

В комнате повисла тишина.

Имя легло тяжёлым, почти нереальным грузом.

Лиа осознала, что слышала его раньше, в рассказах старых Зримых Вне, в новостях о заседаниях Высшего Совета. Это был тот самый человек, который казался легендой, далёкой и недостижимой, как вершины трёх скал, на которых стояла Академия.

Тармилион вновь кинул взгляд на пролом:

— Я выбрал вас не случайно, — продолжил он, словно отвечая на незаданный вопрос. — Долго искал внука. Сына моей погибшей дочери и её мужа, которого время хаоса «Бури Рассудка» увезли... Не сказав куда... — Голос на миг дрогнул, но тут же вновь обрёл твёрдость. — Я отыскал след, но совесть не позволила нагло ворваться в чужой дом... Оторвать ребёнка от семьи, которая приютила его и вырастила. Поэтому я сперва решил взглянуть со стороны. Под другой личиной. Посмотреть, как он живёт. Что за люди рядом с ним. — Он вдохнул глубже. — И помочь вам не напрямую. Не подаванием, а сделкой. Поддержать, профинансировать Магический Сад. Помочь, при этом обеспечить вам достаток. Десять тысяч манитов не упали бы на вас, как молния с неба: вы бы их честно выручили за то, что создали своими руками.

Он чуть склонил голову, обращаясь уже напрямую к Дариану, по-прежнему не глядя ему в лицо, а словно разговаривая с пустотой впереди:

— Вы, Дариан, так бы и остались в этом саду за главного, а я в роли спонсора, покровителя. Иногда приезжал бы отдохнуть, восстановить силы. Оба были бы при деле. А моя Лисстарийская Вечная Ветвь... — в голосе на миг мелькнула мягкость, — чувствовала бы себя тут куда лучше.

Дариан сжал губы, сердце сжалось от странной смеси вины и благодарности. Он вспомнил, как резко отнёсся к «джентльмену» с предложением, сколько подозрения было в

каждом его слове:

— Благодарю, — хрипло сказал он. — За всё... Что вы тогда предлагали. И за то, что сделали сейчас.

Он бросил взгляд на жену.

Иссаэлия опустила глаза.

— Сейчас не время для этого, — добавил директор уже более твёрдо. — Вальдриан!

— Слушаю! — откликнулся советник.

— Забери их. Поторопитесь!

Тармилион протянул руку к Лие и мягко взял её за запястье. Его ладонь была тёплой, крепкой и надёжной. Лиа вскинула взгляд. В серых глазах человека она увидела то, чего больше всего не хватало в этот момент: спокойную уверенность, как будто он уже видел исход этой ночи.

Она позволила ему повести себя к выходу из разрушенной части дома.

Иссаэлия и Дариан на мгновение замерли, ошарашенные тем, что у Тарволда нашёлся родственник. Родственник не просто «какой-то», а один из сильнейших Зримых Вне. В их груди одновременно вспыхнули боль и странная радость за мальчика: он был не один в этом мире.

— Если... Если будет возможность, — выдохнула Иссаэлия, — Мы... Мы хотели бы поговорить с вами об этом. О Тарволде. Обо всём.

— И он тоже... Хотел бы, — глухо добавил Дариан. — Если... — он не смог договорить.

— Спасибо, — ответил Тармилион всё так же, не поворачиваясь. Благодарность в его голосе звучала по-настоящему.

Он стукнул посохом по полу.

Дверь детской, до того распахнутая, плавно закрылась, отталкивая Иссу и Дариана за порог мягкой волной воздуха. Звук был почти неслышным, но в нём чувствовалось не агрессивное, настойчивое словесное Переплетение.

— Идём, — тихо сказал Вальдриан, беря Лию за плечо и ведя её по коридору. — Сейчас главное — безопасность. Остальное потом.

Иссаэлия и Дариан поспешили следом.

Когда их шаги стихли в глубине дома, Тармилион остался один. Лишь сквозной ночной ветер завывал в провале стены.

Он поднял посох и шепнул:

— *Gradus Saxorum...*

По полу и по обломкам выбитой стены прокатилась мягкая, но плотная волна магии. Фрагменты камня, балки, куски штукатурки, даже треснутые кирпичи начали подрагивать, словно протирая глаза после сна. Затем, один за другим, обломки поползли к пролому, поднимаясь в воздух и выстраиваясь в ровные ступени.

В считанные секунды там, где была дыра, возникла лестница, уходящая наружу, в сторону Магического Сада. Камень лёг плотно, надёжно, будто его так и построили изна-

чально.

Тармилион ступил к краю, задержав воздух. Из пролома тянуло сыростью ночи, запахом земли и магии, недавно выплеснувшейся в этот мир.

Он ступил на первую каменную ступень и начал спуск. Движения его снаружи были спокойны и выверены, шаг за шагом, но внутри кипела буря. Каждая клеточка тела знала: там, внизу, лежит не просто враг. Там его внук, заключённый в живую тюрьму тьмы. И в очередной раз потерять близкого он был не готов.

Лестница вывела его на небольшой пустырь в центре сада. Это было открытое пространство, на котором не росли магические растения. Территория, специально оставленная для экспериментов и тяжёлых Переплетений, чтобы не повредить ни один из ценных побегов. Даже сейчас Тармилион отметил, что судьба — по-своему жестокая, но иногда и милосердная — направила бой именно сюда.

— Место подходящее... — хрипло произнёс он сам себе. — Но лучше бы перенести всё подальше от сада. — Его мысль не успела оформиться до конца.

В нескольких шагах от него шевельнулась громоздкая тень. Сущность начинала приходить в себя.

Тело Тарволда, уже почти не похожее на человеческое, дёрнулось. По изуродованным конечностям побежали тусклые сгустки тьмы, напоминая больные вены. В нескольких местах кожу вспарывали изнутри чужие когти и щупальца,

тут же втягиваясь обратно. Над всем этим возвышалась голова: больше звериная, чем человеческая, с челюстью, полной тонких, как иглы, зубов. Глаза горели бездной.

Сущность рывком опёрлась на лапы и встряхнула головой. Тёмная аура вокруг неё вспыхнула и затрепетала, чёрное море взвилось к ночному небу.

— Что... — низкий, вибрирующий голос прорычал в воздухе. — Что это... Кто посмел...

Ведомый долгими годами опыта, Тармилион стоял неподалёку, ровный, как стальной штырь в центре бури. Его посох едва заметно светился.

— Ты зря выбрала этого мальчика, — твёрдо сказал он, глядя прямо в центр искажённого лица. — Сосуд для своего прихода тебе стоило искать в другом месте. — Он сделал вдох, и в ночи показалось, будто воздух стал чуть плотнее. — Вообще, — добавил он, — приходить в этот мир было большой ошибкой.

Он говорил без крика, без угроз. Просто называл вещи своими именами.

— Я даю тебе возможность уйти, — произнёс он. — Вернуться в свою яму, в своё измерение. Пока у тебя ещё есть этот вариант.

Сущность на секунду застыла. Затем молча рванула вперёд, как выброшенный хлыстом ком тьмы.

Тармилион даже не отступил. Посох в руке двинулся навстречу, мягко, будто он хотел отвести от себя ветку дере-

ва. На миг пространство между ним и сущностью вспыхнуло, как раскалённое стекло, и удар чудовища отразился, отшвырнув его в сторону.

Сущность проскрежетала что-то нечленораздельное, тяжело опираясь на передние лапы.

— Хорошо! — сказал Тармилион, — твой выбор сделан... Он поднял посох чуть выше и чётко произнёс:

— *Vincula Aënea!*

В воздухе вокруг сущности вспыхнули тусклые спирали, похожие на кованые цепи старых времён. Они не падали сверху и не выползали из земли, а просто появлялись из ниоткуда и ждали команды. Тяжёлые, затянутые ржавчиной звенья обвили лапы, шею, туловище, врезаясь в тьму и оставляя на ней светящиеся отпечатки ожогов.

Сущность взревела, попыталась рвануться, но пути лишь затянулись сильнее. Посох Тармилиона засветился ярче, потоки света побежали по его внутреннему стержню.

— Я знал таких, как ты, — прохрипело чудовище, дёргая лапами. — Все... Они... Падали. По одному. С криком. И каждый думал, что... Способен убить меня...

— Мне приходилось слышать подобные речи, — сухо отозвался Тармилион.

Он сосредоточился, усиливая Переплетение. Цепи вокруг сущности налились ярким светом, словно раскалялись.

Секунду казалось, что тварь поддаётся. Отнюдь. Тьма вокруг неё вдруг уплотнилась, сгустилась в густую чёрную корку. По цепям пробежали трещины, как по пересушенному льду. С треском, один за другим, разлетелись звенья, рассыпаясь на искры, которые мгновенно поглотила ночь.

Тармилион на долю мгновения нахмурился. «Медные пути» было одним из сильнейших удерживающих тяжёлых Переплетений в известной истории, которым когда-то сдерживали полупрозрачных исполинов на границе Небесного Плато.

— Это было... Забавно, — произнесла сущность. — Для меня... Это и правда оказалось преградой... Но лишь временной.

Зверь вытянулся во весь рост, вокруг него вновь запульсировала чёрная аура, внутри которой порой мелькали очертания чужих лиц, обломков мира, фрагментов ужаса.

— На этот случай... У меня есть особый «подарок», — с садистским удовлетворением прошипела тварь. — То, что убьёт даже такого, как ты.

В этот миг посох в руке Тармилиона изменился. Нить света, тянувшаяся вдоль его оси, вспыхнула красным ярким светом, словно сквозь тёмное серебро прорвался расплавленный металл. Красное сияние струёй стремилось вверх, ветви и корни на поверхности посоха задвигались, как живые, закручиваясь по спирали вверх.

Тармилион почувствовал, как холодок пробежал по спи-

не:

— Значит, ты... — прошептал он почти неслышно.

Перед его внутренним взглядом вспыхнуло воспоминание: записи в архивах, тома, в которых описана единственная в истории подобная сущность. Тогда её сосудом тоже был полукровка. Половина населения центральных регионов погибла, пытаясь остановить её, пока не было создано одно-единственное Переплетение, сумевшее перекинуть тварь обратно в её измерение. Вместе с носителем.

Это было безумие, отчаянная попытка, стоившая жизни сразу двум: Сосуду и самому Зримому Вне, который исполнил это Переплетение.

Сердце Тармилиона болезненно сжалось. Он знал, что ключ к силе этого Переплетения в крови полукровки. Особый тип внутреннего потока, перекрёсток двух природ магии.

По его морщинистому лицу скользнули слёзы. Он не стал их вытирать — просто поднял посох повыше, направляя его на чудовище, и сосредоточился:

— Тарволд! — тихо, но отчётливо позвал он, обращаясь не к чудовищу, а туда, вглубь его искажённой плоти.

Мысли Тармилиона потянулись вглубь посоха, обвивая его красную ауру. С каждой секундой нити магии сгущались, уплотняясь до светящегося потока. Он направил его в сторону сущности. Не вовне, а внутрь, стараясь протиснуться сквозь её тьму, как луч света, пробивающийся сквозь мно-

гослойный мрак.

Голос Тармилиона прозвучал уже не в саду. Он пронзил толщу сущности и отозвался в сознании мальчика, потерянного и истерзанного где-то в самом центре этого кошмара.

Тарволд стоял в пустоте.

Вокруг было чужое пространство: вязкое, тёмное, живое. Мрак шептал, давил, пытался растворить его мысли, подменить их чужим шорохом. Иногда в темноте вспыхивали образы: искажённые лица родителей, Лии, разрушенный дом, обгоревшая детская — всё это было одновременно и правдой, и ложью. Он уже почти перестал понимать, где заканчивается он сам и где начинается тварь.

Вдруг в этой густой темноте вспыхнула тонкая, красная, тёплая нить. Не обжигающая, как огонь, а согревающая, как камин в зимнюю ночь.

— Тарволд! — голос прозвучал мягко, но уверенно. — Мальчик мой...

Он не сразу понял, кто говорит. У него не осталось сил удивляться. Его «Я» было раздавлено, мысли вспыхивали и гасли, как искры.

— Всё будет хорошо... — продолжил голос. — Я с тобой. Я — твоя кровь — Тармилион Виридериум! Твой дедушка.

Эти слова эхом прокатились в глубине его сознания, задевая забытые струны. Когда-то, когда ему было год от ро-

ду, родители показывали ему старую фотографию, где мама с тёплыми глазами и мужчина рядом с ней — его отец. Рядом был ещё один человек. Тогда Тарволд не запомнил толком ни образа, ни имени. Памяти новорожденного просто не под силу это.

Тармилион усилием воли перенёс в сознание мальчика свой прежний образ.

И сейчас, на этом тонком краю между жизнью и забвением, сознание вытасило его, будто старое, но дорогое письмо из сундука.

Перед мальчиком, в этой чудовищной тьме, возник образ мужчины: седые волосы, густая борода с вплетёнными рунами, уставшие, но ясные глаза.

— Дедушка? — хриплым, удивлённым голосом спросил Тарволд, сам не веря, что произнёс это слово.

Всё вокруг вздрогнуло. Сущность, завладевшая его телом, заметила чужой свет и тут же попыталась задушить его, обволакивая давящей пустотой. Но красная нить магии, тянувшаяся от посоха Тармилиона, только вспыхнула ярче.

— Верно, — мягко ответил Тармилион. — Ты не один, мальчик. Ни здесь, ни в этом мире. Ни в каком.

Тарвольд стиснул зубы, собирая остатки воли в кулак. Он чувствовал дикий жар, раздирающий тело где-то очень далеко, там, за пределами сознания. Здесь боль была другой: душевной, от ощущений потери и вины.

— Спасибо... — с трудом выговорил он. — За Лию... За

маму и папу... Тех, кто поставил меня на ноги, — в его голосе дрогнуло что-то тёплое. — За их защиту.

— Это ты их защитил, — возразил Тармилион. — Сдерживая тварь. Давая нам время.

Он сделал шаг навстречу внуку. Хотя всё это и происходило в сознании, Тарволд почувствовал, как его ладонь будто бы коснулась чужой руки.

— Прости... — мальчик всхлипнул, хотя слёз в этом месте не существовало. — Я не знал, кто ты. Не успел...

— И мне жаль, — тихо ответил Тармилион. — Жаль, что я нашёл тебя так поздно... Но мы говорим сейчас. И этого уже не отнять...

Они молчали всего лишь мгновение, но для них оно растянулось, как вечность.

— Тарволд, — голос деда стал серьёзнее. — Слушай внимательно. У нас мало времени.

Мальчик собрался, изо всех сил удерживая остатки ясности.

— Нам не выжить в этой битве, — со всей серьёзностью сказал Тармилион. — Есть одно Переплетение. Оно покончит с сущностью и отправит её обратно. Но...

— Нужна помощь полукровки, — закончил за него Тарволд, неожиданно чувствуя, что понимает. — Моего странного потока...

— Верно... — кивнул Тармилион. — Переплетение должно быть сотворено вместе. Моей и твоей силой. Тварь уй-

дёт... Но и мы...

Он не смог произнести вслух слово «умрём». Но оно прозвучало между ними громче любого крика.

Тарволд сжал кулаки:

— При одном условии, — неожиданно твёрдо сказал он.

Тьма вокруг них шевельнулась, с интересом прислушиваясь.

— Семья Хербариус будет в безопасности, — выдохнул мальчик. — Лия, мама, папа — они моя вторая семья. Эти люди стали моей опорой, когда у меня никого не было. Я не хочу, чтобы они пострадали или остались одни!

Тармилион посмотрел на него глазами, в которых одновременно смешались боль, гордость и бесконечная нежность:

— Обещаю... — тихо сказал он. — В его голосе не было ни тени сомнения.

— Тогда... — Тарволд глубоко вдохнул, словно собираясь прыгнуть в бездну. — Скажи, что нужно делать!

Сознание Тармилиона вернулось в настоящий мир. В реальности прошло всего пару секунд.

Сущность выросла, раздуваясь, как буря. Её тело натянулось, чернота вокруг спрессовалась до состояния почти твёрдой материи. Она подняла лапу, собирая в когтях такой плотный сгусток магии, что воздух вокруг неё завертелся

смерчем.

— Умри! — прохрипела она. — я всё равно пройду в этот мир!

Сущность метнула сгусток ужасной силы.

Поток тёмной энергии, обвитый искрами багрового пламени, рванул к Тармилиону, сминая воздух и прокладывая в ночи огненный след.

Тармилион смотрел на приближающийся удар.

В мокрых от слёз глазах отразилась уверенность:

— Давай... — прошептал он.

Тарволд услышал.

Время замедлило ход.

Поток тьмы, летящий к Тармилиону, застыл в воздухе, как застывшая волна. Искры замерли, повиснув в пространстве: каждая как отдельная звезда. Даже ночной ветер, казалось, остановил свой бег.

Тармилион поднял посох вверх, обеими руками, и произнёс первую часть старого Переплетения:

— *Clausura Sanguinis!*

Сияние посоха взвилось в небо, разрывая тучи. Красный свет превратился в чистое бело-золотое сияние, которое, словно копьё, пробило облака. Над садом открылась прореха в ночи. Чёрный купол отступил, и на мгновение стало видно звёзды.

По кругу вокруг Тармилиона на земле вспыхнули линии древних узоров, складываясь в сложный, многослойный символ. Они пульсировали в унисон с ударами его сердца.

Внутри сущности, в самой её глубине, Тарволд поднял голову. Чужая тьма рвала его, пыталась разорвать на части, но сейчас он держался за нить родной, кровной магии, как за канат.

Он вытянул руку вперёд, не физическую, а ту, что существовала только здесь — в сознании, и выкрикнул свою часть:

— *Rupes Animae!*

Из его груди вырвался луч.

Это была сама структура его потока, его полукровной сущности. Две природы магии переплетались в этот миг. Вместе они складывались в силу, которой в этом мире боялись и которая сейчас могла стать его спасением.

Две части Переплетения встретились.

В момент их соединения застывшая в воздухе тьма содрогнулась. Внутри чёрного сгустка, летящего к Тармилиону, вспыхнула трещина, похожая на тонкую линию света. Она начала расширяться, разламывая тёмную магию сущности.

Сад заполнил грохот.

Из точки соприкосновения двух сил вырвался взрыв: не

огненный, не плазменный, а чисто магический. Ударная волна света и тьмы, переплетённых в жёсткий узор, разошлась концентрическими кругами. Всё, к чему она прикасалась, дрожало, но не разрушалось. На этот раз сила работала не на уничтожение мира, а на выбивание из него чужеродной сущности.

Где-то далеко, на границе района, построенный патрулем Зримых Вне, защитный барьер вспыхнул голубым светом.

За барьером стояли Вальдриан и семья Хербариус.

Патруль Зримых Вне, спешно стянутых к дому, выстроил вокруг владений Хербариусов крупный защитный купол, сотканный из множества пересекающихся линий Переплетения. Полупрозрачная сфера покрыла весь участок: дом, сад и даже верхушки деревьев, ограждая от внешнего мира.

Ли, прижимая к груди маленькие ладони, стояла рядом с матерью и отцом. Все трое были закутаны в накидки, выданные патрульными. Хербариусов всё ещё трясло от пережитого.

Вальдриан стоял впереди, чуть выдвинувшись, словно сам готов был броситься под удар.

Именно он первым почувствовал ударную волну.

Ночь вздрогнула. От дома семьи Хербариусов к небу метнулась дуга яркого света, переплетённая с чёрными всполохами. Когда волна достигла барьера, купол засветился

ослепительно-голубым. Защита заколебалась, словно хрупкое стекло под ударом молота, но выстояла. Ударная волна «сгорела» на его поверхности, оставив лишь множество дрожащих колец.

— Это... — голос Вальдриана сорвался.

Он знал это Переплетение. Не по виду — его никто и никогда не видел собственными глазами, кроме тех, кто погиб вместе с ним, — а по описаниям из старых текстов, по исследованиям, которыми он жил десятки лет. «*Clausura Sanguinis*» и «*Rupes Animaе*» — последняя пара, применённая в далёком прошлом.

— Отключите барьер! — рявкнул он, резко оборачиваясь к патрульным Зримым Вне.

— Что?! Мы не можем, советник Менториус! — один из патрульных побледнел. — Там сейчас... Невообразимый уровень магии! Купол еле держится!

— Там Тармилион! — Вальдриан уже бежал вперёд, едва не врезаясь в мерцающую поверхность. — И мальчик!

Он ударил кулаком по барьеру. Тот дрогнул, прокатив по себе рябь светлых колец.

Сотрудники переглянулись. Старший патрульный сжал зубы, затем взмахнул руками, сплетая короткое, резкое словесное Переплетение.

Барьер понизил мощность. Толщина сферы в одном месте стала меньше, и там, где стоял Вальдриан, полупрозрачный купол открыл узкий проход, как дверь в невидимой стене.

— Только вы, советник! — выкрикнул один из Зримых Вне. — И назад, как только сможете!

Но Вальдриан его уже не слушал. Он бросился вперёд, как стрела, перелетая через границу и мчась к тому месту, где ещё недавно сиял вихрь Переплетения.

Сад был тих.

Там, где минуту назад бушевала невообразимая магическая буря, сейчас лежала странная, тяжёлая тишина. Воздух всё ещё мерцал остатками Переплетений. В нём клубились тонкие, искристые нити, медленно оседая на траву и листья. Некоторые из них вспыхивали и гасли, как умирающие светлячки.

В центре пустыря, на голой земле, лежала фигура.

Тармилион.

Его регалия была порвана в нескольких местах и обуглена по краям. Лицо бледное, мертвенно-белое, но удивительно спокойное. Губы чуть дрожали, дыхание было рваным и редким. Чуть поодаль, в нескольких шагах от него, валялся посох. По его поверхности прошла трещина, но он всё ещё был цел.

Там, где несколько минут назад возвышалась искажённая сущность, земля была чёрной, словно выжженной. Из центра этого пятна тянулся едва заметный разлом: трещина в самой реальности, которая уже затягивалась, как заживляю-

щая рана.

На миг в том месте мелькнул знакомый силуэт: мальчик, почти обычный, каким он был до того, как тьма вцепилась в его тело. Его глаза стали снова живыми, человеческими. Он посмотрел в сторону Тармилиона, тихо улыбнулся и едва заметно кивнул.

А затем растворился, как дым на ветру.

Трещина дёрнулась, схлопнулась, и вместе с ней исчез последний след сущности.

Чужое измерение схлопнулось.

Вальдриан, увидев всё это, сглотнул, чувствуя, как ком подступает к горлу. Глаза защипало, но он отогнал слёзы:

— Тармилион! — сорвалось с его губ.

Он бросился к другу, упал рядом на колени и аккуратно положил ладонь ему на грудь, словно боялся сломать хрупкую кость. Под пальцами едва ощутимо билось сердце.

Тармилион с трудом приоткрыл глаза. В их глубине всё ещё мерцал свет: не магический, а человеческий.

— Вальд... — хрипло выдохнул он. — Вот и всё... — Он попытался улыбнуться, но сил на это уже не хватило. — Надеюсь... — с усилием продолжил Тармилион, — Я не разочаровал тебя, мой дорогой друг... И поступил, как хороший человек...

Вальдриан наклонился ближе, его собственный голос дрогнул:

— Хорошее всегда было в тебе, старый упрямец, — сказал

он, сжимая его плечо. — Всегда...

Тармилион тихо выдохнул, как будто это его успокоило.

Его взгляд медленно скользнул в сторону, туда, где на земле, чуть дальше, лежал посох. Чернёное серебро, трещины, отверстия, покрытые пылью и грязью. Нить света внутри была едва-едва заметна, как тусклая искра.

— Посох... — прошептал он. — Забери его... Он твой.

— Что?! — Вальдриан заморгал. — Тармилион, нет! Ты же знаешь: я обычный человек! У меня даже Потока нет! Что я буду делать с Сакральным Предметом директора Академии?!

Тармилион собрал остатки сил, чтобы покачать головой:

— Вот именно... — слабо усмехнулся он. — Пусть будет напоминанием... Что даже в тебе, Вальдриан... Есть частичка... «Магии». — Он закашлялся, воздух обжёг лёгкие. Но он всё равно продолжил. — В твоей голове... — его голос стал глуше. — Кто, если не ты... Вдохнёт в него новую жизнь?

Его рука дрогнула и с последним усилием хлопнула друга по плечу.

Сияние в его глазах погасло.

Тело расслабилось, будто всё напряжение десятилетий наконец покинуло его. На лице застыло выражение тихой усталости и странного покоя.

Тармилион Виридерיום исчез, пал от сущности рукой собственного внука.

Как исчез до этого Тарволд, так же ушёл и он.

Вальдриан посмотрел на посох.

Тот лежал, как старая, немного потрескавшаяся серебряная трость, заброшенная в спешке. Внутреннее свечение не просматривалось. Любой посторонний решил бы, что это просто игрушка.

Вальдриан наклонился, взял посох в руку.

Ничего не произошло.

Ни вспышки, ни вибрации, ни живого отклика. Посох был тяжёлым, холодным и пустым. Словно умер вместе со своим хозяином.

Вальдриан сжал пальцы крепче.

В памяти всплыл недавний разговор в Академии: ночной кабинет, мягкий свет, чай, задумчивый взгляд друга.

«Магия не может всё. Есть вещи, перед которыми она бессильна. И вот там, где она бессильна, вступает в дело другая сила — ум, мудрость, решимость, знание. И всего этого в тебе более чем достаточно».

Он вдохнул глубоко, стараясь удержать дрожь в руках:

— Ну, что ж... — негромко сказал он, обращаясь то ли к посоху, то ли к пустому небу над садом. — Будем считать, что теперь у нас одна судьба, старина...

Посох никак не ответил.

Глава 4. Совет Высших

Столица Таудера — Алатрибн: город, утопающий в кольце заповедного леса «Хальдарийские Чащи».

Над переплетением древних крон, как врезанный в само небо утёс, громоздится резиденция Высшего Совета Зримых Вне — «Комплекс Арканума».

В его восточном крыле, за кольцом глухих, немаркированных коридоров, скрывается зал закрытых слушаний — Аудитория Вердикта Этерия. Здесь не бывает посторонних. Здесь судьбы Зримых Вне переламываются в сухие строки постановлений.

Аудитория Вердикта Этерия.

Высокий, вытянутый зал без окон. Вместо них полупрозрачный купол под потолком, в котором медленно, левитируя, вращается карта Таудера: континенты, тонкие линии магических потоков, всполохи и всплески. По кругу шесть высоких кресел Совета, высеченных из чёрного камня с вкраплениями жил из редких металлов, напоминающих застывшие молнии.

Подиум обвиняемых представляет собой низкую платформу из белого камня с вплавленными в пол защитными символами, подавляющими любую, потенциально опасную

магию. По левую сторону находится ряд для свидетелей и присяжных, по правую же — места конвоя. Под сводом парят стайки небольших сфер, ведущих протокол — Хроникаторы.

Под сводом у главного входа пульсирует знак:

«Закрытое слушание».

Сегодня на белой платформе обвиняемых стоит семья Оренис.

Шесть магистров занимают свои кресла.

Глава Совета — магистр Сельвар Астран — поднимается. Высокий, сухой, в тёмной, почти без украшений судебной регалии: строгий плащ арбитра с узкой медной окантовкой. Его голос ровен и холоден:

— Заседание Высшего Совета Таудера по делам о нарушении Запретного Переплетения «Тропы Вознесения» объявляется открытым! Дата зафиксирована, хроника ведётся! Стороны присутствуют! — Он проводит взглядом по залу. — Сторона обвинения — Высший Совет Зримых Вне в полном составе. Сторона потенциальной защиты — семья Оренис: Тал Оренис, Ариен Оренис, Нейл Оренис. Фэйн Оренис отсутствует. — Его глаза слегка прищуриваются. — Отсутствие фигуранта Фэйна Орениса при закрытом слушании, к которому он был надлежащим образом вызван, является прямым нарушением пятой статьи Кодекса Тау!

Рядом, на руках Ариен, тихо возится полугодовалый

Орин. Он бодр: с ясными, внимательными глазами. Ариен прижимает сына к груди так, словно это единственная опора, которая ещё удерживает её на ногах.

Магистр Корд Имран, широкоплечий и суровый, слегка нависает над краем кафедры:

— Фиксирую факт злостной неявки. Предлагаю наложить на Фэйна Орениса санкцию бесплатных общественно полезных работ: две недели трудовой очистки сектора старого фонда в Нижнем Квартале Алатрибна. Без права использования магии. Пусть хотя бы руками ощутит вес последствий.

— Без возражений, — коротко кивает Сельвар. — Санкция внесена в протокол. — Он поворачивается к Оренисам. — Семья Оренис, факт неявки старшего сына зафиксирован. Фэйн Оренис должен осознавать силу последствий.

Нейл что-то тихо бормочет себе под нос, сдерживаясь от неуместных реплик.

Тал опускает глаза.

Магистр Эйрана Торн, утончённая женщина, с мягкой улыбкой, но стальным взглядом, аккуратно поправляет регалию старшего магистра Совета и подаётся вперёд:

— Переходим к сути дела. — Её голос звучит мягко, почти ласково, но каждое слово — острый нож. — Семья Оренис, вы обвиняетесь в преднамеренном нарушении табу на использование Переплетений Класса «Запретных», а конкретно: в сотворении и применении ритуала фракционного перераспределения жизненной силы, известного как «Тропы

Вознесения».

Слово взял Риор Даллен. Небольшого роста мужчина, полноватый и с полузастёгнутой регалией учёного, достаёт из папки некий листок:

— Согласно архивам, — бормочет он, чуть не уронив свиток, — «Тропы Вознесения» относится к числу Запретных Переплетений крайне опасных. Побочный эффект непредсказуем.

Корд коротко перебивает:

— Фактические последствия:

1. Косвенная гибель двух Зримых Вне: Тармилиона Вири-дериума, директора Академии магии «Завесы Элианориса», и Тарволда Виридериума.

2. Массовое выведение из сознания жителей Мнёморы и окрестностей — временное, но зафиксированное.

3. Частичное стирание воспоминаний у Тала Орениса относительно собственного прошлого и детей. 4. Индукция эмоциональной атрофии у Ариен Оренис по отношению к старшему сыну Фэйну Оренису.

5. Излечение Орина Орениса от неизлечимой смертельной болезни «Сциссура».

Он заканчивает сухо:

— По букве закона за подобное деяние предусмотрено пожизненное заключение в «Цитадели Сдерживания» либо казнь с последующей утилизацией Сакральных Предметов, согласно двенадцатой статье.

В зале становится ещё холоднее.

Сельвар опускает взгляд на семью:

— Сторона обвиняемых имеет право высказаться, прежде чем Совет перейдёт к обсуждению меры наказания.

Тал делает шаг вперёд. Лицо усталое, взгляд глубоко виноватый, но не сломленный. Он выдыхает:

— Магистры... Высший Совет... Я не буду оправдываться. Мы знали, на что идём... — Он смотрит на Орина, потом на Ариен, чуть растерянно, будто — вглядывается в человека и в пустоту одновременно. — Сциссура уже съедала нашего сына. А как известно, шансов выжить нет. Мы нашли ритуал, выкупили у... Гхм... У третьих лиц. Имени мы не знали, как и образ торговца, всё было анонимно. Понимали, что он запрещён, но... — Голос срывается.

Нейл делает шаг вперёд, подхватывая:

— Но никто из Вас не стоял у детской кроватки и не смотрел, как ребёнок перестаёт дышать каждую ночь! — Она смотрит на Совет холодно, с почти вызывающим презрением. — Да, мы нарушили закон! Да, последствия вышли за пределы того, что мы могли представить! Но вы бы сделали то же самое, будь у вас выбор: хоронить своего ребёнка или рискнуть собой и всем, что у вас есть...

Магистр Илина Вар, жёсткая, с прямой осанкой, сдержанно качает головой:

— Не каждый. Есть те, кто примет смерть как часть порядка.

— Тогда, — Нейл вскидывает подбородок, — мне жаль ваших детей.

Пауза звенит.

Сельвар стучит по камню пером:

— Напоминаю, Оренис, вы находитесь в Аудитории Вердикта Этерия, а не на рыночной площади. Сдерживайте выражения.

Тал продолжает, более спокойно:

— Мы не отрицаем вины... Но мы и не раскаиваемся в самом факте спасения Орина.

— Если бы всё повторилось, — тихо добавляет Ариен, обнимая младенца крепче, — Я... Я снова бы схватилась за любую возможность.

Она замолкает, когда пытается упомянуть Фэйна. В голове пустота.

Совет погружается в негромкий, но напряжённый обмен репликами.

Илина высказалась коротко, почти строевым тоном:

— Нарушение Запрета — это подрыв фронта изнутри. Никакие слёзы не отменяют факта: их ритуал едва не привёл к появлению новой тёмной сущности.

Корд кивает:

— Систему держат не эмоции, а прецеденты. Если сегодня мы скажем: «Ну ладно, они спасали ребёнка», то завтра другой Зримый Вне, тоже «из любви» превратит полконтин-

нента в пепел. Я склонен к максимальной санкции.

Лисса Фарель, усталая, с мягкими чертами, перебивает негромко, но твёрдо:

— А я — нет. — Она смотрит на Орина, на его ровное дыхание, на здоровый румянец. — Я видела, как умирают дети от Сциссуры. Видела, как родители стоят в коридоре, и нам нечего им предложить, кроме обезболивающих и некоторых Переплетений временного сдерживания. Этот случай — преступление, да, но это ещё и прорыв, каким бы страшным он ни был. Орин жив. Мир, в контексте всего этого, — тоже.

Риор робко вставляет, всматриваясь в свои заметки:

— Статистически охват катастрофического поражения сознаний ограничился... М-м-м... Меньше чем одним процентом населения. И устойчивого эффекта, кроме случая Тарволда Виридерума, не отмечено.

— Ты сейчас серьёзно?! — Илина раздражённо щёлкает пальцами. — Говоришь о процентах, когда речь о жизнях?

Риор вздрагивает, бормочет:

— Я констатирую факты.

Эйрана Торн мягко улыбается:

— Факты — это хорошо, но не забывайте, коллеги, о политике. Если мы сейчас показательно казним семью, которая спасла собственного ребёнка, наше общество это воспримет не как «триумф закона», а как жестокое, бессердечное наказание. Особенно если учитывать фигуру и «вес» Тармилио-

на...

Сельвар резко:

— Тармилион погиб из-за этого ритуала!

— И именно он, — спокойно отвечает Эйрана, — не дал бы нам устроить здесь кровавый спектакль, Сельвар. Ты его знал.

Между магистрами пробегает напряжённый взгляд.

Корд сжимает кулаки:

— Совет обязан говорить голосом Закона, а не общественного мнения!

Лисса:

— Но закон без сердца — это тоже разновидность разрушения.

Спор заходит по кругу.

Хроникаторы негромко потрескивают, записывая каждое слово.

Сельвар наконец обрывает дискуссию:

— Совет временно отходит к совещанию! Решение пока не принято! — Он смотрит на Оренисов. — У вас будет ещё одна возможность высказаться.

Тал делает неожиданный шаг вперёд, почти в отчаянном рывке:

— Магистры... Мы примем на себя любое наказание, но не трогайте детей! — Он говорит твёрдо, без дрожи. — Наказание — наш долг, наша вина. Фэйн, Нейл, Орин — они уже заплатили слишком высокую цену за наши решения! Я...

Я не прошу пощады для себя... Только о том, чтобы жизни наших детей не были перечёркнуты приговором!

В этот момент один из конвоиров, Зримый Вне в форменной серой регалии, переглядывается с коллегой и осторожно подходит:

— Согласно Регламенту Закрытых Заседаний, присутствие младенца на руках во время обсуждения меры наказания... Эм, не соответствует протоколу.

Он неловко смотрит на Ариен:

— Госпожа Оренис, мне предписано временно изъять ребёнка и поместить его в безопасную комнату под надзор медицинского персонала до окончания слушаний.

Ариен бледнеет. Пальцы вжимают Орина так, что тот протестующе всхлипывает.

— Попробуй, — шепчет она. — Попробуй забрать.

Нейл делает шаг вперёд, встав между матерью и конвоем.

И тут в зал спокойно, но отчётливо вмешивается голос Лиссы Фарель:

— Конвой, отставить.

Она поднимается.

— Запишите в протокол: по настоянию Магистра Фарель ребёнок остаётся при матери, как объект с высокой магической чувствительностью. Изоляция дитя повысит риск неконтролируемого эмоционального всплеска. Мы не знаем, на что он способен и как на него повлияло Запретное Переплетение..

Она смотрит на Сельвара:

— Согласен ли Глава Совета зафиксировать это как исключение по медицинским основаниям?

Пауза. Сельвар выдерживает её, затем коротко кивает:

— Зафиксировать. Младенец остаётся. Любые попытки силового изъятия считать превышением полномочий.

Напряжение в зале немного ослабевает. Орин смеётся чистым, младенческим смехом, будто не понимая, где находится.

Когда спор Совета снова начинает накручиваться, голоса перекрывают друг друга. Корд говорит о прецедентах, Илина о фронте, Риор о статистике, Эйрана о «реакции граждан».

Нейл не выдерживает:

— Довольно! — Голос звучит резко, неожиданно громко для простой девушки. — Я слушаю Вас уже который час! И всё это время Вы обсуждаете «систему», «прецеденты», «облик Совета»... Но ни разу, — она делает паузу, — ни разу вы не спросили нас, как именно мы пришли к этому решению! Не спросили, почему мы не обратились к Вам, к магистру Фарель, к целителям!

Риор мямлит:

— Я... Э-э, читал выдержки...

— Вы читали формулы! — отрезает Нейл. — Она делает вдох. — Вы хотите побыстрее закончить... Поставить галочку: *«Дело о нарушении Запретного Переплетения рассмотрено, виновные отмечены»*. Если этот зал хоть чуть-чуть со-

ответствует названию «Вердикт Этерия», а не обычной камере для казней, то, возможно, стоит хотя бы сделать вид, что Вам важно не только лицо системы, но и то, что внутри неё ещё есть люди!

Молчание.

Даже Корд, казалось бы, неколебимый, смотрит на неё чуть мягче.

В этот момент дверь Аудитории вспыхивает сигнальными символами.

— Посторонние не допускаются! — сухо произносит Сельвар, оборачиваясь.

Дверь распахивается.

В зал, чуть запыхавшись, врывается высокий мужчина в тёмно-бордовой регалии — Вальдриан Меториниус. За его спиной поспевают семья Хербариус: Иссаэлия, Дариан и Лиа, сбившаяся с дыхания, с испуганными глазами.

Двое стражей пытаются было преградить путь, тянут руки к запирающим рунам.

— Остановитесь! — раздаётся холодный голос Корда. — Это закрытое заседание. Вас, советник, мы выслушаем позже! Так же причастность Хербариусов к этому делу лишь косвенна. Охрана, выведите...

— Дайте мне немного времени. После я поспешно покину заседание, — спокойно говорит Вальдриан, не повышая голоса.

Он — простой человек — смотрит на Совет так, будто

имеет на это полное право:

— Если Вы сейчас выставите отсюда свидетелей ключевого события, какими бы косвенными они ни были, и приближённого погибшего директора Академии, то в дальнейшем этот прецедент зафиксируют как отказ от полноты следствия и предвзятое судопроизводство. — Он чуть наклоняет голову. — Вы действительно хотите, чтобы через двадцать лет это дело цитировали в учебниках в качестве примера, как Совет боялся услышать правду, Магистр Астран?

В зале становится совсем тихо. Эйрана Торн чуть усмехается.

Сельвар долго смотрит на Вальдриана. Затем:

— Охрана, отставить! — Он добавляет с холодным раздражением. — Раз уж вы здесь, советник Меториниус, говорите. По делу.

Вальдриан делает шаг вперёд, становится чуть в стороне от Оренисов.

— Я буду не краток, а точен, — мягко поправляет он. — Между этими понятиями есть разница.

Он смотрит на Совет по очереди.

— Да, запретный ритуал семьи Оренис стал спусковым крючком. Также Вы прекрасно знаете: ударная волна из Мнеморы — это не просто «их Переплетение». Это совпадение двух катастроф: нестабильного внутреннего потока полукровки Тарволда Виридерииума и масштабного запретного ритуала, который, по расчётам, должен был изменить схему

распределения жизненной силы в пределах одной семьи.

Он поднимает руку, и один из Хроникаторов выводит в воздух карту: ту самую, что висела в кабинете Тармилиона. На ней вспыхивает точка Сильвариуса и быстро затухающие кольца от магической волны.

— Я сопоставил данные с карты Тармилиона и отчёты патрульных Зримых Вне. Сама волна не убила никого. Население было просто «отключено» временным шоком.

Корд хмурится:

— Просто «отключено» — слабое утешение.

— Возможно, — кивает Вальдриан. — Но факт остаётся фактом: массовой гибели не случилось. Это не оправдывает нарушение табу, но и не делает Оренисов палачами.

— А Тармилион... — Голос его на миг срывается, но он берёт себя в руки. — Тармилион осознанно вошёл в портал! Он сам выбрал тот путь! Он сам решил всё закончить. Он не был пешкой в их ритуале. Если Вы теперь попытаетесь возложить всю полноту его решения на одну семью, то оскорбите его память.

Илина медленно кивает:

— Директор Академии Магии никогда не был тем, кого можно «использовать» в своих целях. С этим трудно спорить.

Иссаэлия Хербариус, которая всё время стояла чуть позади, вдруг делает шаг вперёд. Её голос дрожит, но слова отчётливы:

— Нам очень тяжело говорить это. — Она сжимает руки.
— Тарволд... Он был нашим приёмным сыном. Мы его любили. И никогда... Никогда... — голос ломается, — не простим себе, что не уберегли мальчика.

Лиа прижимается к её боку, глаза полны слёз.

Дариан, обычно рассеянный исследователь, сегодня удивительно сосредоточен:

— Мы злились на Оренисов, магистры. Мы хотели... Все-го. — Он криво усмехается. — Пока Вальдриан не пришёл к нам и не разложил всё по полочкам. Если убрать эмоции, остались факты: они спасали своего ребенка, не зная о том, что где-то есть полукровка с изломанным внутренним потоком. Целью был не Тарволд. — Он делает вдох. — Мы не просим за них милости, но мы не хотим такой истории: «кровь за кровь». Это не то, чего хотел бы Тарволд.

Иссаэлия кивает. Слёзы катятся по щекам:

— Да. Наказание... Пусть будет... Но не казнь. Не пожизненная тюрьма. Они и так живут... С этим.

Она смотрит на Ариен с Орином.

— Мы понимаем, почему вы это сделали. И... Простите нас за ту ненависть, с которой мы жили эти дни.

Совет уходит в короткий, но бурный словесный шторм.

Корд по-прежнему стоит на своём:

— Закон — это закон. Освобождение от основной санкции создаст опаснейший прецедент.

Илина, нахмурившись:

— Но и повесить на их шею две смерти, за которые они не принимали решения, — тоже перекося.

Риор бубнит:

— Вероятность того, что ритуал пересечётся с сущностью масштаба Тарволда, — один к десяти миллионам. Это случайность, а не закономерность.

Эйрана:

— Политически казнь или пожизненное по этому делу будут приняты как жестокое и трусливое закрытие проблемы. Мы можем наказать, не ломая зря чужие судьбы. Изъятие Сакральных Предметов, запрет на магические должности, публичная фиксация в хрониках — этого достаточно, чтобы каждый Зримый Вне трижды подумал, прежде чем полезет в запрещённый арсенал.

Лисса тихо подытоживает:

— Они уже заплатили: памятью, чувствами и незаживающими ранами. Мы можем усилить эту боль до точки, за которой она станет бессмысленной. А можем остановиться, не разрушая то, что ещё можно спасти.

Сельвар долго молчит. В зал возвращается тяжёлое, вязкое ожидание.

Наконец он поднимается:

— Высший Совет приступает к оглашению решения.

Все взгляды обращаются к нему.

— Семья Оренис признана виновной в преднамеренном нарушении Запрета на применение Переплетений Класса

«Запретных», что привело к масштабному магическому резонансу и косвенно гибели Тармилиона и Тарволда Вириде-риумов.

Пауза.

— В то же время Совет учитывает: отсутствие прямого умысла на причинение вреда третьим лицам; фактическое излечение Орина Орениса от смертельной болезни; позицию ближайших потерпевших: семьи Хербариус, отказавшихся требовать кровавой платы. Хотя это никоим образом не влияет на официальное решение, так как семья Хербариусов не внесена в список фигурантов дела. Также характер самого Запретного Переплетения, последствия которого не до конца изучены и заведомо непредсказуемы. — Он делает вдох. — На основании совокупности обстоятельств меры высшей санкции, пожизненного заключения и магической казни применяться не будут.

Над залом словно выдыхает невидимый ветер. Ноги у Ариен подкашиваются. Тал ловит её за плечо. Нейл, побледнев, стискивает край платформы.

Сельвар продолжает, жёстко:

— Вместо этого Высший Совет постановляет:

1. Изъять и безвозвратно стереть личные Сакральные Предметы Ариен и Тал Оренис.

2. Пожизненно отстранить Тала и Ариен Оренис от любых магических должностей и практик, связанных с доступом к закрытому арсеналу.

3. Тал Оренис снимается с должности магического корреспондента в газете «Будни Таудера». Ариен Оренис лишается статуса старшего медика в Институте Пограничных Состояний. Внести в протокол пометку о совершённом преступлении с формулировкой: «Семья Оренис — исполнители Запретного Переплетения, помилованные Высшим Советом Зримых Вне ввиду исключительных обстоятельств и уже понёсшие личные потери».

4. Обязать семью Оренис сотрудничать с исследовательскими группами Лисс Фарель и Риора Даллена для анализа последствий ритуала, без права самостоятельного проведения магических опытов.

Он опускает взгляд:

— Дети семьи Оренис: Фэйн, Нейл, Орин — не подлежат дополнительным санкциям и считаются свободными от юридической ответственности по данному делу.

Лисса тихо шепчет:

— Так и запишем.

Эйрана добавляет, уже почти ласково:

— Отдельно Совет выражает соболезнования Вальдриану Меториниусу в связи с гибелью Тармилиона Виридерииума, а также семье Хербариус в связи с гибелью Тарволда Виридерииума. Ваши потери — не статистика и не будут забыты в хрониках.

Корд, неохотно, но честно:

— Я остаюсь при мнении, что наказание мягко. При этом

обязуюсь соблюдать решение большинства и твёрдо следить за исполнением наказания.

Сельвар берёт в руку молоточек. Он вспыхивает голубым светом:

— Заседание по делу Оренисов объявляется закрытым!
— Он ударяет по каменной плите.

Звук удара разносится по залу, как раскат отдалённого грома.

Охрана мягко, но неукоснительно начинает разводить стороны.

Семью Оренис отводят к выходу, где им предстоит подписать несколько протоколов, пройти процедуру изъятия Сакральных Предметов и оформление статуса. Ариен всё ещё держит на руках Орина. Младенец тянет руки к светящимся хроникаторам, смеётся, словно не замечая тяжести момента.

Нейл, проходя мимо Вальдриана, бросает короткое:
— Спасибо.

В её голосе ни грамма пафоса, только усталость и признание.

Семья Хербариус задерживается у двери. Иссаэлия и Дариан кланяются Совету, сдержанно и искренне. Лиа, уцепившись за руку отца, оборачивается на Вальдриана и тихо спрашивает:

— Тарволд... Он... Правда не зря?

Вальдриан медленно опускает взгляд на неё:

— Ничья смерть не может быть «правильной», Лиа, —

мягко говорит он. Взгляд падает в сторону Совета, в сторону уходящих Оренисов, в сторону запечатанной двери зала — Сегодня у нас был шанс сделать ещё один шаг к тому, чтобы ошибок стало меньше. Мы воспользовались им, как смогли.

Хроникаторы гаснут один за другим. Карта Таудера под куполом зала медленно сворачивается в тонкую линию света и исчезает.

Глава 5. Там, где рушатся стены

Нижний квартал Алатрибна дышал пылью.

Неделю назад здесь проходил демонтаж, рушили старое административное здание, которое давно мешало новым проектам столицы. Вместо всполохов магии лишь скучная, вязкая реальность: серые кучи битого камня, перекрученные балки, фрагменты стен. В воздухе стоял тяжёлый запах сырого бетона, запах старой краски, которая никак не выветривалась.

Небольшая бригада отбывающих наказание медленно, без особого энтузиазма, разбирала завалы. Кто-то пинал кирпичи ногами, кто-то лениво орудовал лопатой, кто-то с видом мученика переносил доски с одного места на другое. Над всем этим, прислонившись к сложенной из обломков колонне, скущающе наблюдал патрульный Зримый Вне в выцветшей форменной регалии. Одевание сидело на нём криво, ремень был перетянут.

Фэйн Оренис тяжело втянул воздух, грудная клетка горела от напряжения. Пот стекал по вискам, застревал в воротах регалии. Руки дрожали, словно он сражался, а не таскал камни.

Он швырнул в сторону очередной крупный обломок, сел прямо на разломанную плиту, словно его кто-то выключил. На пару секунд мир сузился до собственного хриплого ды-

хания и пульса в висках.

«Перекур»

Мысль, за которую могли устроить дополнительную смену, в миг растворилась в сознании.

Так или иначе, делать вид, что у него ещё остались силы, становилось невозможно.

Фэйн сунул руку во внутренний карман накидки и нащупал гладкий тёплый корпус телефона: прямоугольная пластина из тёмного стекла и металла, на «спинке» которой светило небольшое ядро связи. Внутри него лениво переливались тусклые спирали магии.

Он провёл пальцем по поверхности. Экран включился. Фэйн легонько прокрутил «контакты» — нашёл отца.

Ядро связи отозвалось лёгким гудением.

Нити магии внутри него закрутились быстрее, вытягиваясь в невидимый луч, пробивая магическое пространство столицы.

Тонкий, протяжный гудок.

Фэйн сглотнул.

Ещё один гудок.

И ещё.

Он уже почти хотел сбросить вызов, когда из ядра связи донёсся тихий щелчок, и в воздухе над телефоном дрогнула лёгкая, едва различимая вибрация, уплотняя голос.

— Алло? — голос Тала был мягким, как будто издалека, наполовину завёрнутый в вату вины. — ФЭйн?

— Да... — глухо ответил ФЭйн, чуть громче, чем собирался. — Это я.

Пауза.

С той стороны кто-то шумно выдохнул, потом тихий шорох, словно человек, который не знает, куда деть руки:

— Как ты? — осторожно спросил Тал. — Там... Всё нормально? Они не перегружают вас?

ФЭйн хмыкнул, усмехнувшись безрадостно:

— Замечательно, пап. Просто мечта... Грязь, пыль, развалины. И компания просто лучшая, что только можно пожелать человеку с административным наказанием. — он скривился. — Но я не об этом.

Он сменил позу, устроившись удобнее на куске плиты. Спина отозвалась болью. Левая ладонь сама собой упёрлась во что-то мягкое и чуть пружинящее, спрятавшееся под слоем пыли у него под боком. Он не обратил на это внимания, стиснув пальцами находку, словно это помогло бы удержать эмоции:

— Скажи, — выдохнул ФЭйн, уставившись в землю, — у тебя получилось хоть что-то вспомнить?

С той стороны повисла тишина.

— Ну... — начал Тал, но замялся. — Я... Пытаюсь... Ариен помогает, Нейл тоже... Я помню обрывки...

Пауза потянулась ещё длиннее.

У Фэйна дёрнулся глаз.

— Скажи просто, что не помнишь... — сквозь зубы произнёс он. — Не надо этих драматичных пауз!

Он услышал, как отец тяжело вздохнул.

— Прости... — тихо проговорил Тал. — Я правда стараюсь. Часть вещей... Они будто за стеной. Я знаю, что они были, но... Не могу дотянуться. Это... Не оправдание... Просто факт.

Фэйн сильнее вжал ладонь в то, на чём сидел. Снизу неприятно хрустнул старый переплёт, но юноша всё ещё не обращал на это внимания.

— Ладно, — отрезал он. — С этим ясно. — Он молчал пару секунд, собираясь с мыслями. — Как там мама? — в голосе прозвучала осторожность, за которой он пытался спрятать тревогу. — Она держится?

На том конце снова повисла пауза. В этот раз более тяжёлая, вязкая.

— Я просил её связаться с тобой, — наконец ответил Тал. — Поговорить. Она сказала, что ей... Некогда. Много дел в доме, забота об Орине... — он запнулся. — Она сейчас очень сосредоточена на младшем...

Фэйн почувствовал, как будто внутри него кто-то взял и аккуратно повернул нож. Он усмехнулся — сухо, без радости.

— Конечно. Ей некогда. — произнёс он.

С той стороны трубки только тяжёлое дыхание.

— Фэйн...

— Не надо! — перебил старший сын. — Не сейчас.

Он шумно выдохнул, уткнулся взглядом в горизонт. Над крышами полуразрушенного квартала лениво стлался серый дым от дальних фабричных труб. Над ними висело блеклое дневное небо Алатриона, как будто город сам устал от всего этого.

— Где ты был... Во время заседания? — вдруг спросил Тал. — Совет спрашивал...

Фэйн чуть нахмурился. Перекатился, устроившись устойчивее, и под ладонью ощутил новое движение: мягкий, но плотный угол какого-то предмета, наполовину зарытого в пыль. Но мысль о нём опять ускользнула.

— Мне нужно было время, — тихо сказал Фэйн. — Я был у реки. Той самой. Где мы с тобой ловили рыбу, когда мне было десять... Ты тогда всё время путался в снастях, а я смеялся, хоть сам даже крючок привязать не мог.

Пауза.

С той стороны лишь мёртвая тишина.

— Ты не... — начал Фэйн, но сам же оборвал. — Ладно, не важно. — Он вдруг сжал то, на чём лежала ладонь, так сильно, что почувствовал, как под пальцами прогнулась старая кожа обложки. — Всё, — выдохнул он. — Это был глупый вопрос.

— Я помню, что мы... Ездили к реке, — осторожно сказал Тал, будто ступая по тонкому льду. — Но деталей... Нет. Я

верю тебе, сын. Даже если не помню сам... Фэйн на секунду прикрыл глаза. Слово «сын» кольнуло.

— Мне пора... — произнёс он, чувствуя, как голос начинает подрагивать. — Работы ещё много. И патрульный тут только и ждёт повода...

— Фэйн, — перебил Тал, чуть отчаянно. — Я рад, что ты позвонил... Правда. Даже если я многое не помню... Ты всё равно мой сын...

Связь на мгновение зашумела.

Ядро связи слабо дрогнуло.

Фэйн резко сбросил вызов, не дожидаясь продолжения.

Экран потемнел. Ядро связи телефона медленно успокоилось, нити магии внутри него вновь стали ленивыми и редкими.

— Прекрасно, — прохрипел Фэйн себе под нос. — Просто замечательно!

Он сунул телефон обратно в карман регалии. Пальцы дрожали. Сердце билось слишком часто.

И тут над ним нависла тень.

— Я что говорил насчёт звонков?! — голос патрульного резанул по ушам.

Фэйн поднял взгляд.

Над ним стоял мужчина лет тридцати, в мятых, давно не обновлявшейся регалии патрульного. На груди тусклый знак городской стражи с вкраплениями кварца. Лицо у него было усталым и злым одновременно.

— Связь — только в отведённое время! — лениво, но раздражённо проговорил он. — Сейчас рабочее время, мальчик! Исполняешь установленное Высшим Советом наказание. Ещё раз увижу этот твой кирпич — изыму, и будешь потом бегать по канцеляриям, возвращать!

Фэйн молча кивнул, коротко, резковато:

— Понял... — процедил он. — Больше не повторится!

Патрульный прищурился, будто хотел что-то добавить, но махнул рукой:

— Работать! — бросил он. — Если вы думаете, что я хочу торчать тут с вами лишние часы, то ошибаетесь. Чем быстрее закончим, тем быстрее я уйду домой. А вы по своим делам.

Он развернулся и пошёл вдоль линии завалов, наблюдая за остальными отбывающими наказание и время от времени подталкивая кого-то словами.

Когда шаги патрульного стихли, на другом конце площадки Фэйн наконец посмотрел под руку.

Там, под тонким слоем серой пыли и мелкого щебня, лежал массивный, старый том. Кусок корешка торчал наружу, именно в него он вжимал пальцы всё это время. Обложка из потемневшей, потрескавшейся кожи цвета выжженного угля. По ней, забитые грязью, угадывались выцветшие узоры.

Фэйн осторожно стряхнул ладонью пыль.

Кожа под пальцами ощущалась живой: шершавой, тёплой, как будто книгу недавно держали. Где-то у верхнего правого угла обложка была обуглена, словно её задевал сильный жар,

но пламя передумало пожирать добычу и отступило.

Он поддел том за край и вытянул из-под обломков.

Книга была тяжёлой не по размеру. Податлива, но в то же время будто наполненная свинцом. На корешке, не читаемый с первого взгляда, узор из символов, которые не желали складываться в привычные слова ни на одном известном ему языке.

Фэйн провёл большим пальцем по знакам и ощутил лёгкий холодок.

Он открыл книгу наугад.

Страницы были толстые, желтоватые. Чернила же тёмные, почти чёрные. Письмо плотное, вязкое, строчки стелились, как река, каждое слово упрямо ускользало от понимания.

Это не была ни классическая и магическая латынь, ни стандартный алфавит, будто смесь всего и сразу, и одновременно. Что-то иное.

«Древний код»

Мысли мелькали одна за другой.

«Каким годом написана?»

Слева, на полях, то и дело попадались мелкие, аккуратные значки: круги с расходящимися линиями, странные спирали. Иногда рядом со строками были выведены символы, на-

поминающие схемы потоков магии, но они шли под такими углами, что обычный Зримый Вне счёл бы их ошибочными.

Фэйн поймал себя на том, что не дышит.

Он оглянулся.

Кто-то ругался у дальней стены, перебирая балки. Патрульный стоял спиной, препираясь с каким-то парнем, который слишком медленно чистил площадку. Никто не смотрел в его сторону.

Фэйн закрыл книгу. Обложка тихо скрипнула, словно недовольная тем, что её снова спрятали. Ещё один быстрый взгляд по сторонам.

Никто.

Решение родилось мгновенно. Он чуть приподнялся, распахнул одним движением свою регалию и нащупал внутренний глубокий карман: тот самый, который обычные мастера шили для инструментов, а Зримые Вне — для артефактов и прочего.

Книга едва-едва помещалась. Края страниц неприятно растянули ткань изнутри, но всё же скрылись. Тяжесть прильнула к боку, как спрятанный камень.

— Ну-ну, Оренис, — раздался сзади голос, в котором сквозила издёвка. — Смотри-ка, и здесь умудрился устроиться поудобнее!

Фэйн дёрнулся, рывком закрывая регалию.

Сердце ухнуло вниз.

Он обернулся.

Позади него стоял парень примерно его возраста, может, чуть старше. Тёмные растрёпанные волосы, под нижней губой засохшая кровавая корочка, видимо от какой-то недавней драки. Глаза светлые, слишком живые, с каким-то взвинченным блеском. На нём болталась выданная для работ регалия, но он ухитрился засучить рукава и расстегнуть ворот так, словно это был обычный дворовой плащ.

— Риан Кáрал, — представился он, криво ухмыляясь. — Если тебе интересно, с кем именно тебе сегодня повезло тут гнить.

— Не интересно, — сухо ответил Фэйн, поднимаясь. — Работаем в одном секторе день от силы, а после ты сам по себе, я сам по себе.

— О-о, — протянул Риан, делая вид, что удивлён. — А я-то думал, мы подружимся. Дружба осуждённых и прочее. Обменяемся историями, кто за что сюда попал...

Он склонил голову набок, прищурившись:

— Хотя про тебя я и так слышал. Твою историю, Оренис, весь Таудер переваривал.

Фэйн почувствовал, как в животе что-то сжалось:

— Ошибаешься, — бросил он. — Я — Оренис, а не бродячая хроника!

— Не скромничай, — Риан хохотнул. Смех был резким, нервным. — Семья Оренис, Запретное Переплетение, «великий риск во имя великой цели», — он картинно всплеснул руками. — Гибель двух Виридериумов, спасённый младе-

нец. Как там вас сейчас называют? «Гнилая семейка»? «Линия позора»? Газеты спорят.

Каждое слово билось в висках Фэйна, как молоток.

— Замолчи, — тихо сказал он.

— А чего? Неправда?! — Риан шагнул ближе. В его глазах было слишком много чего-то — страха, зависти, злости. — Из-за вас город «трещал по швам», половина Совета поругалась, патрули сейчас пашут, как проклятые, чтобы отлавливать отголоски той волны. Знаешь, что мой дядя говорил? Что если бы вы не полезли в эти игры богов, то Тармилион был бы жив. И тот мальчишка тоже.

Фэйн сжал кулаки.

— Я сказал — замолчи.

— А ты что сделаешь? — Риан вскинул подбородок. — Без СакПреда, без статуса, под присмотром вечно злого патрульного? Что ты можешь, Оренис?! Разве что опять всех вокруг разнести своим умом. Сначала сотворишь Запретное Переплетение, а потом будешь хлопать глазами, когда всё пойдёт не так? — Он ткнул Фэйна пальцем в грудь. — Знаешь, что самое смешное? — почти прошипел он. — Ты ведь, наверное, до сих пор уверен, что был прав!

Внутри у Фэйна что-то хрустнуло.

Грудь сдавило, как тисками.

Всё, что он так тщательно загонял вглубь всё это время — вина, обида, страх, злость — вспухло пузырём.

Рука сама собой схватила Риана за ворот:

— Я тебе сказал, — голос сорвался на низкий, глухой тон,
— Не говори о моей семье!

— А то что? — Риан дёрнулся, но Фэйн держал крепко. В глазах Кáрала мелькнул страх, тут же сменившийся вызовом.
— Убьёшь меня взглядом? Или попробуешь повторить что-нибудь из ваших запрещённых фокусов?

Мир на секунду стал узким. В нём осталось только лицо Риана: раздражающе живое, глупо дерзкое.

Фэйн толкнул его.

Риан не удержался на ногах, полетел назад и впечатался спиной в кучу щебня, с глухим стуком скатившись ниже. Фэйн прыгнул следом.

Навис сверху, вдавливая его обратно в пыль.

Первый удар кулаком пришёлся в щёку. Второй в подбородок. Кожу обволокло жар.

Риан попытался закрыться руками, в глазах мелькнул откровенный ужас.

— Ещё хоть слово про мою семью! — прошипел Фэйн, дыша тяжело, как загнанный зверь, — будь у меня сейчас Сакральный Предмет, я бы прикончил тебя на месте! Медленно. Так, чтобы ты каждый вдох вспоминал, как это: лезть туда, куда тебя не звали!

Риан всхлипнул, непроизвольно. Из рассечённой губы тонкой струйкой потекла кровь.

— Эй! — прорезал воздух раздражённый окрик патрульного. — Вы там что устроили?!

Через пару секунд патрульный уже был рядом. Он схватил Фэйна за плечо, рывком оттянул назад, одновременно пнув ногой кучу обломков, на которой лежал Риан:

— Встали! — рявкнул он на обоих. — Живо!

Фэйн шатнулся, но удержался на ногах. Грудь вздымалась. Кулаки звенели. Где-то сбоку тянулось тёплое, тяжёлое присутствие книги, прижатой к боку, как второе сердце.

Риан поднялся медленнее, вытирая рукавом кровь с подбородка и косясь на Фэйна с смесью страха и ярости.

— Ещё раз такое увижу, — продолжал патрульный, дыша им в лицо затхлым воздухом дешёвого настоя, — оформлю вам дополнительную неделю здесь. Лично. И плевать мне, кто вы там дома — Оренисы, Каралы.

Фэйн стиснул зубы:

— Понятно, — выдавил он.

— Понятно, — сквозь зубы повторил Риан.

Патрульный фыркнул:

— Развести вас по разным углам, как детей. — Он широким жестом указал в сторону дальнего края площадки. — Ты, Оренис, топай туда, к северной стене. Карал, к южной. И чтобы я вас рядом больше не видел. Работать!

Он развернулся и зашагал прочь, бросая через плечо:

— И запомните: я не намерен тут торчать лишние смены из-за ваших игр в доблесть.

Фэйн молча пошёл в указанную сторону.

Вески стучали.

Грудь кипела.

Сквозь злость, боль, обиду и усталость в сознании шевелился лишь один образ: тяжёлая, немая книга, спрятанная под регалией. Он совсем отчётливо чувствовал, что держал в руках не просто старый том, а нечто большее.

Фэйн шёл дальше, поднимая пыль и разбрасывая камни. Но мысли снова и снова возвращались к тяжести у ребра.

И где-то на самом дне этого вихря тихо, почти неуловимо шевельнулось то самое чувство, которое в Фэйне всегда было сильнее страха, вины и здравого смысла, — едва заметная, живая одержимость.

Глава 6. Новые горизонты

Четыре года спустя.

Утёс Арло.

Берег моря Нимераль тихо дышал под утренним солнцем. Море катило тяжёлые, но ленивые волны, разбивая их о тёмные, обросшие водорослями скалы. Солёный ветер поднимался по крутому обрыву, перелетал через узкую полосу прибрежных трав и упирался в новый дом Оренисов.

Дом был почти продолжением утёса: низкий, одноэтажный, сложенный из местного серо-песочного камня. Крыша — пологая, заросшая мхами. Издалека дом походил на ещё один пригорок у края обрыва.

Со стороны моря к нему был обращён широкий, застеклённый фасад. С него открывался вид на бесконечную линию горизонта и медленное мерцание вод Нимераля.

Со стороны дороги всё выглядело иначе: высокий, глухой, слишком ровный для здешних мест забор из тёмного, пропитанного смолой дерева. На нём не было ни резьбы, ни украшений. Этот забор выбивался из природного пейзажа, как шрам из живой кожи.

Его настояла поставить Нейл. И он выглядел именно так, как она и хотела: как протест всему миру.

За домом начинался задний двор: маленький островок нормальности. Там, где скала выравнивалась в естественную

террасу, Тал сам выровнял землю своими руками, а теперь всё заросло низкой травой и дикими цветами, которые приносил ветер с прибрежных лугов. По краю двора шла невысокая каменная оградка. За ней крутой и опасный обрыв. Отсюда открывался такой вид, что даже Ариен, давно уставшая от всякой красоты, иногда останавливалась и подолгу смотрела вдаль.

Посередине двора стоял простой деревянный стол, чуть потемневший от солнца. Рядом старенький, но крепкий барбекю, над которым уже подрагивали горячие струйки воздуха. Погода была почти издевательски хорошей: чистое небо, по которому лениво ползли редкие, пушистые облака, мягкое солнце, золотящая волны, лёгкий ветер.

— Осторожно! — выдох Нейл сорвался на шипение.

Она, прижав к груди большой поднос с маринованным мясом, споткнулась о что-то твёрдое и выступающее посреди прохода.

Поднос мотнуло, несколько кусков мяса опасно качнулись на краю, но всё выдержало. Нейл чудом удержала равновесие, выставив ногу вперёд и упёршись бедром в край стола.

— Да чтоб тебя... — она с усилием выдохнула и опустила поднос на стол. — Папа!

У её ног громоздился настоящий бумажный завал: коробки с архивами вперемешку с раскрытыми тетрадями, кон-

верты, обвязанные лентами, стопки старых писем, пожелтевших от времени. Поверх всего лежала куча фотографий, распахнутых, как страницы книги.

Нейл присела на корточки и начала собирать их в аккуратную пачку, чтобы хотя бы освободить проход.

На глаза сразу попали две фотографии.

На первой: они ещё в старом доме, в Мнеморе. Фэйн лет девяти, с уже тогда слишком серьёзным взглядом, сидит за столом, заваленным учебниками, а маленькая Нейл, семи лет, лезет в кадр сбоку, демонстративно закрывая собой половину страницы. За ними Ариен, смеющаяся, чуть растрёпанная, с мелом на щеке. Она что-то объясняет, держа руку на спинке стула Фэйна. Кто-то сфотографировал их в тот редкий момент, когда все трое смеялись.

На второй: река у Мнеморы. Тал стоит по колено в воде, держит за плечи крошечную, ещё почти лысую Нейл, которая с восторгом и ужасом одновременно смотрит на приближающуюся волну. На заднем плане: расплывчатая фигура маленького Фэйна, который, по-видимому, в последний момент отказывается лезть в воду.

Нейл задержала взгляд на лицах, прищурилась, будто пытаясь соотнести эти лица с теми, кто сейчас жил в доме на утёсе:

— Папа-а! — протянула она уже громче, раздражённо, собирая фотографии одной ловкой рукой. — Мы договаривались не устраивать археологические раскопки посреди дво-

ра!

Позади неё виновато промычали:

— Эм...

Тал стоял в проёме задней двери, в старом фартуке в полосу, который ему был чуть мал: тесно тянулся на плечах. На нём были домашние штаны, запачканные землёй, и мягкие тканевые тапки, совершенно не подходящие к образу грозного Зримого Вне, каким его помнили в Мнеморе. Сейчас он выглядел скорее как растерянный повар-затворник.

— Прости, — он быстро снял с уха карандаш, который, видимо, использовал как закладку в одном из дневников. — Я не успел убрать... Там кое-что важное нашёл. Кажется, мы ездили на море... — он нахмурился, пытаясь ухватить ускользающую нить. — Когда Фэйн был маленький? Или это не тот год...

— Пап, — Нейл мягко, но устало перебила. — Это всё очень трогательно, но я предпочитаю вспоминать наше прошлое не с разбитым тазом и мясом на земле.

Она собрала фотографии в ровную стопку, аккуратно положила их на верхнюю коробку и подтолкнула весь бумажный завал ближе к стене дома, освобождая проход.

— Не видела Фэйна? — спросил Тал, поправляя фартук, будто это могло сделать его менее виноватым.

— О, Фэйн! — фыркнула Нейл, поднимаясь. — Угадай с трёх раз, где он. Конечно же, у себя, «обнимается» со своей драгоценной книгой со свалки. — Она скрестила руки на

груди, посмотрела на отца поверх стопки архивов. — За последние четыре года он, по-моему, спал с ней чаще, чем с подушкой! Я не уверена, что он вообще помнит, как выглядит задний двор! Или собственная семья...

Тал кивнул чуть слишком быстро, словно подтверждая собственную тревогу:

— Да... Я тоже это заметил, — он провёл ладонью по волосам, запутав их ещё сильнее. — Я поднимусь сам. Позову. Вряд ли он когда-нибудь пробовал такой стейк, — на лице появилось смущение. — Хотя... — он запнулся. — Я не помню.

Где-то снаружи, за домом, послышался раздражённый голос Ариен:

— Если мясо не дойдёт до углей в ближайšie две минуты, оно отправится обратно в холодильник, а не в наши желудки!

— Нейл уже в пути! — отозвался Тал. Потом, понизив голос, добавил, обращаясь к дочери, — А я... К Фэйну.

— Да-да, конечно. Скажи этому книжному привидению, что если он не выйдет, я официально перепишу комнату под свой личный кабинет!

— Я передам, — Тал слабо улыбнулся.

На заднем дворе запах углей и соли смешался с лёгким ароматом розмарина и тимьяна, растущих в глиняных горшках вдоль стены. Ветер шевелил нитяные флажки, которые когда-то повесил здесь маленький Орин: кривые, расписан-

ные детскими рисунками полоски ткани. Пара из них уже выцвела почти до белого полотна.

У мангала стояла Ариен. Волосы, когда-то тщательно уложенные, теперь были собраны в небрежный пучок, пара прядей выбилась и прилипла к виску. На ней была простая светлая длинная рубашка, закатанные рукава, старые штаны. В руках мерцали длинные щипцы, которыми она время от времени ворошила угли.

— Мам, — Нейл поставила поднос с мясом на стол. — Овощи принесу чуть позже.

Ариен пошевелила где-то снизу, и жар вспыхнул чуть ярче, окрасив её лицо тёплым оранжевым светом. Пустой, но сосредоточенный взгляд окинул задний двор.

— Папа пошёл к Фэйну, — осторожно сказала Нейл, подходя ближе. — Хотел позвать его к нам.

— Напрасно, — спокойно произнесла Ариен. — Если ему не нужно, то не надо заставлять. Посидим без него. Вчетвером.

Нейл сжала зубы:

— Мам, так нельзя! — она старалась говорить мягко, но голос всё равно подрагивал, словно натянутая нить. — Фэйн — твой родной сын. То, что Переплетение...

— Слово, — перебила Ариен всё тем же ровным тоном, — «Сын» — это просто слово. Для меня сейчас оно не вызывает ничего.

Она перевернула одну из решёток для барбекю, хотя на

ней пока ничего не было.

Нейл резко поставила поднос с мясом на стол так, что ножи слегка подпрыгнули.

Она посмотрела на линию горизонта: море, уходящее в бесконечность, переливающееся серебром. На миг ей действительно захотелось шагнуть вперёд, идти прямо туда, туда, где вода съедает звук и мысли. Желание растворилось так же быстро, как появилась. Вздохнув, она взяла с блюда красное яблоко и подошла к матери ближе.

Осторожно, почти неслышно обняла её со спины, положив подбородок ей на плечо:

— Я тебя люблю, мам, — негромко сказала Нейл. — точно так же, как ты когда-то любила Фэйна. Я верю, что эта любовь всё ещё где-то там, под всем этим... Пеплом.

Ариен чуть дёрнулась, но не отстранилась. На секунду щипцы в её руке застыли.

— Держи, — Нейл вложила яблоко ей в ладонь. — Витамины. Помогают от цинизма.

— С цинизмом у меня всё в порядке, — фыркнула Ариен, забирая яблоко. Она посмотрела на него с интересом, будто это было что-то чужое, а после положила на край стола и снова наклонилась к углям.

В этот момент к барбекю, шлёпая босыми ногами по траве, подбежал Орин: четырёхлетний мальчик с растрёпанными тёмными волосами, в коротких шортах и слишком большой для него майке с нарисованным кривым китом. На его

плече свободно висел тонкий металлический браслет: круглая лента светлого металла. На оправе были вычеканены крошечные завитки, переплетённые так искусно, что казалось, они текут по металлу, как живые.

— Мам! — Орин уже тянулся рукой прямо к раскалённым углям. — Когда кушать? Я голодный как три лошадки и восемь чаек!

— Эй! — Ариен развернулась мгновенно, её рука мягко, но твёрдо перехватила его запястье. — Руки. — За секунду её взгляд из пустого стал тёплым и живым.

Она притянула Орина к себе, усадила на край стола подальше от барбекю и провела рукой по его волосам.

— Ты ещё успеешь сжечь себе пальцы, когда вырастешь.

— Я не маленький! — Возмутился Орин, но вскинул голову так гордо, что стал казаться ещё меньше. — Мне уже четыре! С половинкой!

— О-о, страшная сила! — с наигранным ужасом пробормотала Нейл. — Четыре с половинкой. Таудер содрогнётся!

По приоткрытому окну кухни до них донёсся голос местного радио: слегка шипящий, с перебоями, но всё же различимый:

— По сообщениям городской стражи, сегодня ночью неизвестные совершили акт вандализма в отношении бывшей резиденции семьи Оренис в Мнеморе. Повреждён фасад здания, исписаны стены, подожжена лужайка. Несколько окон разбито. Пострадавших нет...

— Вот, — тихо сказала Ариен, глаза на угли. — Мы вовремя съехали.

— Нет! — Нейл продолжала смотреть на море, но голос её стал резче, чем ветер. — Мы съехали, как преступники. Хотя... — она горько хмыкнула. — Для них мы именно они и есть — преступники! Удобно же: сжечь чей-то неудобный дом!

— Нейл... — Ариен чуть нахмурилась, глянув на дочь.

— Это неправильно... — упрямо проговорила Нейл. — Они не должны были отвернуться от нас вот так! А мы не должны были просто молча сдать и уехать в глушь! Этот забор... — она кивнула на переднюю часть дома, хотя его оттуда не было видно. — Я сама настояла, да. Но каждый раз, когда смотрю на него, мне хочется его поджечь...

Она резко отвернулась, чтобы Ариен не увидела, как в глазах блеснули слёзы.

Тал поднимался по узкому коридору к комнате, которую давно уже мысленно перестал называть «комнатой Фэйна» и стал называть «кабинетом».

Он остановился у двери.

— Фэйн? — голос у него получился чуть тише, чем он планировал. — Это я. Можно?

Тишина.

Он подождал ещё пару секунд, потом неловко облокотил-

ся на ручку и слегка нажал плечом. Дверь с протяжным скрипом поддалась, открыв щель, а затем, под натиском его тяжести, распахнулась полностью.

— Я... Эм... — начал Тал извиняющимся тоном. — Прости за вторжение в личную жизнь, но...

Слова сами собой оборвались.

Комната выглядела так, будто в ней одновременно прошёл ураган, магический эксперимент и сессия в Академии.

Стены были увешаны листами: формулы, диаграммы, латынь для Переплетений, надписи на непонятном, ломаном языке, а иногда каракули и заметки на полях. На столе у окна громоздилась не то башня, не то завал из книг: учебники по теории магии, старинные трактаты, ксерокопии из библиотек, тетради.

На полу: те же книги и бумаги, кое-где лежали записки с обведёнными и перечёркнутыми символами. Возле стены стояла, повисшая на стуле, его старая куртка, с засохшими пятнами соли и пыли.

В воздухе висел запах пыли, чернил и чего-то металлического, едва-едва ощутимого, словно от разряда магии, давно отгремевшей, но оставившей след.

У стола, почти упёршись носом в раскрытую книгу, сидел Фэйн.

Он похудел, став угловатее. Кожа чуть бледная, а под глазами тёмные круги. Глаза покрасневшие, но не от слёз, а от недосыпа и постоянного напряжения. Волосы растрёпаны,

собраны в какой-то подобие хвоста, но половина прядей всё равно выбилась и падала на лицо. Левой рукой он держал перьевую ручку, правой сжимал край старой, потемневшей от времени книги. Губы шевелились: он что-то тихо бормотал, глядя на страницу, водя по строчкам пальцем.

— Фэйн, — Тал осторожно переступил через россыпь листов. — Может... Хотя бы на минуту? Семья во дворе. Мясо.

— Занят! — резко отрезал Фэйн, даже не поднимая головы. — На пути к своей... — он запнулся, будто собирался сказать «жизни», но передумал.

— Ты мог бы... — Тал попытался сделать голос мягче. — Ну, просто выйти. Пять минут. Сестра, брат...

— Пап, — Фэйн резко черкнул по полям, оставив чёрную линию, и замер. Потом, не отрывая взгляда от книги, процедил. — Мне сейчас лучше находиться здесь... Не хочу смотреть... — Фэйн запнулся.

Тал сглотнул.

В голове промелькнула отчаянная мысль:

— Мама, — сказал он, улыбнувшись как-то криво, — очень хочет, чтобы ты спустился. Провёл время с Нейл и Орином.

Рука Фэйна замерла над страницей.

Тишина в комнате стала гуще.

Медленно, словно кто-то изнутри тянул за невидимые ниточки, он закрыл книгу, пальцы всё так же крепко сжимали её края. Взгляд уставился куда-то поверх страниц, в точку

на стене.

— Не надо, — хрипло сказал он. — Пожалуйста. — Он наконец поднял глаза на отца. — Не надо говорить ерунду, — голос стал твёрже. — За последние четыре года я ни разу не слышал, чтобы мама хоть что-то хотела от меня. Кроме, возможно, чтобы я исчез побыстрее из поля её зрения. Не надо подделывать её чувства под... под то, чего нет.

Тал неловко провёл рукой по лицу, будто стирал выдуманную улыбку.

— Это не её вина, — тихо начал он. — Переплетение... Последствия... Мы не могли знать, какие именно...

— Осознанный, — перебил Фэйн.

Он резко поднялся, прижимая книгу к груди так, словно она была щитом. Подошёл на шаг ближе к Талу. Взгляд его стал сосредоточенным, жёстким.

— Это был ваш осознанный выбор, пап. Твой и мамин. Я пытался вас отговорить в тот день. Ты помнишь? — он вдруг усмехнулся, но усмешка вышла безрадостной. — А, да. Зачем я спрашиваю. — Он сделал паузу, вдохнул глубже. — Это могло спасти как минимум две жизни, — тихо, но отчётливо сказал Фэйн. — Тармилиона и Тарволда. Мы бы... — он сжал книгу сильнее. — Мы бы что-нибудь придумали с Орином позже. Другой способ. Другой путь.

— Времени не было, — сухо ответил Тал. В голосе не было ни злости, ни оправданий, лишь усталость. — У него не было «позже».

— Тебе ли говорить о времени?! — резко перебил его Фэйн. Он сделал ещё шаг вперёд. Теперь их глаза были почти на одном уровне. Взгляд Фэйна упёрся прямо в зрачки Тала, не отводя ни на секунду. — Ты потерял часть нашего прошлого так, — он щёлкнул пальцами, — как будто это мелочь. Как дешёвую монету, что выпала из кармана. И теперь рассказываешь мне про ценность времени?

Рука Тала дрогнула. Пальцы сжались в кулак. На миг в его глазах мелькнуло что-то острое, почти яростное.

Фэйн не отступил. Слёзы выступили по краю его век, но он не моргнул, позволяя им медленно скатиться по щекам:

— Ну же... — выдохнул он почти шёпотом. — Давай! Сделай уже хоть что-нибудь... Кроме того, чтобы просить меня притвориться, что всё в порядке.

Кулак Тала выдержал ещё пару ударов сердца. Пальцы ослабли.

Он устало выдохнул.

— Спустишь, — мягко сказал он. — Проведи время с семьёй. Это не просьба отца, который что-то забыл. Это просьба человека, который очень не хочет потерять то, что у него ещё осталось.

Его взгляд невольно упал на книгу в руках сына.

За четыре года она изменилась. На её краях болтались разноцветные закладки, в переплёт были воткнуты обрывки бумаг, нитки, маленькие закладки с пометками. Тёмная кожа обложки была протёрта в местах, где пальцы Фэйна держа-

лись чаще всего. Символы на корешке, когда-то почти нечитабельные, теперь начинали проступать чётче, будто книга отвечала на внимание.

— Сколько ещё, — не выдержал Тал. — Сколько ещё ты будешь нянчиться с этой рухлядью? Она уже четыре года заменяет тебе родную семью.

Фэйн прижал книгу ещё ближе.

— Эта «рухлядь», — медленно произнёс он, — за четыре года дала мне больше понимания, чем все вы вместе взятые! Чем весь ваш Совет Зримых Вне...

Тал опустил плечи:

— Мне есть, что сказать, — тихо сказал он. — Очень много чего. Но... — он чуть развёл руками. — У меня, кажется, закончился запас сил и оправданий на сегодня. — Он повернулся к двери. — Я передам, что ты спустишься позже, — добавил он уже почти в коридоре.

Картинка в голове Фэйна чуть дрогнула на пару секунд, рисуя обрывочные кадры последних четырёх лет. После сознание вернулось в реальный мир:

— Семья мне всё ещё близка, — кинул вслед он уже привычным, ровным голосом, разворачиваясь обратно к столу. — Я ещё больше полюбил Орина. Но смотреть на всё это дальше... — он пожал плечами. — У меня нет на это сил! — Он подошёл к двери и, не глядя на Тала, добавил, — Я спущусь позже. Обещаю. Закрой, пожалуйста, дверь.

Тал ещё миг смотрел на сына, потом тихо кивнул и вышел,

аккуратно прикрыв за собой дверь.

К обеду задний двор, залитый солнцем, выглядел почти как картинка из чужой счастливой жизни.

На столе стояли тарелки с салатами, горячим хлебом, соусами. В центре большая доска с мясом: ароматные стейки, чуть поджаренные по краям, с соком, выступающим на разрезе. Рядом стоял кувшин с прохладным морсовым напитком, несколько кружек. Над всем этим легко кружили чайки, но не решались подлетать слишком близко.

За столом сидели трое: Ариен, Тал и Орин. Нейл то подходила, то уходила за утварью на кухню.

С утёса открывался вид, который мог бы украшать любую открытку: снизу, далеко-далеко, пенилось море Нимераль, вдалеке мерцала белая линия прибоя. На горизонте виднелись крошечные силуэты кораблей. Солнечный путь тянулся по воде, как расплавленное золото, а ветер приносил свежесть, солёные брызги и крики птиц.

— Он сказал, что спустится позже, — сообщил Тал, наливая себе и Ариен по кружке фруктового морса. — Разговор... Был... Сложный. Но... — он попытался улыбнуться. — Он обещал.

— Какое счастье, — сухо откликнулась Ариен, сосредоточившись на том, чтобы аккуратно нарезать стейк Орину маленькими кусочками. — Я уже не могу усидеть от пред-

вкуснения.

Орин, с набитым половиной картофельного ломтика ртом, радостно рассказывал:

— А вчера я поймал бабочку! Большую! Жёлтую, как сыр! Она села мне на нос, а потом я её в банку посадил! А потом Фэйн пришёл и сказал, что если я её не отпущу, она... — он наморщил нос, вспоминая слово. — Захлебнётся воздухом!

— Задохнётся, — поправила Нейл, садясь рядом. — Но да, он был прав. Бабочкам не нравятся банки.

— Я её отпустил! — с гордостью закончил Орин. — А она улетела! Очень быстро! Наверное, к своим друзьям.

— Вот видишь, — тихо сказала Ариен, чуть мягче. — Ты сделал правильно.

Момент.

Тень скользнула по краю стола.

Все трое почти одновременно обернулись.

К заднему двору, со стороны дома, медленно выходил Фэйн.

Он был уже не в домашней, вытянутой одежде, к которой все привыкли его видеть по утрам. На нём была регалия Зримого Вне.

Чёрный плащ до колен, с высоким воротом и глубоким капюшоном, надвинутым на лоб. Ткань была плотная, матовая, на солнечном свете по ней пробегали еле заметные узоры аккуратных швов. Накидка сверху плавно переходила на тунику того же тёмного оттенка и с молнией, под ней — ко-

бура с несколькими кожаными подсумками по бокам: одна — жёсткая, для реагентов; другая — мягче, для мелких артефактов и, возможно, еды в дорогу.

Так же на кобуре было крепление для Сакрального Предмета, той самой серебряной палочки. Рукоять чуть выступала: блестящее серебро, по которому змейкой шли углубления магических символов, а ближе к основанию глубокий красный камень, словно застывшая капля крови. По всей длине палочки местами были вкраплены мелкие янтарные камни.

На ногах боевые тактические ботинки из тёмной кожи, укреплённые вставками из медного сплава на мысках и пятках. Вместо шнуровки растянулась застёжка-молния.

За спиной, крепко пристёгнутый к плечевым ремням, рюкзак: не слишком большой, но явно тяжёлый, с множеством карманов и ремешков. На самом верху, словно на троне, восседала синяя жаба.

Пузолапая Заначница была существом странным: кожа ярко-синяя, с фиолетовыми пятнами по спине, глаза выпуклые, золотистые, с горизонтальным зрачком. Её лапы были широкими и немного непропорциональными: на каждой по четыре пальца с круглыми подушечками.

В момент, когда Фэйн остановился у края стола, Заначница громко, возмущённо квакнула, как будто объявляя его появление.

Тишина упала на двор.

Фэйн на мгновение застыл, ощутив на себе взгляды. Потом медленно снял капюшон.

— Я... — он провёл ладонью по волосам, аккуратно убирая их с лица. — Устал. — Голос его был тихим, но в нём не дрожал ни один звук. — Я думал, привыкну, — продолжил он. — К этому новому быту. К тому, что нас здесь не трогают. Что мы... — он чуть усмехнулся. — В безопасной глуши, подальше от любопытных глаз. — Он посмотрел на море. — Но я не могу смириться с последствиями того, что мы тогда сделали. — Парень сделал акцент на «мы», хотя все понимали, кого он имеет в виду. — Каждый день я смотрю на вас, на этот дом, на этот забор, на новости о прежней нашей жизни и старом доме... И понимаю, что если останусь сидеть здесь, делать вид, что всё это лишь плохое прошлое, то... — он качнул головой. — Тогда я ничем не лучше остальных.

Тал поднялся:

— Фэйн, — голос у него дрогнул. — Ты не обязан... Не сейчас. Не уходи. Не покидай дом. Мы...

— Хорошо. Твой выбор. — обронила Ариен сквозь зубы.

Орин, до этого восторженно глядевший на жабу и ботинки, вдруг понял, что происходит что-то нехорошее. Глаза его расширились, нижняя губа задрожала:

— Батик... — он соскочил со стула и подбежал к Фэйну, вцепившись в его плащ. — Не уходи... Пожалуйста. Мы ещё не ловили больших-больших-больших бабочек! Ты обещал! Мы будем ловить, а потом отпускать, чтобы они не... Не за-

дыхались!

— Я помню, — тихо ответил Фэйн, опуская взгляд на него.

Нейл вскочила, обошла стол и со всего размаха ударила брата кулаком в плечо. Не по-настоящему, а больше от отчаяния, чем от желания причинить боль.

— Ты... — её голос сорвался. — Ты просто урод! Знаешь об этом?! Ты сначала сидишь со своей этой книгой днями и ночами, а теперь просто решил уйти героически в закат?! Куда?! Зачем?! На сколько?! У тебя есть хоть один нормальный ответ?!

— Нет... — честно сказал Фэйн. — У меня нет нормальных ответов. Только ненормальные вопросы.

— Очень смешно, — Нейл всхлипнула, сжав кулаки. — Твои шутки с каждым годом только хуже...

— Переживут, — отмахнулся он мягко.

Ариен всё это время сидела на своём месте. Она смотрела на Фэйна, но взгляд её был непоколебим. Как будто она наблюдала за соседом, собирающимся переехать:

— Зачем так переживать? — наконец произнесла она. Её рука лениво вертела яблоко. — Побесится, побродит и вернётся. Даже если не вернётся — ну, он взрослый человек.

Фэйн кивнул ей коротко, как человеку, с которым заключили понятный, чёткий договор:

— Принято... — сказал он.

Заначница негромко квакнула, будто подтверждая.

— Из всех, кто сейчас здесь, — продолжил он уже серьёзно, — в данный момент мне интересен один человек.

Он опустился на одно колено перед Орином, так что их глаза оказались на одном уровне. Плащ чуть распахнулся, и маленький мальчик увидел за спиной брата рюкзак со странными ремешками.

— Это ты, — тихо сказал Фэйн.

Орин всхлипнул, потёр кулаком глаза.

— Я тебя люблю, малыш... — продолжил Фэйн. — Очень. Больше, чем, возможно, умею показывать. И... — он замялся, подыскивая слова, доступные четырёхлетнему сознанию. — Ты... Однажды... Покажешь всем, на что способны Оре-нисы. Только не нашими методами...

Он снял с пальца кольцо с изумрудом. На внутренней стороне красовалась крошечная, почти стёртая гравировка: три закорючки, больше похожие на детский рисунок, чем на буквы.

Фэйн вложил кольцо в маленькую ладонь Орина, согнул его пальцы в кулак.

— Слушай внимательно, — сказал он. — В этом кольце нет магии. Вообще. Ноль. Пусто. Но... — он слегка улыбнулся. — Оно может многое, если правильно приложить силу. Понимаешь?

— Не-а, — честно ответил Орин, размазывая слёзы по щекам.

— И правильно, — кивнул Фэйн. — Рано ещё. Просто

держи его. Когда тебе будет очень плохо... Или очень страшно. Сначала подумай. А уже потом делай. Это и будет «правильно приложить силу». Хорошо?

Орин серьёзно кивнул, зажимая кольцо так крепко, будто боялся, что его отнимут.

Взгляд Фэйна опустился ниже: на браслет, висевший на плече младшего брата.

Браслет был маленьким шедевром. Светлый металл был выгнут в идеальный круг. По всей внешней стороне шла тонкая, почти невидимая гравировка: символы, которые при внимательном взгляде складывались в знак защиты и принятия.

— Ты ещё не понял, — полушёпотом сказал Фэйн, кончиками пальцев поправляя браслет, чтобы тот сидел чуть плотнее. — Как это — чувствовать любовь родителей. Настоящую. Тёплую. Когда от её отсутствия больно... — он на миг поднял глаза на Ариен и Тала.

Он выдохнул, погладил брата по волосам.

Взгляд переключился на семью.

На Нейл, с сжатыми кулаками и красными глазами.

На Тала, который стоял, словно врос в землю.

На Ариен, которая, не моргнув, откусила наконец яблоко и сделала вид, что очень занята анализом его вкуса.

На Орина, который с зажатым в кулаке кольцом и блестящими глазами смотрел на него, как на весь мир сразу.

Губы Фэйна дрогнули, но он не дал им сорваться в непро-

шеную улыбку или гримасу:

— Ну... — выдохнул он. — Это прощание. Но не конец. Я... — он искал слово. — Я постараюсь сделать так, чтобы всё это имело хоть какой-то смысл!

— Ты урод... — повторила Нейл, но теперь в голосе звучала не только злость, но и беспомощная нежность. — Если вернёшься живым — я тебя сама убью.

— Договорились, — кивнул старший брат.

Ариен поднялась, но не подошла. Бросила на него долгий взгляд, в котором на долю секунды мелькнуло... Нечто. Может быть, тень той самой женщины с фотографий, смеющейся над макушкой маленького сына. Вспышка мимолетной эмоции погасла сразу.

Она развернулась и ушла в дом, не сказав ни слова.

Тал поднял руку, будто благословляя.

— Этот момент, — тихо сказал он. Голос всё же дрогнул, — Я не забуду... Даже если... — он криво усмехнулся, — Память опять решит что-то выкинуть. Иди. Если ты решил — моё благословение у тебя есть...

Фэйн кивнул ему. Это было больше, чем он рассчитывал услышать.

Заначница за его спиной снова громко квакнула, как сигнал к движению.

Он натянул капюшон, развернулся к морю. Вышел за низкую каменную оградку двора, перешагнув через узкий промежуток, где начиналась тропа вдоль утёса. Ветер тут же вце-

пился в края его плаща, пытаясь развернуть и удержать. Каждый шаг становился увереннее.

Один раз он ещё оглянулся.

Орин, всё ещё стоя у стола, поднял свою маленькую, сжатую в кулак руку с кольцом вверх: знак, что он услышал и запомнил.

Нейл отвернулась, вытирая глаза ладонью.

Тал стоял и не двигался, но губы его шевелились. Он шептал что-то себе под нос.

Фэйн развернулся обратно к дороге.

Пока все наблюдали за силуэтом на горизонте, по радио прозвучал очередной выпуск новостей:

— Вести Таудера. Экстренный выпуск. Сегодня Высший Совет Зримых Вне официально объявил: на должность нового директора Академии Магии «Завесы Элианориса» единогласно утверждён на постоянной основе Вальдриан Менториус. Четыре года эту должность контролировало временное управление. И вот настал день, когда это место занял бывший советник погибшего директора Академии — Тармилиона Виридериума. Решение Совета обусловлено его исключительными заслугами перед Таудером, личным вкладом в урегулирование недавних кризисов и моральным авторитетом, признаваемым как в магическом, так и в немагическом сообществе. Особо отмечено, что именно Вальдриан стал преемником легендарного посоха Тармилиона Виридериума, который бывший директор передал ему в свои

последние минуты жизни. Изначально реликвия должна была занять место в зале Музея Истории Магии, однако Высший Совет принял беспрецедентное решение: посох останется при действующем директоре Академии и будет использоваться как символ ответственности и преемственности власти. Это первый подобный случай за всю историю Таудера: управление основной магической Академией поручено обычному человеку, не обладающему собственным магическим потоком. Совет назвал это, цитируем: «смелым шагом в новую эпоху, где мудрость, знание и нравственная стойкость приравниваются к силе Переплетений». Магическое сообщество уже называет назначение Вальдриана Менториуса началом новой главы в истории Таудера. Мы будем следить за развитием событий.

Семья Оренисов лишь переглянулась, не придав должного значения этой новости.

Образ Фэйна постепенно уменьшался на фоне блеска Нимераля, пока не стал просто тёмной точкой на светлой линии тропы. А потом и вовсе исчез за изгибом горизонта, оставив Утёс Арло, дом, семью.

Лишь маленький мальчик по имени Орин не сводил взгляд с горизонта. Не окрепшей голове еще только предстояло понять, что это значит — быть Оренисом.

Глава 7. Слова, что не тают под дождём

11 лет спустя.

Серая изморось висела над Утёсом Арло, словно кто-то накинул на небо тонкое влажное покрывало. Возле обрыва — море Нимераль. Полотно шелестело тяжёлыми, но ленивыми волнами, и этот постоянный глухой шум давно стал для Оренисов чем-то вроде второго сердцебиения их второго пристанища.

Моросил мелкий, почти невидимый дождь. Капли собирались на волосках ресниц; на капюшонах дождевиков, на резиновых сапогах, в которые вода то и дело шлёпала с краёв луж. Воздух пах мокрой землёй, морской солью и хвойной смолой.

Два одиноких силуэта мерцали в толще дождя — Нейл и Орин.

На обоих были простые тёмные дождевики: у Орина с вытертыми локтями и подсевшими манжетами: он за последний год резко вытянулся, а у Нейл старый зелёный, с заплаткой на плече. Оба шмыгали носом, то ли от сырости, то ли от прохладного ветра, но двигались бодро.

Иногда по дороге, набирая скорость, проносились Икарисы.

Один такой как раз вынырнул из-за поворота. Глухой рокочущий звук был не похож на шум обычного мотора. Внутри машина бурлила чем-то вибрирующим, будто металл поёт. Икарис выглядел почти как обычный четырёхколёсный автомобиль, только в двигатель был вмонтирован матовый артефакт из кристалла — магическое ядро. Внутри ядра струился бледный свет: это ядро ловило и перерабатывало магию владельца из внутреннего потока в энергию для движения колёс и работу механизмов.

Водитель держал одну руку на руле, а в центре панели, в своеобразном «гнезде», находился Сакральный Предмет. Пока предмет установлен в «гнездо», Икарис по капле выкачивал магию, почти неощутимо для водителя: настолько отточенными и эффективными были схемы. Как любил писать когда-то Тал в статьях для «Будней Таудера»: *«почти безболезненно для внутреннего потока»*.

Но этот конкретный водитель был не слишком вежлив. Колёса попали в особенно глубокую лужу, и грязные брызги фонтаном полетели в сторону Нейл и Орина. Они успели отскочить, но пара тяжёлых капель всё-таки шлёпнулась по подолу дождевика Нейл и по штанам Орина.

— Эй! — Нейл, подняв голову, крикнула Икарису вслед. — Дороги тебе мало, гений? Может, ещё в дом нам заедешь?

Ответом ей был только быстро удаляющийся гул и красноватые огни габаритов.

— Ненавижу, — процедила она себе под нос. — И их, и

их игрушки, и их вечную... Магическую уверенность, что им всё можно.

Орин хмыкнул, но ничего не сказал. Он шагнул в следующую лужу нарочно. Вода всплеснула, но ему было всё равно: он смотрел себе под ноги и о чём-то думал.

Нейл скосила на него взгляд. Ей пришлось чуть ускориться, чтобы идти вровень. За последние месяцы Орин перерос её на полголовы; это раздражало и умиляло одновременно.

— Ты опять проваливаешься куда-то, — сказала она мягко. — Шлёпаешь по лужам, как маленький. О чём мыслишь, великий философ?

Орин пожал плечами, но через пару секунд всё-таки ответил:

— О Фэйне. — Имя повисло в воздухе, как капля, не успевшая сорваться с ветки.

— Мне, — продолжил Орин, — всё ещё странно, что я почти не помню его. Только куски. Как он держал меня на плечах... Как мы пускали бумажные кораблики в ручье, бабочки. — Он нахмурился. — И всё! Остальное — как будто чужая история, которую мне рассказали. А он ведь мой брат.

Нейл шумно вздохнула:

— Он не только твой. Я тоже кое-что помню. Особенно, как он умудрялся доводить всех до белого каления, а потом смотреть своими глазами «я всё сделал ради вас». — Она на мгновение сжала губы, — Он наш брат.

Они прошли ещё несколько шагов, под ногами тихо хлю-

пала размокшая дорога. Где-то далеко, ближе к морю, выкрикнула чайка.

— Я не понимаю, почему он ушёл, — сказал Орин. В голосе прозвучала сдерживаемая обида. — Даже не попрощался как следует. Ничего не объяснил. Просто... Выбрал «свой путь». А мы? Мы просто должны были привыкнуть?

— Мы? — Нейл усмехнулась, но в усмешке было больше усталости, чем насмешки. — Мы, дорогой мой брат, в тот момент успевали только не развалиться. Папа... — Она помолчала, подбирая слова. — Папа всё ещё каждое утро проверяет, не вернулась ли ему память. Мама всё ещё учится говорить «Фэйн», как будто это не имя случайного мальчишки с рынка. И да, нам было не до объяснений.

Она пнула камешек, тот отлетел в сторону и с плеском утонул в луже.

— Хотя нет, — поправила себя Нейл. — Знаешь что?! Я на него до сих пор зла! Потому что именно когда всё трещало по швам, он решил, что имеет право уйти и не вернуться. Красиво, героично, по-магически. А мы разгребаем.

Орин опустил голову ещё ниже:

— Я виноват, — тихо сказал он. — Если бы не я... Если бы не Сциссура... Родителям бы не пришлось делать Запретное Переплетение. Папа не потерял бы память, а маму не покинули бы чувства к Фэйну. Он бы не ушёл. Мы бы жили в Мнеморе. Папа писал бы свои статьи. Ты бы не шипела на каждый Икарис. Всё было бы по-другому.

Ему казалось, что это уже не мысли, а давно записанные внутри него отголоски вины. Каждый раз, когда он их «перечитывал», было так же больно, как в первый.

Нейл остановилась и взяла его за рукав, заставляя тоже остановиться.

— Слушай внимательно, — сказала она жёстко. — Ты тут ни при чём. Никак. Ноль. Ты был полугодовой ореховой булочкой, которая только научилась хлюпать кашей и хохотать на солнце. Все решения принимали взрослые. Они сделали выбор. Сознательно. И да, они заплатили. Мы все заплатили. Не смей вешать их выбор себе на шею.

Она, не выдержав, встряхнула его дождевик, как будто хотела стряхнуть с него липкую вину так же, как капли воды.

— В тот день, — продолжила Нейл, уже мягче, — всё произошло так, как и должно было в их головах. Плохо ли это? Хорошо ли? Я не знаю. Но ты — не их ошибка. Ты — причина, по которой кто-то вообще пытался что-то исправить.

Орин, чуть покраснев, кивнул.

Ему хотелось верить её словам, но внутри всё равно оставалась тугая, как узел, мысль:

«Если бы меня не было, им было бы проще».

Они пошли дальше.

Справа, над прибрежными кручами, мелькнуло что-то синевато-чёрное. Через мгновение над дорогой проскочила

стайка Фраксов. Небольшие магические твари размером с крупного кота, покрытые чешуёй, с перепончатыми крыльями, они носились, как взбесившиеся стрекозы. Один нёс в лапах чей-то яркий шарф, другой тащил в зубах блестящую ложку.

— Вот ещё один подарок цивилизации, — проворчала Нейл, глядя им вслед. — Фраксы. Обычно они у города ошиваются. Что им тут понадобилось?!

— Гнёзда, может, смыло, — предположил Орин. — Или они слышали, что на Утесе Арло живёт семья, у которой и так жизнь невесёлая — решили украсить.

Нейл фыркнула, но улыбка всё-таки появилась.

— Знаешь, — начал Орин немного позже, — я бы очень хотел помочь Фэйну. Если он... Запутался. Если ему плохо. Я... — он замялся. — Я должен был бы быть рядом. Поддержать. А получается, что я даже не знаю, где он. Я помню только, как он говорил мне про бабочку. Чтобы я её отпустил, иначе она не выживет. А потом сам исчез...

— Для того, чтобы поддержать, — сказала Нейл тише, — нужно хотя бы иметь возможность дозвониться. А наш гений давно отключил ядро связи в телефоне. Десять лет никто не может до него добраться. Ни магическим каналом, ни обычным. — Она облизнула пересохшие от ветра губы. — И да, — добавила она. — Родителям от этого не легче. Папа скучает, но держится, потому что ему кажется, что он уже не имеет права ничего требовать. А Мама... — на лице Нейл

промелькнула тень. — Мама... Странно. Как будто у неё в голове есть ячейка с надписью «Фэйн», но она пустая. Она старается быть вежливой, когда мы его упоминаем, иногда даже спрашивает: «А что он любил есть?» — но на этом всё. Никакого тепла.

Они вышли к невысокой косматой ели, за которой дорога поворачивала к небольшому мосту.

Орин на секунду остановился, вдохнул влажный воздух глубже. В груди стало чуть свободнее:

— Я всё равно хочу его найти, — упрямо сказал он. — Когда-нибудь. Вернуть домой. Или хотя бы... Поговорить.

— Зная его, — отозвалась Нейл, — он будет сидеть где-нибудь на вершине горы, окружённый своими бумажками, и рассказывать, как он спасёт мир, если не мешать ему.

Она хотела сделать голос насмешливым, но получилось больше печально.

Как по заказу, рядом снова пронёсся Икарис, на этот раз тёмно-синий. Колёса шумно взрезали очередную лужу, и брызги вновь полетели в стороны.

Нейл отскочила.

— Да чтоб вас! — выкрикнула она вслед машине. — Мало того, что всю страну в бетон залили, так ещё и обрызгали всех, кто пешком ходит!

Она исподлобья посмотрела на удаляющийся Икарис и добавила уже тише, почти себе:

— Зримые Вне. С их машинами, Советами, Академиями.

Всё у них — система. Всё у них правильно. Кроме людей.

Орин чуть заметно толкнул её плечом:

— Эй! — сказал он мягко. — Не все такие.

— Знаю, — вздохнула она. — Просто те, кто не такие, почему-то всегда оказываются в меньшинстве. Они замолчали. Впереди показался небольшой мост через ручей.

Мост был деревянный, старый, местами потемневший от влаги. Поручни украшали выжженные простые узоры: волны, рыбки, ветви. Тут же, в центре, когда-то кто-то выжег: «*Переходи и не запнишь*». Над буквами уже кое-где выступил мох, но слова читались.

— Иронично — проворчала Нейл, кивая на табличку. — «*Переходи и не запнишь*». Как будто кто-то прознал о моей ловкости.

Под мостом журчала узкая, но быстрая речка.

Они остановились на середине моста. Морось как будто начала редеть, за тучами угадывалось бледное солнце.

— Слушай, — Нейл вдруг решила сменить тему. — Раз уж мы заговорили о делах, я должна тебе кое-что сказать.

— Это о Фэйне? — насторожился Орин.

— Нет, — она покачала головой. — О работе.

Она опёрлась ладонями о перила, глядя на бегущую воду.

— Помнишь, я говорила про друга папы из «Будней Таудера»? Про Ролена?

— Который присылал нам старые выпуски газеты с выцветшими карикатурами? — уточнил Орин. — Помню. Па-

па всегда как-то по-особому улыбается, когда их читает.

— Вот, — Нейл кивнула. — Ролен предложил мне должность: «корреспондент раздела внутренней хроники Таудера», но, по сути, — кресло папы и его обязанности. Папе туда дорога закрыта, но место пустовать не должно. Ролен не хочет, чтобы его занял очередной послушный винтик. — Она сделала паузу. — И я думаю согласиться.

Орин повернулся к ней уже полностью:

— Правда? — В его голосе смешались радость и тревога. — А ты этого хочешь? Уверена, что справишься?

— Вопрос про «справлюсь» — обидный, — Нейл изобразила улыбку. — Я уже одиннадцать лет держу нашу семейную лодку, между прочим. Газета — это та же лодка, только с типографской краской.

Она на секунду задумалась и честно добавила:

— А насчёт того, хочу ли... Я не уверена, что «хочу», если ты про мечту в прямом ее понимании, но я чувствую, что это правильно. Там, в городе, всё ещё есть люди, которые не считают нас чудовищами. И один из них хочет, чтобы голос нашей семьи, и не только нашей, продолжал звучать. Если не я, то кто?

Орин кивнул, но его всё ещё мучил другой вопрос:

— А твой Сакральный Предмет? Он же... Сломан. Ты сама говорила. После того дня.

Нейл машинально коснулась внутреннего кармана куртки, где лежала её сломанная закладка с тонкой трещиной

вдоль сердцевины.

— Сломана — не значит мертва, — сказала она. — Она всё ещё может зажечь огонь, подсушить тебе носки, поднять пару книг на полку. Просто не стоит просить её остановить лавину или поменять погоду. Внутренний поток через неё идёт, но рывками, как у старого Икариса. Зато писать статьи я могу и без неё. Ставить запятые тоже.

Орин задумчиво потёр переносицу.

— Я искал что-то про ремонт Сакральных Предметов в библиотеке — признался он. — В той, что у нас дома, но там везде одно и то же: «Сакральный Предмет уникален и выдаётся один раз в жизни». Почему нельзя сделать новую? Или починить старую?

— Потому что, — Нейл усмехнулась, — если бы можно было, половина Зримых Вне страны каждый год меняла бы Сакральный предмет. «Ой, мне надоел этот сердечник из лисстарийской лозы, давайте теперь хвост Фракса, он популярен». — Она пожала плечами. — Если серьёзно, связь между Зримым Вне и Сакральным Предметом — это что-то уникальное и личное. Его не копируют. Могут слегка модернизировать: инкрустация, усилители потока, резонаторы — это дорого, сложно и, как правило, нужно тем, кто уже и так стал кем-то. Остальным хватает того, что есть.

Орин кивнул:

— А что с этим Предметом дальше? Э-эм... После смерти его владельца? — спросил он после паузы. — Просто исче-

зает?

Они к этому моменту как раз сошли с моста, и тропинка свернула в сторону дома, между полями и редкими деревьями. За спиной шумела речка. Впереди небо заметно светлее. Тучи расползались, открывая осторожное солнце.

Рядом снова мелькнул Фракс. На этот раз он решил развлечься: с разбега прыгнул в лужу прямо перед Орином, брызги взлетели выше колен. Фракс радостно пискнул, взмахнул крыльями и, виляя хвостом, сиганул в сторону кустов.

— Да что ж вы все сегодня, как с ума посходили! — простонал Орин, отряхивая дождевик. — Сговорились?

Нейл откровенно рассмеялась:

— Ты сегодня вкусный, наверное. Магнит для неприятностей. — Потом всё-таки ответила на его вопрос, — Как правило, если Зримый Вне был... Ну... «Обычным», — она выделила слово пальцами в воздухе, — его Сакральный Предмет забирает Министерство Безопасности. У них там целый Отдел Утилизации Магических Носителей. Отправляют в переплавку, в расщепители, в специальные печи. Правда, ходят слухи, что часть энергии таких Предметов используют потом для питания Магических тварей в Зоопарках, но это уже теория заговоров. — Она чуть помедлила. — А если Зримый Вне был великим, легендарным, или просто очень «правильным» с точки зрения Совета, — продолжила Нейл, с едва заметной иронией, — его СакПред оставляют. После помеща-

ют в Музей Истории Магии. За стекло, с табличкой. Для тех же экскурсий. Дети ходят, слушают, как этот человек «прославил» Таудер и «укрепил традиции». Иногда — это правда. Но чаще — удобная сказка. В любом случае Сакральный предмет уже не принадлежит семье. Он принадлежит Истории.

Орин мрачно кивнул. В голове всплыла старая новость: о посохе Тармилиона, который, по всем правилам, должен был оказаться в Музее, но остался у нового директора Академии — Вальдриана.

— А ты... — Нейл тронула его локоть, отвлекая от мыслей. — Ты сам думал уже про свой Сакральный Предмет? Про Академию?

Они вышли на открытый участок.

Вокруг тянулись поля, кое-где вспаханные, кое-где заросшие низкой травой. Редкие, кривоватые деревья стояли поодиночке, словно одиночные стражи. Дождь почти сошёл на нет. Они остановились и синхронно стянули капюшоны. Нейл убрала мокрые волосы за ухо, Орин встряхнул головой, сбрасывая капли.

Он подумал и честно сказал:

— Я не решил. Предмет нужен. Академия тоже. Если я хочу... — он запнулся, но договорил, — найти Фэйна. Без всего этого я буду просто парнем, у которого семья трещит по швам.

Он дотронулся до браслета — того самого, с искусной

оправой, который носил с трёх лет и к которому привык так, что почти не замечал. Браслет стал уже по размеру и хорошо дополнял кисть Орина.

— Но, — продолжил Орин, — мама с папой... Им тяжело. Я не хочу оставлять их одних. Если я уеду на Элианорис, они останутся здесь вдвоём. И ты... — он посмотрел на Нейл. — Ты тоже. Тащить всё на себе...

Нейл усмехнулась:

— Я и так таскаю. Ещё чуть больше — плечи не отвалятся. — Но в голосе её прозвучала благодарность. — И всё же. Ты не можешь всю жизнь сидеть на утесе и ждать, пока мир сам ответит на твои вопросы. В какой-то момент либо ты пойдёшь к нему, либо он придёт к тебе. И, честно? Пусть лучше ты будешь к этому готов.

Она остановилась, развернулась к брату лицом и поставила ладони ему на плечи: почти так же, как когда-то делала мать, когда успокаивала маленького Орина.

— Ты вырос, — сказала Нейл. — Серьёзно. Иногда ты говоришь вещи, от которых мне хочется спрятаться под стол. Потому что звучишь мудрее, чем я. Но вот что важно: ты имеешь право на свою жизнь. На Сакральный Предмет. На Академию. На попытку найти брата, если это правда твой путь. Я... — она вздохнула. — Я постараюсь сделать так, чтобы родителям было полегче. Чтобы ты не думал о них каждую секунду, как о «якоре».

Он моргнул, чувствуя, как неожиданно щемит в груди.

— Значит, ты примешь предложение Ролена? — уточнил он. — Окончательно?

Нейл улыбнулась уже шире:

— Да. — Она кивнула. — Я решила. Когда та бабка из соседней деревни вчера сказала маме: «Ах, если бы мистер Тал всё ещё писал свои статьи, может, нас бы там, наверху, слышали», — я поняла, что кто-то должен продолжить. Папа не может. Ты слишком молод и слишком честен. Мама... — она развела руками. — Вряд ли. Остаюсь я.

Она выглядела одновременно испуганной и решительной.

— Это снимет с тебя часть груза, — добавила она. — Ты сможешь думать не только о том, как не бросить родителей, но и о том, чего хочешь ты. А я останусь ближе к дому, к Утёсу Арло. Смогу приезжать. Следить, чтобы папа окончательно не утонул в чужих огородах, а мама не превратилась в ходячую аптечку, без права на отдых.

Они шли ещё минут десять, перекусывая по дороге бутербродами, которые им с утра завернула Ариен: толстый ломоть хлеба, кусочек запечённого мяса, немного свежих овощей и сыр.

Прошли мимо соседней деревни. Она была странным сочетанием неряшливости и уюта: дома стояли редко, каждый на своём клочке земли. Где-то заборы были покосившиеся, где-то их вообще не было. На верёвках болтались выстиранные вещи, по грязным улочкам бегали куры и пара толстых свиней. В лужах отражались низкие крыши и дым из труб.

Из одного окна, обрамлённого старой резной рамой, высунулась женщина с пышными усами из пара: она как раз варила что-то на плите.

— Нейл! — крикнула она, заметив их. — Передай матери, что у Малена опять живот крутит! Пусть заглянет, как освободится!

— Передам, тётя Шела! — отозвалась Нейл, махнув рукой. — Пусть пока даёт ему меньше сладкого и больше воды!

— Да он и так воду только и пьёт! — возмутилась из окна Шела, но голос её был больше благодарным, чем сердитым.

Когда они миновали деревню и дорога снова свернула к дому, тучи почти расступились. Солнце выглянуло нерешительно, но всё-таки осветило тёмные поля и мокрые стволы деревьев тёплым, золотистым светом. На небе, чуть сбоку, проявилась тонкая радуга.

Фраксы, казалось, тоже почувствовали перемену: один из них пролетел почти над самой их головой, неся в лапках какую-то блестящую пуговицу, и одобрительно пискнул.

Когда они вернулись к дому, задний двор уже встречал их запахом травяного отвара. Мама, в выцветшем платье и вязаной кофте, стояла у старого стола под навесом, вытирая кружки. Её лицо было спокойным, может, чуть уставшим, но в глазах, когда она посмотрела на них, мелькнуло что-то настоящее и тёплое: по отношению к ним двоим чувства

работали без сбоев.

— Вы вымокли, — сказала Ариен, осматривая их. — Снимайте одежду, иначе я буду лечить ваши простуды, а мне уже и так достаточно пациентов.

Она протянула каждому по кружке горячего напитка с имбирём и мёдом. Пар щекотал нос, сладость обволакивала язык, жгучий привкус имбиря разгонял холод внутри.

— Как там за пределами забора? — спросила она, будто речь шла о другой планете.

— Влажно, шумно и... — Нейл скосила взгляд на Орина. — Временами много Икарисов. Ничего нового.

Тал как раз в этот момент появился из-за угла, вытирая руки о полотенце. На нём был старый рабочий жилет, в волосах солома.

— А я сегодня ловил свиней, — с порога объявил он, как будто это была новость государственного масштаба. — У семьи Норис. Две сбежали. Нашёл одну. А вместо второй... — Он сделал драматическую паузу, глядя на Орина. — В загоне сидел Фракс. Очень толстый, очень довольный собой. И хрюкал. Честно. Я чуть было не поверил.

Ариен, Нейл и Орин переглянулись... И неожиданно все трое рассмеялись. Смех вышел сперва немного натянутым, но быстро стал живым, тёплым. Таких моментов у них давно не было.

— Ты его поймал? — сквозь смех спросил Орин.

— Фракса? Нет, — Тал махнул рукой. — Он весьма убе-

дительно притворился свиньёй. Я решил, что Норисам впору придется новая «свинья».

Они ещё немного посидели за кухонным столом, попивая горячий напиток и чувствуя, как внутри понемногу расправляются зажатые струны.

Потом Нейл вспомнила:

— Ах да. Мама, тётя Шела просила заглянуть. У Малена снова живот.

— Схожу после того, как тут приберусь, — кивнула Ариен. — Они опять пихают в него эти их карамели с перцем, уверена.

Орин, всё ещё держа кружку, повернулся к Талу.

— Пап, — сказал он, будто между делом, но в голосе звучало нетерпение. — Нейл решила... Занять твоё место. В редакции.

Тал замер на секунду. На лице отразилось сразу всё: удивление, гордость, щемящая тоска, облегчение.

— Правда? — тихо спросил он.

— Правда, — подтвердила Нейл, поставив кружку на стол. — Ролен не хочет, чтобы в «Буднях Таудера» сидел очередной человек Совета. А послушные у них в избытке. Я... — она улыбнулась. — Я умею писать. И ругаться. И задавать неудобные вопросы. Кажется, это подходит под описание работы.

Тал вдруг засуетился, стал искать где-то на полке телефон. Нашёл, включил, прикоснулся. В ядре связи мягко вспыхнул

свет.

— Надо позвонить Ролену, пока он не передумал, — пробормотал Тал, но в голосе звенела радость. — Он говорил, что будет только рад. Что... — он запнулся и посмотрел на Нейл с теплом, которое даже его обрывочная память не могла испортить. — Что Оренисы не должны исчезать из голоса Таудера.

Ариен закатила глаза, но в уголках губ появилась тень улыбки:

— Только не говори ему сразу, что Нейл вечно опаздывает. Пусть сам узнает.

— Я не вечно опаздываю, — возмутилась Нейл. — Я эмоционально дозреваю до дедлайна.

Орин рассмеялся и, пока отец отходил, чтобы спокойно поговорить со старым другом, обнял сестру за плечи.

— Спасибо, — тихо сказал он.

— За что? — она вскинула бровь.

— За то, что остаёшься. И за то, — он подбирал слова. — Что даёшь мне возможность думать не только о том, как спасти всех, но и о том, что делать мне самому.

Она на секунду прижала его к себе:

— Просто потом, когда станешь великим Зримым Вне и спасёшь мир, не забудь, кто прикрывал тыл, ладно?

— Не забуду, — серьёзно ответил Орин.

Солнце уже почти выбралось из-за туч, лаская поверхность Нимераля. С Утёса Арло вид открывался такой, от

которого замирало сердце: волны катились к скалам, где-то вдали виднелись крошечные силуэты рыбацких лодок, а над всем этим висело тяжёлое, но светлеющее небо.

Орин стоял на влажной траве, чувствуя под ногами твёрдую землю.

Понимание пришло быстро: его путь только начинается, и он не обязан повторять чужие ошибки.

Глава 8. Цена решений

Остров Элианорис всегда казался миру странной прихотью богов и ошибкой географии. Достаточно большой по площади: вмещал в себя все возможные вариации биомов, будто кто-то взял карту климатических зон и скомкал её в одном месте.

С севера волны обрывались о прибрежные утёсы, на которых вечно висел туман, насыщенный солёной пылью. В стороне тянулись пока ещё мрачные хвойные леса с чёрными стволами и сизыми кронами. Стоило пройти пару километров вглубь — воздух теплел, хвойные леса сменялись влажными рощами с мягкой податливой почвой, где корни деревьев образовывали настоящие лабиринты, скользкие от мха. Там, где земля чуть поднималась, рождались степные участки: сухая трава, редкие кустарники, переливчатое марево над землёй. У подножья склонов, с южной стороны острова, начинались временные тропические чащи, где ветви деревьев сплетались, не пропуская света, а почва дышала влажным и тёплым запахом прелых листьев.

Между этими природными «комнатами» не было плавного перехода: каждый биом словно отрезали ножом и пришили к следующему грубой и искусной нитью. Вся эта странная разношёрстная мозаика служила одной цели: сделать дорогу к Академии Магии практически непроходимой.

Пути, ведущие к «Завесе Элианориса», менялись. Там, где вчера был бурлящий поток реки, сегодня мог оказаться пересохший каменный овраг. Тропа, протоптанная накануне, на следующий день оказывалась затянутой шипастыми лианами, которые реагировали на шаги чужака. Магическая флора и фауна острова жила, словно по своим правилам: пропускать избранных и ломать волю случайных странников.

Сама Академия была вмурована в цепь из трёх гигантских вершин, тянущихся к небу в форме застывших, выщербленных клыков. Скалы были из тёмно-серого камня. Постройки Академии: арки, башни, залы и кампусы — будто вырастали из камня, образуя единый массив. Всё это, включая прибрежный туман, и было той самой «Завесой».

Раньше кабинет директора располагался в верхнем ярусе Академии: в центральной южной башне, откуда открывался вид на весь магический остров.

По распоряжению Вальдриана Менториуса кабинет директора перенесли вниз, на первый этаж. Его пожелание выглядело почти вызывающим жестом по отношению к традиции.

Он объяснил это просто: «Я — человек без магического потока. Я не имею права стоять над теми, кто им владеет».

Новый кабинет был скромным по меркам Академии. Потолки казались почти низкими для столь значимой фигуры. Внутри царила сдержанность: никаких позолоченных карни-

зов и прочих изысков. Свет давали простые люминарии.

Каждая вещь лежала на своём месте: папки и книги выстроены по высоте и тематике; никаких завалов; никаких хаотичных стопок — всё подписано и аккуратно уложено в ящики. Слабый запах свежей бумаги и чернил смешивался с тонким древесным ароматом.

Единственное окно, неширокое и вытянутое по горизонтали, пропускало умеренное количество света. Оно выходило на внутренний двор. У окна лежит каменный диск. На нём покоился посох Тармилиона из тёмного серебра: отголоски былого, чёрного дерева. На первый взгляд, обычный посох старика: извилистый корнями, слегка потёртый, с сетью продольных трещин, как морщин. Никаких сияющих кристаллов, никаких резных символов, только тёмное, полое, старое серебро.

Чуть поодаль, ближе к центру комнаты, стоял небольшой овальный стол. На столе: несколько аккуратных стопок документов, чернильница, пара перьев. Рядом располагалась тонкая мужская диадема из серебра. Её узор представлял собой переплетение ветвей и мелких звёздочек, настолько тонкое, что при ярком свете казалось живым. Диадема была не столько украшением, сколько знаком статуса: символом того, кто распоряжается Академией.

У стены справа, словно стражи у входа, висела на стойке пара тёмно-бордовых регалий директора: каждая идеально выглажена, ни одной складки или пятна. Ткань мягко по-

блѣскивала в тусклом свете, отливая то в вино, то в высохшую кровь.

За Рабочим столом тянулись высокие полки библиотеки. Книги — разнокалиберные и в переплѣтах, от строгого чёрного до выцветшего зелёного — стояли безупречно ровно. На корешках поблѣскивали аккуратные надписи. Ни единой пылинки. Казалось, что даже время здесь ходит на цыпочках, чтобы ничего не потревожить.

На полу, ближе к середине комнаты, лежал ворсистый ковѣр глубокого песочного цвета. В центре ковра были вышиты две падающие красные звезды: одна чуть выше и левее, другая — ниже и правее.

Главный акцент кабинета — большое керамическое кашпо у окна. В нём росла единственная сохранившаяся Лисстарийская Вечная Ветвь.

Когда-то это растение было всего лишь странным небольшим ростком в кабинете Тармилиона, похожим на искривлённую, зеленоватую жилку земли.

Теперь Лисстарийская Вечная Ветвь вытянулась под три метра в высоту. Её ствол был тонким, гибким, больше напоминающим вытянувшийся побег, чем нормальное дерево. Серебристо-серая кора, местами с переливами, словно внутрь дерева впаяли лунный свет. В нескольких местах по стволу пробегали узкие живые трещины, внутри которых можно было заметить едва заметное свечение.

Ветки расходились от ствола асимметрично, словно Ветвь

каждый раз по-своему решала, куда расти. На концах ветвей свисали продолговатые листья, по форме похожие на капли воды. Их поверхность была гладкой, с лёгким стеклянным отливом. Внутри каждого листа едва-едва проходили светлые жилки, образующие узор, похожий на карты созвездий. Иногда листья шелестели сами по себе, даже если в комнате не было ветра. В такие моменты казалось, что растение прислушивается или вспоминает. Вечная Ветвь обладала редким свойством: она впитывала остатки магических потоков из пространства, не разрушая их, а словно консервируя. Говорили, что если прислонить ладонь к её стволу и задержаться, можно уловить отголоски чужих Переплетений на уровне чувств.

Вальдриан много читал об этом, и ему всегда хотелось ощутить магию на своей руке, касаясь пальцами тонкого ствола растения, но каждый раз это действие заканчивалось ничем. Абсолютная пустота.

На нижней части ствола иногда проступали едва заметные искры, когда магический фон Академии повышался. В такие дни Ветвь как будто дышала чаще, её листья слегка приподнимались. В ботанических кругах считалось, что подобные растения можно пересчитать по пальцам одной руки.

За боковой дверью в кабинете находилась небольшая комната: скромный кабинет и временное жильё личного помощника директора.

Это был первый случай за всю историю Академии, когда

директору официально предоставили помощника Зримого Вне.

Решение Высшего Совета Зримых Вне объяснялось просто: директор без магического потока не мог позволить себе управлять Академией, где магия — не украшение, а фундамент. Требовался человек, способный быстро реагировать, грамотно работать с потоком магии и вести документооборот, а заодно — закрыть пропасть между обычным человеком и живой магией.

Комната помощника была меньше директорского кабинета, но не менее аккуратной. Узкий стол у стены, пара стульев, небольшой, но всё же книжный шкаф с рабочими томами, папками с протоколами. В углу поместилась простая кушетка с серым одеялом и складной ширмой. На стене висел небольшой календарь с отмеченными датами заседаний, поставок реагентов и встреч.

Эта комната теперь принадлежала Лие Хербариус.

Вальдриан Менториус стоял перед невысоким, но широким зеркалом в своём кабинете. Отражение в серебристой раме показывало мужчину пятидесяти семи лет, с аккуратно подстриженной бородой, в которой серебро стало уже преобладать над темными прядями. Лоб, изборождённый лёгкими морщинами, придавал ему вид человека, который привык много думать и много сомневаться.

Он поправлял свою регалию директора. Рукава сидели чуть не так, как ему хотелось, и он придирчиво перехваты-

вал ткань у запястий, разглаживал складки. Плечи он особенным образом выравнивал так, чтобы было видно: он не гнётся под тяжестью должности.

— Так, — пробормотал он себе под нос, чуть наклоняя голову то вправо, то влево, словно оценивал не столько одежду, сколько человека внутри. — Это всего лишь собрание. Обычное. Почти обычное. Одиннадцать лет прошло. Ты справишься, Вальдриан. Справлялся и с худшим.

Он выпрямился и впервые за утро позволил себе короткую нервную усмешку.

— Ты занимался эвакуацией в ту самую ночь, — тихо напомнил он себе. — Справишься и с этим. Люди не кусаются. Ну... Почти, — Он сделал вид, что втянул живот, потом тут же хмыкнул и перестал, — Пугаться подчинённых — не лучшая черта для директора Академии, — буркнул он, оттянул ворот регалии и снова посмотрел себе в глаза. — Не дрогнуть, Менториус. Не дрогнуть...

За его спиной едва слышно скрипнула дверь. Вальдриан был так увлечён своей речью к зеркалу, что не сразу заметил присутствие другого человека.

Тихое, едва заметное покашливание разрежало воздух.

Вальдриан вздрогнул, как от неожиданного выстрела, плечи дёрнулись, пальцы на мгновение сжали ткань у запястья. Но буквально через секунду он уже держал себя прямо, как ни в чём не бывало, только уголки губ немного дали слабину.

Он медленно обернулся:

— Лиа... — голос его был одновременно упрекающим и облегчённым. — Сколько лет прошло, а я до сих пор не привык к твоим... Манерам появляться из воздуха. Тармилион был бы в восторге.

В дверях стояла Лиа Хербариус.

Лиа, в светлой регалии с лёгким зелёным отливом, казалась младше своих двадцати четырёх лет. Её рыжие волосы были собраны в не самый аккуратный, но крепкий пучок на затылке, из которого предательски выбивались несколько прядей. Тёплые, внимательные глаза с лёгкой тревогой в глубине. На плече привычная кожаная сумка с документами, как будто она всегда держит при себе половину архива.

Она слегка виновато улыбнулась:

— Я стучалась, — сказала она, делая шаг внутрь и прикрывая дверь локтем. — Просто вы были так увлечены... — она махнула рукой в сторону зеркала, изображая круговое движение. — Переговорами с сотрудниками Академии и наставниками.

— Зеркало — жестокий оппонент, — вздохнул Вальдриан. — Не льстит, не умалчивает и всегда показывает, если у тебя пуговица не застёгнута. — Он снова обернулся к отражению и занялся последней пуговицей на манжете. — И всё-таки, — добавил с чуть заметной усмешкой, — боюсь каждый раз, словно первокурсник.

— Для директора Академии, — сказала Лиа, медленно проходя взглядом по его фигуре, по регалии, по осанке, —

быть способным бояться — не самое худшее качество. По крайней мере, вы помните, что вокруг живые люди, а не декорации. — Она чуть наклонила голову, прищурилась и, словно взвешивая, добавила, — В целом выглядит неплохо.

Вальдриан застыл, застегнув манжету.

— Неплохо? — переспросил он с показным изумлением. — Это всё, чего я стою? Неплохо?

Лиа сделала несколько шагов к столу, задумчиво оглядывая его со спины:

— Неплохо — это уже много, — произнесла она, будто цитируя что-то. — Но... — она позволила себе лёгкую интригу, — как будто чего-то не хватает.

Вальдриан снова повернулся к зеркалу, теперь уже подзрительно рассматривая себя.

— Не хватает... — Он провёл ладонью по плечу, по вороту, проверил, все ли пуговицы застегнуты, не перекосясь ли ремень. — Лиа, у меня всё на месте. Я почти уверен.

Лиа в этот момент дотянулась до стола, взяла тонкий серебряный венец двумя пальцами, осторожно, как будто он мог оказаться живым.

— Почти, — согласилась она. — Но не совсем.

Она подошла к нему мягким, почти неслышным шагом и остановилась за спиной. В отражении сначала скользнул её силуэт, а следом показали тонкие пальцы, бережно державшие венец.

— Разрешите, господин директор?

— Не отнимать же у тебя радости довести дело до конца,
— в шуточной форме ответил Вальдриан.

Девушка, привстав на стул, аккуратно водрузила венец ему на голову, чуть поправив, чтобы он ровно лёг на волосы.

Вальдриан выдохнул так, будто только сейчас образ стал завершённым.

— Вот теперь, — сказала Лиа, отступая на шаг и скрестив руки на груди, — Вы действительно похожи на того, кто собирается разговаривать не только с зеркалом.

Он посмотрел на своё отражение ещё несколько секунд, потом медленно кивнул.

— Лиа Хербариус, — торжественно произнёс он, чуть сменив интонацию на шуточно-официальную, — всегда была внимательной до мелочей. Сколько я её помню.

Он посмотрел на неё поверх плеча уже без маски официальности.

— А ведь прошло столько лет, — мягко добавил он, — пятнадцать, если быть точным. И я искренне рад, что ты не только выжила, но и... — он чуть вскинул бровь, — решила вернуться в этот каменный улей и согласилась стать моим личным помощником среди Зримых Вне. Лиа чуть отвела глаза, на щеках вспыхнул лёгкий румянец.

— Если бы кто-то сказал мне тогда, что я буду работать плечом к плечу с Вальдрианом Менториусом, — она хмыкнула, — я бы подумала, что это чей-то неловкий розыгрыш.

Она развернулась и направилась к двери в свой кабинет,

уже на ходу собрав со стола толстую стопку документов. Бумаги, казалось, сами прыгнули в её руки: насколько уверенно и быстро она обращалась с ними.

— Не нужно благодарностей, Вальдриан! — крикнула она из-за стены, — Это мой долг! — Бумаги громким шлепком легли стол, — Я только рада, что могу отдать должное Тармилиону, — её голос слегка дрогнул, но она быстро выровнялась, — Он спас нас тогда в ту ночь, пятнадцать лет назад. Если бы не он..., — она замолчала на секунду, будто проглатывая лишние слова, — А вы... Вы тогда сделали всё, чтобы эта ночь не стала последней для остальных.

Вальдриан тем временем перебирал документы на своём столе, отыскивая листок с заготовкой речи. Пальцы скользили по плотной бумаге, глаза пробежали по заголовкам: «*Обновлённый регламент*», «*Графики поставок*», «*Список новых обучающихся*»

— Я лишь... — откликнулся он из кабинета, — выполнял то, что должен был выполнить любой хороший человек на моём месте, — в памяти на мгновение промелькнул вопрос Тармилиона:

«*Хороший ли я человек?*»

Наконец он нашёл нужный лист, сложенный пополам. На нём аккуратным, но плотным почерком была записана его сегодняшняя речь.

Он прошёл мимо полуоткрытой двери в кабинет Лии и, ненадолго остановившись в проёме, взглянул на неё.

— Тармилион сделал всё самое главное, — сказал он спокойно, но в голосе звенела та особая нотка скорби, которую он так и не разучился прятать.

Лиа подняла на него глаза. В них мелькнуло что-то похожее на благодарность, смешанную с упрямством.

— Вы сделали гораздо больше, чем готовы себе признать, — серьёзно ответила она. — И я это говорю не как помощник директора, а как Лиа Хербариус, которую вы вывели вместе с родителями из самого эпицентра. Где Тарволд... Где сущность могла убить нас, не моргнув и глазом.

Она не закончила. Не было нужды.

Вальдриан отвёл взгляд, чтобы разрядить напряжение, и его глаза упали на Лисстарийскую Вечную Ветвь у окна. Он замолчал на пару ударов сердца, будто вслушиваясь в собственную мысль, потом шагнул ближе к растению, внимательно его рассматривая:

— Знаешь, — произнёс он, — пора бы перевести его в Магический Сад вашей семьи. Оно уже не помещается в моём кабинете. Да и... Не место ему тут. Ему нужна свобода.

Он провёл рукой рядом с листьями, не дотрагиваясь, но позволяя кончикам пальцев чувствовать исходящий от растения слабый холодок.

За его словами стояла целая история.

После той ночи, когда погиб Тармилион, дом семьи Хер-

барииус вместе с окрестными землями и Магическим Садам был выкуплен Академией Магии. Это было предложение Вальдриана, когда тот ещё был временным советником и по совместительству неофициальным посредником между Академией и Советом Высших Зримых Вне. Ходили слухи, что некоторые в Совете нахмурились при виде суммы, но в итоге решение приняли единогласно.

Семья Хербариус получила хорошие деньги, намного превышающие обычные компенсации. Но важнее было другое: Дариану Хербариусу оставили право оставаться главным смотрителем и управленцем сада, так, как того хотел Тармилион при жизни. Магический Сад стал формально собственностью Академии, но по сути оставался домом идей и трудов Хербариусов.

За это Лиа была Вальдриану благодарна так, что иногда сама удивлялась глубине этой благодарности.

Мысль о Саде и Ветви, видимо, ударила по её внутренней струне: Лиа буквально вылетела из своего кабинета, как стрела. В руках была уже раскрытая тетрадь с заметками, словно она собиралась тут же записывать начатый план.

Она не успела заметить, что Вальдриан всё ещё стоит в дверном проёме.

Удар был мягким, но ощутимым: она буквально врезалась ему в грудь. Перьевая ручка выскользнула из её пальцев и упала на ковёр рядом с вышитыми звёздами.

— Ой! — выдохнула она, одновременно отшатнувшись и

прижимая папку к себе. — Простите, я...

Вальдриан опустил взгляд, проверяя, не помяла ли она регалию, затем посмотрел на неё сверху вниз. В его глазах плескалась не строгая выволочка, а терпеливая, почти отцовская мягкость.

— Всё в порядке, Лиа, — сказал он, чуть наклонив голову, — Академия уже привыкла к тому, что Хербариусы двигаются быстрее, чем успевают заметить двери и людей.

Лиа смущённо отвела взгляд, подобрала ручку с ковра. Медленно выпрямилась.

— Я просто... — она порывисто вдохнула, — я сейчас же позвоню и закажу доставку Лисстарийской Вечной Ветви. Сегодня же. Пусть к вечеру растение будет в Саду, как Вы и пожелали.

— Прекрасно, — кивнул он. — Думаю, и Ветви, и твоему отцу от этого будет только легче дышать. Так или иначе, Виридериумы этого и хотели.

Он посмотрел на листок с речью, который всё ещё держал в руке. Несколько секунд помолчал, затем начал аккуратно складывать его пополам, затем ещё раз. Бумага мягко хрустнула.

— Знаешь, — сказал он, убирая сложенный лист в карман регалии, — мне, пожалуй, эта речь и не нужна. Хочу поговорить с людьми... По-настоящему, а не через заранее отредактированные фразы.

Лиа удивлённо приподняла брови:

— Вы уверены? — спросила она. — Там же... — она сделала неопределённый жест рукой, — Каждое слово взвешено!

— Я справлюсь, — спокойно ответил он. — Иногда живое слово, сказанное с риском запнуться, честнее, чем идеальное, но мёртвое.

Лиa чуть улыбнулась:

— Тогда, — мягко сказала она, — пусть ваше живое слово сегодня будет добрым для тех, кто, как минимум, в одиннадцатый раз увидит нового директора. Многие до сих пор сравнивают вас с Тармилионом. И чаще не в вашу сторону.

Вальдриан выдержал её взгляд.

— Они имеют на это право, — печально согласился он, — и, если честно, я тоже до сих пор сравниваю себя с ним. Всегда не в свою пользу.

Она задумчиво перевела взгляд на посох Тармилиона у окна.

— А посох? — спросила тихо. — Вы возьмёте его с собой? Хотя бы... Как знак преемственности?

Вальдриан проследил за её взглядом и задержался на посохе. В комнате будто стало немного тише. Он подошёл ближе к продолговатому чёрному серебру, но не протянул руку.

— Нет, — сказал он, наконец, — посоху место здесь. Не в моей руке. — Он слегка качнул головой, — Толку от посоха в руке человека без магического внутреннего потока немно-

го. Разве что для вида. — А я не хочу превращать память о Тармилионе в декорацию, — тихо произнёс он, слегка поворачиваясь к Лие. В этот миг его лицо озарила тёплая, почти лёгкая улыбка. — А вот ты, Лиа Хербариус, со своим Сакральным Предметом, — он выразительно кивнул в сторону её кобуры под регалией, — мне необходима гораздо больше любого символа.

Рука Лии почти автоматически двинулась к груди, под ткань регалии, туда, где скрывался её Сакральный Предмет. Пальцы нащупали знакомый холод металла.

Этот предмет напоминал прямой, тонкий стебель тюльпана из чистого серебра. Длина чуть больше ладони, чтобы удобно ложиться в руку. На одном конце — едва заметное утолщение, выполнявшее роль рукояти; на другом — закрытый бутон.

Этот бутон был особенным. В сложенном состоянии он выглядел вытянутым и узким, как миниатюрный кинжал. Его кончик был остр настолько, что без труда мог проколоть даже плотную кожу или ткань.

Лепестки бутона были такими тонкими, что казалось, это не металл, а застывший в серебре живой цветок, который вот-вот распустится. По бокам стебля проходили крошечные бороздки, напоминающие жилки настоящего растения. По ним во время использования Сакрального Предмета пробегал тусклый, зелёный, как весенняя трава, свет.

Особенность этого Сакрального Предмета заключалась в

том, что он мог «надрезать» магические структуры, как нож режет ткань. При должной концентрации Лиа могла этим бутоном аккуратно рассечь защитный контур, не разрушая его полностью, а лишь создавая временный тонкий проход.

Этот предмет появился у неё не случайно. Когда-то, в детстве, пока отец не видел, Тарволд сорвал необычный тюльпан в Магическом Саду. Цветок был странным, слишком холодным на ощупь и слишком тяжёлым для обычного растения. Тарволд подарил его Лие, шёпотом добавив: «Тебе к лицу». Она рассмеялась.

После его гибели Лиа, будучи ещё студентом Академии, не раздумывая выбрала его, как свой Сакральный Предмет. В нём осталась частица сада, воспоминание о брате и его детской нежности.

— Он со мной, — тихо сказала она, слегка постукивая пальцами по кобуре под регалией. — Всегда.

— Я на это и рассчитываю, — ответил Вальдриан, — если что-то и может подрезать гордость Совета Высших Зримых Вне, то это твой Тюльпан.

Она усмехнулась, понимая, что он шутит, но не совсем.

Вальдриан уже собирался выйти из кабинета. Рука легла на дверную ручку, как вдруг за его спиной осторожно прозвучал голос Лии:

— Вальдриан... Есть кое-что ещё, о чём я хотела сообщить. Прежде чем Вы уйдёте.

Он остановился, задержавшись в проходе, и медленно

обернулся. В его взгляде не было раздражения, только привычная внимательность.

— Тогда, пожалуй, — сказал он, отойдя от двери, — мне стоит сначала выслушать это «кое-что». — Он опустился в кресло у входа, то самое, в котором обычно принимал гостей. — Говори.

Лиа на мгновение замешкалась.

Она провела взглядом по кабинету, будто проверяла, всё ли на своих местах. Подошла к столу, медленно отодвинула стул и поставила его напротив Вальдриана, создавая маленький островок тишины внутри кабинета.

Села, чуть нервно поправила манжет, выпрямилась и уже более официальным тоном произнесла:

— Это касается семьи Оренисов.

Вальдриан, хоть и сидел расслабленно, заметно напрягся. Он поднял брови, чуть подался вперёд.

— Оренисы... — протянул он. — Продолжай.

Лиа взяла с края стола тонкую папку, перелистала несколько страниц, словно настраиваясь на точность.

— По нашей информации, — начала она чётко, — они сейчас живут на Утёсе Арло. Родители работают там же: Ариен и Тал Оренис заняты с местными делами — это известно в верхних кругах. Здесь ничего нового, — Она перелистнула страницу, — Главное не в этом. Дело в Орине Оренисе, — Она подняла глаза, чтобы убедиться, что Вальдриан следует за её мыслью, — Мальчик... — она осторож-

но подбирала формулировку, — Излечился от Сциссуры за счёт смерти двух людей и применения Запретного Переплетения. Ему уже исполнилось пятнадцать.

Вальдриан кивнул медленно:

— Пятнадцать... — повторил он. — Я был на суде по делу Оренисов, когда ему было всего... — он на секунду замолчал, уточняя в памяти, — около пяти-шести месяцев. Странно осознавать, что прошло столько времени.

— И он до сих пор, — подчеркнула Лиа, — он не подал заявки на обучение в нашей Академии. Хотя по возрасту уже имеет полное право, и сейчас идёт последняя волна поступления, — Она отложила папку в сторону, наклонилась немного вперёд, — Я подумала... — она говорила уже менее официально, — что, возможно, стоит не ждать, пока он сам решится. Может быть, имеет смысл, чтобы именно вы распорядились и отправили ему личное приглашение. Официальное письмо директора Академии. Вдруг он всё-таки согласится.

Вальдриан не сразу ответил. Лицо у него было спокойным, но взгляд стал чуть темнее:

— Ты понимаешь, — медленно сказал он, — что мы говорим не просто о ещё одном талантливом ребёнке?

— Понимаю, — серьёзно кивнула Лиа. — И именно об этом и говорю. Как бы к Оренисам ни относились, для Академии это был бы не только... — она чуть сжала губы, подбирая слова, — не только сильный политический и репутаци-

онный ход. Это был бы и шаг к тому, чтобы держать под наблюдением единственного в истории человека, пережившего Запретное Переплетение. — Она позволила себе чуть более резкий тон, — Мы не знаем, что у него с внутренним потоком. Не знаем, какие в нём отголоски той силы. Если там что-то не так, лучше, чтобы он был здесь, под контролем, а не на краю света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.